

T. 14 • № 3 • 2020

THE WORLD OF NEW ECONOMY

ISSN 2220-6469 (Print)
ISSN 2220-7872 (Online)

МИР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ

ЖУРНАЛ НАУЧНЫХ ГИПОТЕЗ И УСПЕШНЫХ БИЗНЕС-РЕШЕНИЙ

DOI: 10.26794/2220-6469

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67300
от 30 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67300
of 30, September, 2016

Периодичность издания – 4 номера в год

Publication frequency – 4 issues per year

Учредитель: «Финансовый университет»

Founder: “Financial University”

Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК
для публикации основных результатов
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук, включен в ядро
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 42131 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 42131 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

Vol. 14 • No. 3 • 2020

WORLD OF NEW ECONOMY

DOI: 10.26794/2220-6469

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА

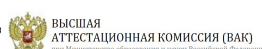

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Леочи П., д-р, профессор Университета Саленто г. Лечче (Италия);

Мазараки А., ректор Киевского национального торгово-экономического университета (Украина);

Симон Г., д-р, профессор, председатель правления «Саймон, Кухер энд партнерс стрэтэджи энд маркетинг консалтенс» (Германия)

Хан С., д-р, профессор, руководитель Департамента экономики Блумсбургского университета, (США);

Хирш-Крайсен Х., д-р, профессор Дортмундского технологического университета (Германия).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Порфирьев Б. Н., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, директор Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН;

Агеев А. И., д-р экон. наук, проф., директор Института экономических стратегий (ИНЭС);

Балацкий Е. В., д-р экон. наук, профессор, директор Центра макроэкономических исследований Финансового университета;

Герасименко В. В., д-р экон. наук, проф., заведующий кафедрой «Маркетинг» МГУ;

Головнин М. Ю., д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, первый заместитель директора по научной работе Института экономики РАН;

Ершов М. В., д-р экон. наук, проф. Финансового университета, главный директор по финансовым исследованиям Института энергетики и финансов;

Иванов В. В., канд. техн. наук, д-р экон. наук, член-корреспондент РАН, заместитель президента РАН;

Миркин Я. М., д-р экон. наук, проф., заведующий отделом международных рынков капитала ИМЭМО РАН;

Могилевский Л. М., д-р техн. наук, проф., генеральный директор РОАО «Москва златоглавая»;

Нуреев Р. М., д-р экон. наук, проф., научный руководитель Департамента экономической теории Финансового университета;

Сорокин Д. Е., д-р экон. наук, проф., член-корр. РАН, руководитель Департамента экономической теории Финансового университета.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сильвестров С. Н., главный редактор, д-р экон. наук, проф., действительный член (академик) Российской академии естественных наук, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета;

Казанцев С. В., заместитель главного редактора, д-р экон. наук, проф., ведущий научный сотрудник Финансового университета;

Подвойский Г. Л., канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Центра проблем занятости и трудовых отношений Института экономики РАН;

Юданов А. Ю., заместитель главного редактора, д-р экон. наук, проф. Департамента экономической теории Финансового университета;

Варнавский В. Г., д-р экон. наук, проф., заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примова РАН;

Звонова Е. А., д-р экон. наук, проф., руководитель Департамента мировых финансов Финансового университета;

Куприянова Л. М., канд. экон. наук, доцент Департамента учета, анализа и аудита, заместитель заведующего кафедрой «Экономика интеллектуальной собственности» Финансового университета;

Медведева М. Б., канд. экон. наук, проф., заместитель руководителя по учебно-методической работе Департамента мировых финансов Финансового университета;

Сумароков В. Н., д-р экон. наук, проф., советник при ректорате Финансового университета;

Рубцов Б. Б., д-р экон. наук, проф. Департамента банковского дела и финансовых рынков Финансового университета;

Толкачев С. А., д-р экон. наук, проф., первый заместитель заведующего кафедрой «Макроэкономическое прогнозирование и планирование» Финансового университета.

Журнал входит в Перечень периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

INTERNATIONAL PUBLISHING COUNCIL

Leoci P., Doctor, Professor of the University of Salento, Lecce (Italy);

Mazaraki A., Rector of Kyiv National University of Trade and Economics (Ukraine);

Simon G., Doctor, Professor, President of “Simon, Kucher & Partners Strategy & Marketing Consultancy” (Germany);

Khan S., Doctor, Professor, Head of Economics Department of Bloomsburg University (USA);

Hirsch-Kreisen H., Doctor, Professor of Dortmund Technical University (Germany).

EDITORIAL COUNCIL

Porfiriev B.N., Doctor of Economics, Chairman of the Editorial Board, Professor, Academician of RAS, Director of the Institute of Economics Forecasting of RAS;

Ageev A.I., Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute for Economic Strategies (INES);

Balackij E.V., Doctor of Economics, Professor, Director of the Center of macroeconomic researches of the Financial University;

Gerasimenko V.V., Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair “Marketing”, Lomonosov Moscow State University;

Golovnin M. Yu., Doctor of Economics, Corresponding member of RAS, First Deputy Director of scientific work of the Institute of Economics of RAS;

Yershov M. V., Doctor of Economics, Professor of the Financial University, Major Director of Financial Research of the Institute of Energy and Finance;

Ivanov V.V., Ph D. (Tech. Sciences), Doctor of Economics, Corresponding member of RAS, Vice-President of the Russian Academy of Sciences;

Ya. M. Mirkin, Doctor of Economics, Professor, Head of International Capital Markets Department IMEMO;

Mogilevskiy L.M., Doctor of Technical Sciences, Professor, CEO of Russian public company “Moscow of Golden Domes”;

Nureev R.M., Doctor of Economics, Professor, Science Coordinator of the Economic Theory Chair of the Financial University;

Sorokin D.E., Doctor of Economics, Professor, Corresponding member of RAS, Head of the Economic Theory Chair of the Financial University.

EDITORIAL BOARD

Silvestrov S.N., Editor-in-Chief, Doctor of Economics, Professor, full member (academician) of the Russian Academy of Natural Sciences, Director of the Economic Policy Institute and the problems of economic security of the Financial University;

Kazantsev S.V., Deputy editor-in-chief, Doctor of Economics, Professor, Leading Research fellow of the Financial University;

Podvoiskiy G.L., Ph.D. of Economics, Leading Researcher at the Center for Employment and Labor Relations of the Institute of Economics, the Russian Academy of Sciences (RAS);

Yudanov A. Yu., Deputy editor-in-chief, Doctor of Economics, Professor of the Economic Theory Chair of the Financial University;

Varnavskiy V.G., Doctor of Economics, Professor, Head of the Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences;

Zvonova E.A., Doctor of Economics, Professor, Head of the Global Finance Chair of the Financial University;

Kupriyanova L.M., PhD in Economics, Associate Professor of the Chair of Accounting, Analysis and Audit, Deputy Head of “Economics of intellectual property” faculty of the Financial University;

Medvedeva M.B., PhD in Economics, Professor, Deputy Head for Educational and Methodical Work of the Global Finance Chair of the Financial University;

Sumarokov V.N., Doctor of Economics, Professor, Adviser at administration of the Financial University;

Rubtsov B.B., Doctor of Economics, Professor of the Banking and Financial Markets Chair of the Financial University;

Tolkachev S.A., Doctor of Economics, Professor, First Deputy Head of the Department of Macroeconomic Forecasting and Planning of the Financial University.

The journal is included into the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission

© Журнал
«МИР НОВОЙ ЭКОНОМИКИ».
Свидетельство
ПИ № ФС77-67300
от 30 сентября 2016 г.
Издается с 2007 г.
Учредитель: ФГБОУ ВО
«Финансовый университет
при Правительстве
Российской Федерации»

Учредитель журнала
и главный редактор с 2007
по 2015 год д-р экон. наук,
профессор Н.Н. Думная

Главный редактор
С.Н. Сильвестров

Заведующий редакцией
научных журналов
В.А. Шадрин

Выпускающий редактор
Ю.М. Анютина

Корректор
С.Ф. Михайлова

Переводчик
З. Межва

Верстка
С.М. Ветров

**Оформление подписки
в редакции**
по тел.: 8 (499) 943-94-31
e-mail: MMKorigova@fa.ru
Коригова М.М.

Адрес редакции:
123995, ГСП-5, Москва,
Ленинградский пр-т,
д. 53, к. 5.6
Тел.: 8 (499) 943-98-02.
E-mail: julia.an@mail.ru;
wne.fa.ru

Подписано в печать:
18.09.2020
Формат 60 × 84 1/8
Заказ № 471
Усл. печ. л. 11,52
Отпечатано
в Отделе полиграфии
Финансового университета
(Ленинградский пр-т, 49)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Казанцев С.В.

Сопоставление угрозы национальной безопасности

и опасностей коронавируса6

Меньшикова О.И.

Уровень благосостояния трудоспособного населения

как концентрированное выражение качества трудовой жизни..... 15

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Коротков И.Г.

Национальная инновационная система Израиля в начале XXI века..... 27

Зубенко В.А., Масалимова А.М.

Анализ глобальных экономических и политических факторов

и вызовов евразийской экономической интеграции..... 34

ФИНАНСОВАЯ АНАЛИТИКА

Соколинская Н.Э., Куприянова Л.М.

Риски развития информационных технологий в банковском секторе 44

Донецкова О.Ю., Петрушова В.В.

Текущее состояние инвестиционной деятельности банков в России..... 54

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР

Подвойский Г.Л., Ларионов А.В.

Повышение эффективности распределения денежных потоков

в рамках системы социального страхования 64

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Кочемасова Е.Ю.

Актуальные проблемы устойчивого развития и их решение в России..... 75

Стрижкова Л.А., Куранов Г.О.

Качество экономического роста

как предпосылка повышения эффективности управления

социально-экономическим развитием России..... 83

THEORETICAL ASPECT

Kazantsev S.V.

**Comparative Analysis of the Threat to National Security
and the Dangers of Coronaviruses6**

Menshikova O.I.

**The Level of Well-Being of the Working Population
as a Concentrated Expression of the Quality of Working Life 15**

WORLD ECONOMY

Korotkov I.G.

**National Innovation System of Israel
at the Beginning of the 21st Century..... 27**

Zubenko V.A., Masalimova A.M.

**Analysis of Global Economic and Political Factors
and Challenges of The Eurasian Economic Integration 34**

FINANCIAL ANALYTICS

Sokolinskaya N.E., Kupriyanova L.M.

Information Technology Development Risks in the Banking Sector 44

Donetskova O. Yu., Petrushova V.V.

Current State of Investment Activity of Banks in Russia 54

REAL SECTOR

Podvoiskiy G.L., Larionov A.V.

**Improving the Efficiency of Cash Flow Distribution
within the Social Insurance System 64**

ECONOMIC POLICY

Kochemasova E. Yu.

**Actual Problems of Sustainable Development
and Their Solution in Russia 75**

Strizhkova L.A., Kuranov G.O.

**Quality of Economic Growth as a Prerequisite
for Improving the Efficiency of Management
of Socio-Economic Development in Russia 83**

© "WORLD OF NEW
ECONOMY" Journal
Certificate
ПИ № ФС77-67300.
of September, 30, 2016
Issued since 2007.
Founders: Financial
University Under
The Government
Of The Russian Federation

Founder and editor
of the magazine from 2007
to 2015 Doctor of Economics,
Professor N.N. Dumnyaya

Editor-in-chief
S.N. Silvestrov

*Science journal editorship
manager*
V.A. Shadrin

Publishing editor
Yu.M. Anyutina

Proofreader
S.F. Mihaylova

Translator
Z. Mierzwa

Makeup
S.M. Vetrov

Editorial office address:
123995, GSP-5, Moscow,
Leningradskiy prospekt,
53, room 5.6
Tel.: 8 (499) 943-98-02.
E-mail: julia.an@maul.ru;
wne.fa.ru

Signed off to printing:
18.09.2020
Format 60 × 84 1/8
Order № 471
Relative printer's sheet 11,52
Printed in the Department
of Polygraphy of the
Financial University
(Leningradskiy prospekt, 49)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

 CC BY 4.0

DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-6-14
УДК 330(045)
JEL F52

Сопоставление угрозы национальной безопасности и опасностей коронавирусов*

С.В. Казанцев

Финансовый университет, Москва, Россия
<http://orcid.org/0000-0003-4777-8840>

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты применения элементов методологии исследования безопасности объектов в изучении одной из нависших над обществом угроз – пандемии COVID-19. В этом частном объекте автор статьи старался показать общее, присущее собирательному понятию «угроза безопасности». Знание присущего всем угрозам общего и конкретной из них – частного позволяет лучше организовать защиту объекта, подготовиться к купированию угрозы и устранению последствий ее реализации. В статье на основе официальных данных Федеральной службы государственной статистики РФ показано ухудшение положения здравоохранения и науки в современной России, что, естественно, ослабило их потенциал противодействия пандемии. В работе также представлена математическая модель, использованная автором для расчета результатов двух способов замедления распространения коронавирусной инфекции: изоляции граждан и применения средств индивидуальной защиты. Проведенный анализ, в частности, подтвердил два известных теоретических положения: в исследовании процесса реализации угроз и при оценке причиняемого ими ущерба целесообразно опираться на результаты модельных расчетов, при выборе мер противодействия – находить их наилучшее сочетание.

Ключевые слова: экономическая безопасность; угрозы; развитие; Российская Федерация; моделирование; COVID-19

Для цитирования: Казанцев С.В. Сопоставление угрозы национальной безопасности и опасностей коронавирусов. *Мир новой экономики*. 2020;14(3):6-14. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-6-14

ORIGINAL PAPER

Comparative Analysis of the Threat to National Security and the Dangers of Coronaviruses**

S.V. Kazantsev

Financial University, Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0003-4777-8840>

ABSTRACT

The article presents the results of applying the elements of the object security research methodology in the study of one of the threats hanging over society – pandemic COVID-19. In this particular object, the author of the article tried to show the general, inherent in the collective concept of “a national security threat”. Knowledge of a common for all threats (the general) characteristics and particular one to each of them allows us to organise the protection of the object better, prepare to stop the threat and eliminate the consequences of its emergence. Based on the Federal State Statistics Service of the Russian Federation official data, the author shows a deterioration of the state of public health and science

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on a state assignment to the Financial University.

© Казанцев С.В., 2020

in modern Russia. The article also presents a mathematical model, used by the author to calculate the results of two ways to slow the spread of coronavirus infection. The first way is the isolation of citizens, second – the use of personal protective equipment. In particular, the conducted research confirmed two well-known theoretical statements. First, in studying the process of emergence of threats and in estimating the damage caused by them, it is advisable to rely on the results of model calculations. Second, when choosing counteraction measures, it is reasonable to search for the best combination of them.

Keywords: economic security; threat; development; the Russian Federation; modeling; COVID-19

For citation: Kazantsev S.V. Comparative analysis of the threat to national security and the dangers of coronaviruses. *Mir novoi ekonomiki = The World of the New Economy*. 2020;14(3):6-14. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-6-14

СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЙ И ОПАСНЫХ ВИРУСОВ

Хоть не в том ряде, да в том же стаде

Русская пословица

Одной из задач, которые решает наука, является определение и изучение закономерностей развития природы и общества. Например, в 2020 г. появилась коронавирусная инфекция COVID-19. Коронавирус человека был впервые выделен D. Tyrrell и М. Вуно в 1965 г. В настоящее время семейство коронавирусов включает несколько видов: SARS-Cov (Severe acute respiratory syndrome coronavirus, или ТОРС-коронавирус, вызывающий тяжелый острый респираторный синдром) и MERS-Cov (Middle East respiratory syndrome coronavirus, или БВРС-коронавирус, вызывающий ближневосточный респираторный синдром)¹. В декабре 2019 г. в городе Ухань (провинция Хубэй центрального Китая) обнаружен новый коронавирус. Вызываемое им заболевание в феврале 2020 г. назвали новой коронавирусной пневмонией (COVID-2019)², а его возбудителя — SARS-CoV-2. Ученые стали изучать этот вирус (геном). Санкции же известны уже не одно столетие.

Продолжая сопоставление, отметим, что для общества важно знать способы распространения вируса и механизм его действия. В случае с санкциями их виды, сроки введения и продолжитель-

ность, механизм действия могут быть как явными, так и скрытыми. Например, способы наложения антироссийских санкций досконально прописаны в принятом в США Законе «О противодействии противникам Америки». А вот президенты США Гарри Трумэн (Harry S. Truman, 1884–1972) и Рональд Уилсон Рейган (Ronald Wilson Reagan, 1911–2004) свои действия держали в секрете, занеся основные из них в совершенно секретный Меморандум (United States Objectives and Programs for National Security) и секретные директивы (National Security Decision Directives) [2].

У вируса есть переносчики, у санкций — каналы распространения. Врачи выявляют круг зараженных и группы риска. В случае с санкциями это попавшие под санкции субъекты. О том, что некто заразился, судят по симптомам заболевания, о результатах действия санкций — по социально-экономическим и другим показателям. Вирус причиняет вред живому существу, санкции наносят ущерб социуму, его физическим и юридическим лицам. И в случае с вирусом, и в случае с санкциями социум ищет способы предупреждения, противодействия и ликвидации последствий.

Все вышеупомянутое — не единственное общее у вируса и санкций. Так, в первом случае причины заболевания и смерти могут быть не установлены. Во втором — общество и его члены могут не знать о том, что против них применяют санкции³. Сведения и о вирусе, и о санкциях, их опасности и последствиях распространяют и разрушают средства массовой информации.

Вирусологов интересуют природа вируса, способы распространения и переносчики, а также круг лиц, которых он заражает, причиняемый

¹ Официальный сайт Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Тульской области. URL: <http://71.rosпотребнадзор.ru/content/590/82017>.

² «Коронавирусная инфекция — острое инфекционное заболевание вирусной природы, которое характеризуется умеренно выраженной интоксикацией и преимущественным поражением верхних отделов респираторного тракта» [1].

³ «Современные войны не только не требуют объявления, но даже не предполагают осознания всеми гражданами завоёванной страны самого факта ее ведения» [3, р. 51].

Таблица 1 / Table 1

**Аналогии в изучении вируса и угроз национальной безопасности /
Analogies in the study of the virus and threats to national security**

Коронавирусная инфекция COVID-2019	Угрозы безопасности
Определение генома	Раскрытие сущности, характера
Установление способов распространения	Установление каналов воздействия
Выявление групп риска	Определение находящихся под угрозой объектов
Описание симптомов заболевания	Формирование набора показателей воздействия угроз при их возникновении и реализации
Спецификация причиняемого вреда	Оценка наносимого ущерба
Недопущение распространения	Нахождение и применение способов предупреждения, противодействия
Лечение	Устранение последствий
Нахождение и применение средств и мер предупреждения и противодействия	

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

вред, последствия и способы борьбы с этим вирусом. В этом можно видеть прямую аналогию с исследованием экономической безопасности социума, в частности, антироссийских санкций (табл. 1).

Важнейшими этапами обеспечения безопасности объекта являются прогнозирование возможных угроз, времени их появления, своевременная подготовка к их нейтрализации и устранению причиняемого ущерба.

**PRAEMONITUS, PRAEMUNITUS –
ПРЕДУПРЕЖДЕН,
ЗНАЧИТ ВООРУЖЕН**

Готовь сани летом, а телегу зимой
Русская пословица

Стихийные бедствия плохо поддаются прогнозированию. «Черные лебеди» — еще хуже [4]. Невысока и точность прогнозов о времени, глубине и продолжительности экономических кризисов. То, что кризис будет, «доказано практикой и объяснено теорией. Когда это произойдет — неизвестно, так как одно случайное событие способно стать детонатором больших последствий. Поэтому кризис, даже ожидаемый, всегда возникает неожиданно для основной массы населения» [5].

Экономические кризисы, в отличие от стихийных бедствий, в конечном счете обусловлены

сознательной деятельностью экономических субъектов, как рациональной, так и нерациональной (некомпетентность, неверная оценка сроков, стремление разорить конкурента, криминальные действия и т.д.). Хотя сами хозяйствующие субъекты сознательно экономические кризисы не вызывают, а, напротив, стараются их избежать.

И при распространении COVID-19, и при экономическом кризисе масштабы производства выходят за допустимые пределы. В первом случае производство опускается ниже допустимого предела, и возникает дефицит товаров. Во втором — объемы производства превышают верхний допустимый предел, создают избыток товаров. При этом такое нарушение пределов происходит не однократно и единично, а является массовым и не может быть устранено в короткий отрезок времени. А дальше по существующим в экономике цепочкам экономических и технологических связей негативные последствия нарушения допустимых границ отклонения от устойчивой траектории развития распространяются в пространстве и времени.

Практика показывает, что подобные события в экономике страны и группе стран требуют особой поддержки социально значимых сфер: коммунальных услуг (обеспечение электроэнергией, водой, теплом, газом), здравоохранения и ряда сфер общественно-экономической деятельности. Это, как правило, требует участия государственных законодательных и исполни-

Таблица 2 / Table 2

**Среднегодовые темпы прироста числа больничных коек на 10 тыс. населения в РФ
в 1991–2018 гг., % / The average annual increment rates of the number of hospital
beds per 10 000 population of the Russian Federation, 1991–2018, per cent**

Койки	В круглосуточных и дневных стационарах				В круглосуточных стационарах		
	1991– 1995	1996– 2000	2001– 2005	2006– 2007	2009– 2010	2011– 2015	2016– 2018
Всего	-1,7	-1,8	-0,7	-2,0	-2,2	-2,3	-2,3
Инфекционные	-2,0	-3,5	-3,3	-4,3	-2,9	-2,6	-3,6

Источник / Source: рассчитано автором по данным статистических ежегодников Федеральной службы государственной статистики РФ (Росстата). «Российский статистический ежегодник» (Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики РФ/calculated by the author based on the data of the annual statistical yearbooks of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation (Rosstat) "Russian Statistical Yearbook". URL: <https://www.gks.ru>.

тельных органов власти. Такое участие может помочь подготовиться к кризису (стихийным бедствиям), уменьшить масштабы падения производства, бедствия и распространения вируса, сократить их продолжительность, содействовать преодолению негативных последствий. Однако оно пока объективно не способно не допустить как стихийные бедствия, так и экономические кризисы. При этом меры по предотвращению возникающих и вероятных угроз, ослаблению их масштабов и силы желательно принимать заблаговременно.

Например, распространяющиеся в XXI в. высококонтагиозные вирусные заболевания [2002 г. — атипичная пневмония (Severe acute respiratory syndrome, SARS); 2009 г. — свиной грипп, вызываемый вирусом гриппа типа А (H1N1); 2014 г. — геморрагическая лихорадка Эбола (Ebola virus disease, EVD)] естественным образом наводят на мысль о необходимости подготовки к очередным эпидемиям, вызываемым новыми вирусами (и не только ими). Нужно иметь запас марлевых повязок, респираторов, медицинских масок, одноразовых перчаток, бахил, сырья и производственных мощностей для их производства, а также подготовить медицинский персонал, инфекционные больницы, койки, средства обеззараживания и специальные транспортные средства. Особое внимание следует уделить упреждающей подготовке системы основных мер в случае возникновения чрезвычайной ситуации (в нашем

примере — пандемии) и действий после ее ликвидации (устранение негативных последствий, восстановление социально-экономического развития, корректировка нового плана мер на случай следующей чрезвычайной ситуации). Однако 2020 г. показал, что в государствах современного мира (Россия — не исключение) ничего этого в нужный момент не оказалось. К тому же, у сформированного 16–21 января 2020 г. нового российского правительства не было времени на выработку такого плана: 31 января 2020 г. было сообщено о выявлении в РФ первых двух зараженных вирусом COVID-19. Плохо то, что число больничных коек в расчете на душу населения в Российской Федерации давно уже не росло, а сокращалось (табл. 2).

Для обеспечения должного уровня медицины и здравоохранения, кроме коек, нужен медицинский персонал, оборудование, инструменты, медикаменты и многое другое. На все это в товарно-денежном хозяйстве нужны деньги. Увы, финансирование здравоохранения было не на должном уровне. К сожалению, это была долгосрочная политика прежнего руководства (рис. 1). Подобная порочная политика непременно должна была плохо закончиться.

Финансирование здравоохранения в современной России переложили с федерального бюджета РФ на бюджеты субъектов Федерации. В 2011–2016 гг. средняя доля расходов федерального бюджета РФ на финансирование здравоохранения

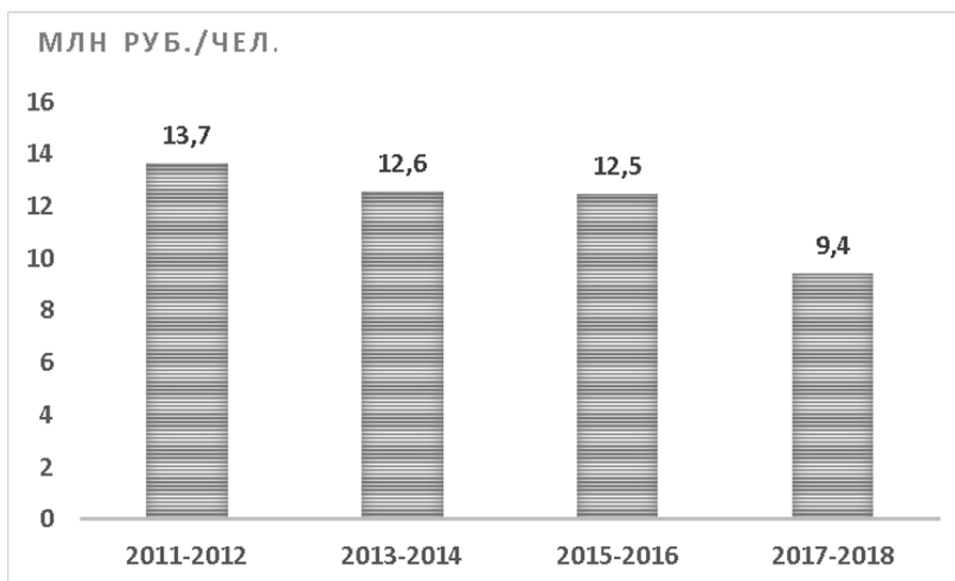

Рис. 1 / Fig. 1. Среднегодовые объемы расходов на здравоохранение в расчете на одного жителя РФ в 2011–2018 гг., млн руб./чел. / Per capita average annual expenditures on public health in the Russian Federation, 2001–2018, mln rubles

Источник / Source: рисунок построен автором на по данным Росстата / compiled by the author on Rosstat's database. URL: <https://www.gks.ru/folder/12781>; <https://worldtable.info/gosudarstvo/chislennost-naselenija-rossii-po-godam-v-odno.html>.

составляла 28,4%, в 2017–2018 гг. она поднялась лишь до 35,1%⁴.

В современном мире уровень развития общества, сфер экономической деятельности, в том числе здравоохранения, во многом зависят от научно-технологических достижений, состояния науки. Развитию последней (как и здравоохранению) в Российской Федерации уделялось мало внимания (рис. 2). А это не те области, подготовить которые к купированию возможных угроз может частный собственник или (как говорят, желая скрыть основу нынешней общественно-экономической формации — частную собственность на средства производства) рынок⁵.

COVID-19 — бледная копия биологической и химической войн. Этот необычный вирус показал, что к таким войнам мир совсем не готов. И одним из вынесенных уроков должно стать единство всех государств в недопущении таких войн.

⁴ Рассчитано автором по данным статистических сборников «Российский статистический ежегодник» за 2015–2019 гг. URL: <https://www.gks.ru>.

⁵ Круг таких сфер деятельности гораздо шире. Здравоохранение и наука названы в связи с обсуждением коронавирусной инфекции. Но нечто ранее невиданное может случиться с пресной водой, атмосферным воздухом, животным и растительным миром и т.д.

МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРОНАВИРУСУ

Знал бы, где упасть, соломки бы подостлал
Русская пословица

Обсудим некоторые из представленных в табл. 1 аналогий. Начнем с определения находящихся под угрозой объектов. При обеспечении национальной безопасности необходимо: 1) составить их полный список; 2) определить в нем: а) наиболее важные, б) наиболее уязвимые, в) наиболее защищенные.

В случае с опасным вирусом в полный список попадает все население. В нем выделяют тех, кого следует защитить в первую очередь: например, находящихся на переднем крае борьбы с вирусом (медицинский персонал, иммунологи); тех, кто обеспечивает жизнеспособность общества (высшее руководство страны), а также некоторые сферы общественной деятельности (электро- и газоснабжение, производство и доставка жизненно важных продуктов, в том числе медикаментов и средств защиты от вируса). Затем — наиболее уязвимых для вируса по их жизненно важным показателям лиц. После этого — лиц, обладающих иммунитетом к данному вирусу.

Рис. 2 / Fig 2. Среднегодовые темпы прироста объемов финансирования российской науки из федерального бюджета РФ в 2001–2018 гг.,% / The average annual increment rates of financing of the Russian science from the federal budget of Russian Federation, 2001–2018, per cent

Источник / Source: рисунок построен автором по данным Росстата / compiled by the author on Rosstat's database. URL: <https://www.gks.ru/folder/14477?print=1>.

В зависимости от имеющихся ресурсов, в том числе — времени, принимающие решения лица (органы) определяют, какие объекты защищать (все, часть из них) и в какие сроки. При защите части объектов встает вопрос о мере защиты каждого и выделяемых на это средств.

После определения круга защищаемых объектов и соотнесения его с имеющимися средствами защиты встает вопрос, как защищать (т.е. какие действия и меры предпринимать и в какие сроки), кто будет защищать и какими средствами.

Здесь, как и при осуществлении многих других действий, в общем случае возможны разные варианты решения поставленных задач и вопросов. Покажем это на примере борьбы с COVID-19.

В мире (и в России) население пытались защитить путем ограничения физических контактов жителей между собой, с помощью изоляции наиболее уязвимых лиц⁶, зараженных и контактировавших с ними людей. При ограничении числа и продолжительности контактов в основном применяли так называемую самоизоляцию. Разные государства стремились обеспечить ее

различными средствами (рекомендациями, призывами, разной силы принуждениями), вводили постепенно или, резко усиливая, режим безопасности. Основное внимание при этом длительное время обращали на одну из наименее жизнеспособных в борьбе с вирусом групп — пожилых людей.

Известен и другой способ ограничения опасных контактов между людьми — обеспечение населения средствами индивидуальной защиты. В силу отсутствия последних и неспособности по разным причинам быстро наладить их производство он получил гораздо меньшее распространение. Это, в частности, привело к заражению медицинского персонала, а его отсутствие затрудняло борьбу за жизнь пациентов, и не только зараженных SARS-CoV-2.

Для сопоставления последствий названных вариантов противодействия необычному коронавирусу, как и всякой другой угрозе, полезно использовать математические модели. Автор построил одну из них и предлагает для обсуждения результаты расчетов по ней.

В модель включены два вида объектов, названные группой А и группой В. Обе группы являются

⁶ В качестве таковых повсеместно выбирали пожилых людей.

непустыми множествами ($A \neq \emptyset, B \neq \emptyset$), и каждая из них имеет свои задаваемые характеристики:

$K(0, 0, a)$ — число зараженных из группы А на нулевом цикле;

$g(0, 0, b)$ — число зараженных из группы В на нулевом цикле;

m — число заражаемых при первом эпизоде⁷ одним заболевшим из группы А лиц из группы А;

n — число заражаемых при первом эпизоде одним заболевшим из группы А лиц из группы В;

p — число заражаемых при втором и последующих эпизодах одним заболевшим из группы А лиц из группы А;

q — число заражаемых при втором и последующих эпизодах одним заболевшим из группы А лиц из группы В;

r — число заражаемых при первом эпизоде одним заболевшим из группы В лиц из группы А;

s — число заражаемых при первом эпизоде одним заболевшим из группы В лиц из группы В;

u — число заражаемых при втором и последующих эпизодах одним заболевшим из группы В лиц из группы А;

v — число заражаемых при втором и последующих эпизодах одним заболевшим из группы В лиц из группы В.

Все эти переменные неотрицательны. Модель включает следующие соотношения.

$$k(1, 1, a) = k(0, 0, a) * m; g(1, 1, b) = g(0, 0, b) * n;$$

$$k(i, i, a) = k(i-1, i-1, a) * m + \sum_{j=1}^{i-1} k(j, j, a) + g(i, i, a); i \geq 1;$$

$$g(i, i, b) = g(i-1, i-1, b) * s + \sum_{j=1}^{i-1} g(j, j, b) + k(i, i, b); i \geq 1;$$

$$k(i, j, a) = k(i-1, i-1, a) * p; g(i, j, b) = g(i-1, i-1, b) * v; i \geq 1, j > i.$$

Расчеты велись для пяти циклов заражения (индекс $i = 1, 2, \dots, 5$) в каждом из которых пять эпизодов заражения (индекс $j = 1, 2, \dots, 5$). Численные значения экзогенных параметров для представителей группы А выше, чем для лиц из

⁷ Эпизодом здесь назван некоторый фиксированный отрезок времени.

группы В. Такое соотношение имитирует большую активность носителей инфекции из группы А, чем из группы В, что является аналогом активных молодых и пассивных пожилых людей. Среди представителей этих групп распространяется инфекция и появляются заболевшие.

Расчеты проведены для следующих шести вариантов задания экзогенных параметров.

1. Базовый вариант имитирует беспрепятственное со стороны общества распространение вируса, когда его первичные носители принадлежат группе А: $k(0, 0, a) = k > 0; k(0, 0, b) = 0$.

2. Вариант «Пассивные» моделирует беспрепятственное со стороны общества распространение вируса, когда первичные носители находятся в группе В: $k(0, 0, a) = 0; k(0, 0, b) k > 0$.

3. Вариант «Изоляция А» отражает изоляцию части первичных (из нулевого цикла) носителей инфекции из группы А. В нулевом цикле этого варианта число первичных носителей $k(0, 0, a)$ на w человек меньше, чем в базовом: $k(0, 0, a) = k(0, 0, a) - w$.

4. Вариант «Изоляция В» показывает последствия изоляции части первичных (из нулевого цикла) носителей инфекции из группы В. В нем число первичных носителей вируса в группе В на w человек меньше, чем в варианте пассивных лиц: $k(0, 0, b) = k(0, 0, b) - w$.

5. Вариант «Защита А» имитирует использование средств защиты индивидов (лицевые маски, перчатки, спецодежда и обувь) представителями группы А. Для этого в модели уменьшаются коэффициенты заражаемости лиц группы А — m и p .

6. Вариант «Защита В» моделирует использование средств защиты индивидов представителями группы В. В нем коэффициент s понижен на величину, равную уменьшению коэффициента m .

Величины экзогенных параметров приведены в табл. 3, а результаты расчетов — в табл. 4.

Понятно, что представленные в табл. 4 результаты вычислений предопределены, во-первых, соотношениями модели, и, во-вторых, значениями эндогенных параметров. Поэтому дело не столько в содержащихся в табл. 4 цифрах, сколько в их соотношениях и интерпретации результатов. Анализ соотношений показывает следующее.

1. Все меры дают результат, но не обязательно одинаковый. Необходимы расчеты, анализ, выбор наиболее результативной комбинации методов защиты.

2. Менее активные в общении носители инфекций заражают меньшее число других субъ-

Таблица 3 / Table 3

**Экзогенные параметры базового варианта расчетов, чел. /
Exogenous parameters of the base variant of calculations, persons**

Параметр	Базовый	Пассивных лиц	Изоляция А	Изоляция В	Защита А	Защита В
$k(0,0, a)$	10	0	8	0	10	0
$k(0,0, b)$	0	10	0	8	0	10
m^*	4	4	4	4	2	4
n	2	2	2	2	2	2
p	2	2	1	2	1	2
q	0	0	0	0	0	0
r	2	2	2	2	2	2
s	3	3	3	3	3	1
u	0	0	0	0	0	0
v	1	1	1	1	1	0

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

* «По оценкам ученых, коронавирус (COVID-19) имеет базовое репродуктивное число R 0 в диапазоне от 2 до 3». URL: <https://steptohealth.ru/transmissivnost-realnaya-opasnost-koronavirusa/>.

Таблица 4 / Table 4

**Отношение показателей базового варианта к показателям расчетных вариантов, раз /
The ratios of base variant indicators to other variants indicators, times**

Группа	Вариант				
	Пассивные	Изоляция А	Изоляция В	Защита А	Защита В
А	1,03	1,60	2,55	6,07	1,57
В	1,12	1,71	1,75	4,21	2,55

Источник / Source: составлено автором / calculated by the author.

ектов, чем активные (см. столбец «Пассивные» табл. 3).

3. Защитные меры оберегают тех, кто ими пользуется (группа А в столбце «Защита А» и группа В в столбце «Защита В»).

Эти три вывода вполне соответствуют здравому смыслу и понятны, что положительно характеризует соотношения использованной в расчетах модели. Последующие же выводы не столь очевидны. Их необходимо подтвердить теорией и фактами.

4. Применение мер защиты оказывается более действенным, чем изоляция (столбцы «Изоляция» и «Защита»).

В модели это объясняется тем, что защищенные люди не заражают других, в то время как

в вариантах с изоляцией неизолированные продолжают это делать.

В реальной жизни действуют и другие факторы. Во-первых, если защита надежна, защищенный не заразится, в то время как помещенный в изоляцию может: а) до этого уже кого-то заразить; б) ее нарушить. Во-вторых, изоляция в общем случае ослабляет иммунитет, особенно у малоподвижных субъектов. Движение — это жизнь! Реальным фактом является большая подверженность воспалению легких лежащих больных, чем ходящих. В-третьих (что, к сожалению, произошло во многих странах), без надежной защиты заражаются пациенты учреждений здравоохранения и медицинский персонал. Нехват-

ка последнего ослабляет потенциал борьбы не только с вирусом, но и с другими болезнями. А больные и ослабленные хуже сопротивляются инфекциям. К тому же, человек — существо общественное. Его изолирование от общества отрицательно сказывается на эмоциональном и психическом состоянии, на развитии интеллекта.

5. От изоляции не обязательно больше выигрывают те группы субъектов, представителей которых изолируют (столбцы «Изоляция»).

В заключение отметим, что во всяком противостоянии полезно применять не одну меру купирования угроз, а целый комплекс. При этом как набор мер, так и пропорции их применения в общем случае меняются во времени в зависимости от ситуации, тенденций ее изменения, соотношения сил борющихся сторон, их воли к победе и имеющихся у них ресурсов. Приобретенный в борьбе с коронавирусом опыт следует использовать для подготовки к отражению других, пока еще неизвестных угроз.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сабурова Н. И. Коронавирусная инфекция человека. URL: kez.udmmed.ru.
2. Казанцев С. В. Глобальная экономическая агрессия. Новосибирск; Офсет-ТМ; 2019. 100 с.
3. Владимиров А. И. Концептуальные основы Национальной стратегии России: политологический. М.: Наука; 2007. 480 с.
4. Талеб Н. Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри; 2009. 528 с.
5. Казанцев С. В. Кризис рукотворный. ЭКО. 2009;(2):2–22.

REFERENCES

1. Saburova N. I. Human Coronavirus infection. URL: kez.udmmed.ru. (In Russ.).
2. Kazantsev S. V. The global economic aggression. Novosibirsk: Offset-TM; 2019. (In Russ.).
3. Vladimirov A. I. Conceptual foundations of the national strategy of Russia: Political science. Moscow: Nauka; 2007. (In Russ.).
4. Taleb N. N. Black Swan. Under the sign of unpredictability. Moscow: Kolibry; 2009. (In Russ.).
5. Kazantsev S. V. Manmade crises. ECO. 2009;(2):2–22. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Владимирович Казанцев — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Финансовый университет, Москва, Россия

kzn-sv@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Kazantsev — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Leading Research fellow, Financial University, Moscow, Russia

kzn-sv@yandex.ru

Статья поступила 24.04.2020; принята к публикации 15.05.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 24.04.2020; accepted for publication on 15.05.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-15-26
УДК 331.215.4(045)
JEL I30, J38

Уровень благосостояния трудоспособного населения как концентрированное выражение качества трудовой жизни

О.И. Меньшикова

Всероссийский научно-исследовательский институт труда Министерства труда и социальной защиты РФ,
Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-4473-1449>

АННОТАЦИЯ

Цель статьи – обоснование необходимости и возможности повышения качества трудовой жизни в России как одного из главных факторов роста благосостояния трудоспособного населения. В статье рассматривается влияние условий найма рабочей силы на процесс ее воспроизводства. Доказана особая значимость показателя оплаты труда среди всех компонентов качества трудовой жизни. Представлен инструментарий экспертной оценки качества трудовой жизни с точки зрения достигнутого уровня заработной платы. Составлена обобщающая характеристика современного состояния качества трудовой жизни в России по четырем критериям с точки зрения достигнутого уровня заработной платы, необходимого для выполнения воспроизводственной функции. Проведен сопоставительный анализ динамики номинальной и реальной заработной платы в экономике России за 2000–2018 гг. Выявлена долговременная негативная тенденция существенного отставания реальной заработной платы от номинальной. Показан профиль российской бедности в увязке с основными компонентами качества трудовой жизни. Представлены социальные и экономические последствия не снижающихся масштабов бедности трудоспособного населения. Выделен комплекс социально-экономических индикаторов уровня жизни трудоспособного населения, обусловленных низким уровнем удовлетворения потребностей работников и членов их семей в питании, образовании, здравоохранении, связанных с дефицитом семейных бюджетов. Обозначены основные направления формирования и реализации государственной и корпоративной социальной политики по преодолению негативных тенденций в области уровня и качества жизни трудоспособного населения, связанных с низким качеством трудовой жизни.

Ключевые слова: труд; трудовые отношения; оплата труда; уровень жизни; потребности; воспроизводство рабочей силы; бедность; качество трудовой жизни; социальная политика; социальное партнерство

Для цитирования: Меньшикова О.И. Уровень благосостояния трудоспособного населения как концентрированное выражение качества трудовой жизни. *Мир новой экономики*. 2020;14(3):15-26. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-15-26

ORIGINAL PAPER

The Level of Well-being of the Working Population as a Concentrated Expression of the Quality of Working Life

O.I. Menshikova

All-Russian Research Institute of Labour of the Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation,
Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-4473-1449>

ABSTRACT

The purpose of the article is to substantiate the need and the possibility of improving the quality of working life in Russia as one of the main factors in the growth of the well-being of the working population. The author examined the influence of the conditions of employment of the workforce in the process of its reproduction and proved that the wage index

© Меньшикова О.И., 2020

(among all components of the quality of working life) has particular importance. The author also presented the tools of expert assessment of the quality of working life from the point of view of the achieved level of wages. Using these tools the author compiled a generalised characteristic of the current state of the quality of working life in Russia according to four criteria in terms of the achieved level of wages necessary to perform the reproductive function. Comparative analysis of the dynamics of nominal and real wages in the Russian economy for the years 2000–2018 showed a significant, long-term lag between growth of real and nominal wages. Further, the author showed the profile of Russian poverty concerning the main components of the quality of working life and presented the social and economic consequences of not decreasing poverty. Finally, the author constructs a set of socio-economic indicators of the standard of living of the working population due to the low level of satisfaction of the needs of workers and their families in nutrition, education, health, related to the deficit of family budgets. It makes possible to choose the main directions of the formation and implementation of the state and corporate social policy to overcome the negative trends in the level and quality of life of the working population associated with low quality of working life.

Keywords: labour; labour relations; wages; a standard of living; needs; labour force reproduction; poverty; quality of labour life; social policy; social partnership

For citation: Menshikova O.I. The level of well-being of the working population as a concentrated expression of the quality of working life. *Mir novoi ekonomiki = The World of the New Economy*. 2020;14(3):15-26. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-15-26

ВВЕДЕНИЕ

С наступлением трудоспособного возраста человек потенциально становится полноправным субъектом экономических отношений со всеми вытекающими последствиями. Это выражается прежде всего в возможности участия в трудовой деятельности на постоянной или временной основе. И в том, и в другом случае потенциальный работник вступает в социально-трудовые отношения на определенных условиях. Эти условия формируются на разных уровнях государственного и корпоративного управления и являются основополагающими факторами, прямо или косвенно влияющими на благосостояние трудоспособного населения и качество его жизни.

Качество жизни в общем случае определяется по всем сферам и аспектам существования человека: природа, семья, работа, общественная деятельность, учеба, свободное время и т.д. Условия, в которых осуществляется трудовая деятельность человека, принято называть качеством трудовой жизни или условиями труда. В широком смысле слова к ним относятся характеристики рабочего места, производственной среды (температура, влажность, запыленность и т.п.), организации и оплаты труда, взаимоотношений в производственных коллективах [1, с. 21].

Особый научный интерес представляет точка зрения ряда отечественных и зарубежных исследователей, которые рассматривают индикаторы качества трудовой жизни как связующие между количественными характеристиками результативности труда (производительностью) и качественными

характеристиками степени удовлетворения личных потребностей человека посредством работы в организации и относят к ним следующие характеристики: экономическую составляющую уровня жизни (в том числе доходы, бедность, неравенство); условия труда; жилищные условия; социальную обеспеченность (в том числе гарантии доступности медицинского обслуживания и услуг образования) и т.д. [2–4].

Всецело разделяя данную точку зрения, в настоящем исследовании автор исходит из того, что в рыночной экономике, как известно, основным источником обеспечения соответствующего качества жизни населения, показывающим определенный уровень благосостояния, характеризующегося степенью удовлетворения личных потребностей, являются денежные доходы, и, прежде всего, заработная плата наемных работников — самой многочисленной категории трудоспособного населения. При этом не стоит забывать, что удовлетворение личных потребностей в данном случае понимается в широком смысле, т.е. касается не только самого работника, но и членов его семьи, в первую очередь — детей.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА В РЫНОЧНЫХ УСЛОВИЯХ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Рынок труда в силу специфичности предмета купли-продажи — самый несовершенный из рынков. Тем не менее он подчиняется объективным законам спроса и предложения и оперирует понятием «цена». Не вступая в полемику по поводу того, что является товаром на рынке труда — сам труд или способность к труду, т.е. рабочая сила, подчеркнем,

что для целей настоящего исследования это не столь принципиально.

Соглашаясь с мнением доктора экономических наук, профессора Н.А. Горелова, отметим, что в современной экономической теории заработная плата определяется как цена труда, т.е. цена, выплачиваемая за использование единицы труда в течение определенного времени — часа, дня и т.д. Заработная плата — экономическая категория из сферы товарно-денежных отношений, используемая в процессе трудовой деятельности работников. Как в прошлом, так и в настоящем, и, очевидно, в обозримом будущем заработная плата останется для большинства населения главным источником жизнеобеспечения и мощным стимулом трудовой активности, развития профессиональных и творческих способностей личности [5, с. 23].

Абсолютный и особенно относительный размер заработной платы является показателем, по которому можно судить о потенциальных и реальных возможностях повышения благосостояния работников и, соответственно, об их экономическом и социальном благополучии. В повышении заработной платы в адекватных экономическим результатам размерах заинтересовано также государство.

Положительная динамика заработной платы оказывает непосредственное влияние на общий рост денежных доходов населения, увеличение платежеспособного спроса населения, рост налоговых поступлений в бюджет, а также на увеличение поступлений страховых взносов в пенсионный фонд, в систему обязательного медицинского страхования, страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний. Благодаря всем этим процессам формируются ресурсы для решения социальных проблем, что необходимо для повышения уровня и качества жизни наемных работников и членов их семей (рис. 1).

Рассматривая заработную плату как элемент дохода наемного работника, т.е. в качестве формы экономической реализации права собственности на принадлежащий ему ресурс труда, следует, вместе с тем учитывать, что для работодателя, который покупает ресурс труда для использования его в качестве одного из факторов производства, оплата труда наемных работников является одним из элементов издержек производства.

Таким образом, с учетом положений экономической теории на практике складывается достаточно определенное понимание того, что должна отражать категория «цена труда» или ставка заработной платы. Фактически понятие «цена труда» может быть

правильно понято и оценено только в случае одновременного учета двух взаимосвязанных условий, в частности:

- того, что реально платят работнику за использование его сил, энергии, знаний и достигнутые результаты;
- и того, что с этой платой наемный работник согласен и готов за нее выполнять производственные функции на предложенных ему условиях (при этом не имеет значения, вынужденно он это делает или добровольно — главное, он не оспаривает эти условия в установленном законом порядке).

Вполне очевидно, что от условий найма рабочей силы (в частности, от того, насколько сблизятся интересы работодателя и работника в процессе установления и последующего регулирования заработной платы) зависит «коридор возможностей», в пределах которого могут варьироваться условия воспроизводства рабочей силы, определяющие восстановление и развитие трудового потенциала.

КЛЮЧЕВЫЕ КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДОСТИГНУТОГО УРОВНЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

Возможности повышения благосостояния трудоспособного населения зависят от того качества трудовой жизни, которое подразумевает уровень заработной платы, необходимый и достаточный для полноценного выполнения ею основных функций.

На примере воспроизводственной функции, имеющей первостепенное значение для базисных условий жизнеобеспечения наемных работников и членов их семей, может быть предложен инструментарий оценки качества трудовой жизни в Российской Федерации с точки зрения достигнутого уровня заработной платы.

Данный инструментарий предполагает определение нескольких ключевых критериальных показателей, основанных на сравнении абсолютных размеров выплачиваемой заработной платы с некоторыми индикаторами из области стандартизации уровня и качества жизни работающего населения. В качестве таких индикаторов выступают прожиточный минимум трудоспособного работника, коэффициент Джини, доля лиц трудоспособного возраста в числе бедного населения (табл. 1).

Выбор критериев, используемых в предлагаемом инструментарии, не случаен.

По первому критерию — соотношению минимальной заработной платы и прожиточного мини-

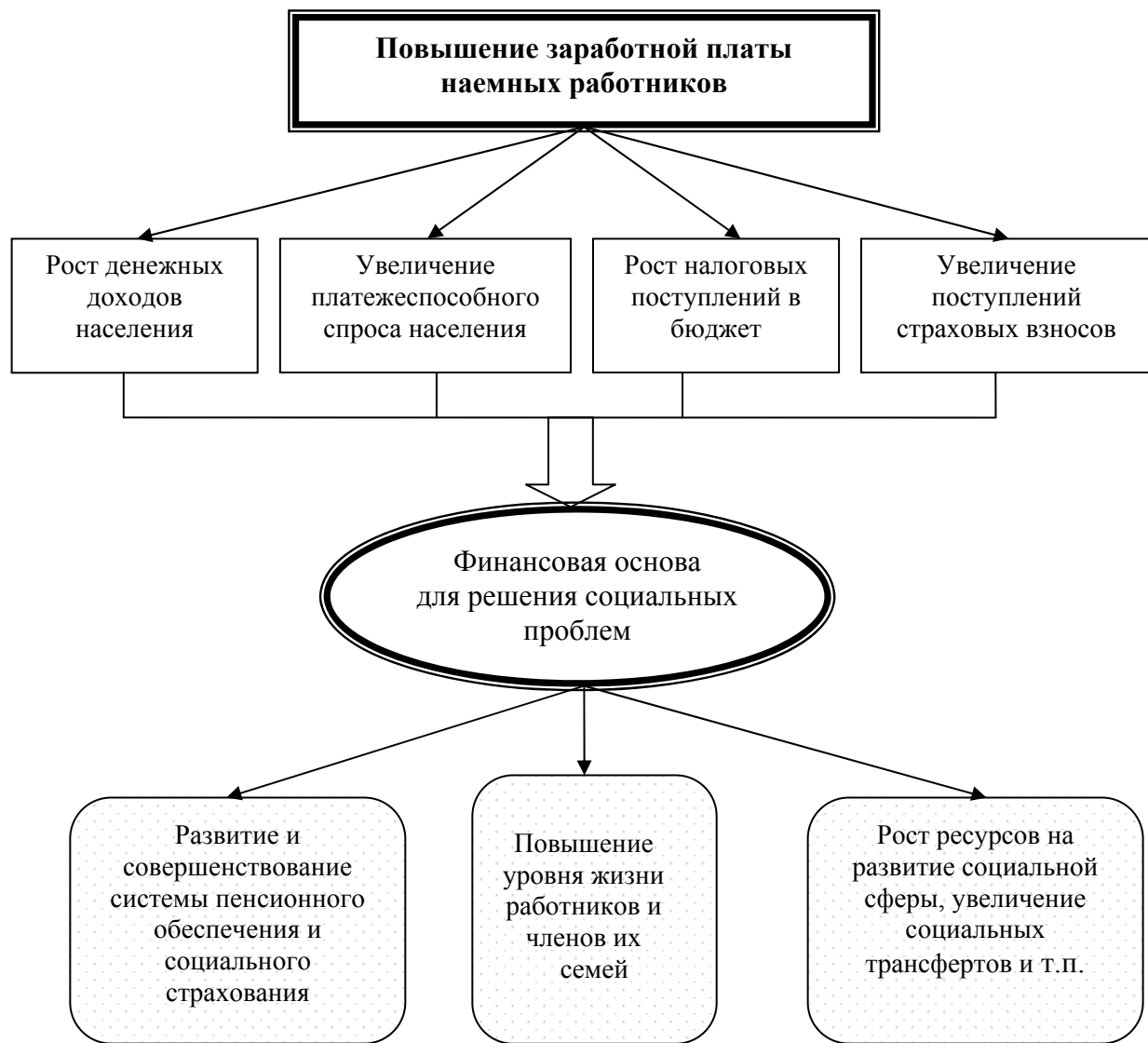

Рис. 1 / Fig. 1. Заработная плата как источник формирования ресурсов для решения социальных проблем / Wages as a formative source of resources for solving social problems

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

муна трудоспособного населения — можно судить, прежде всего, о результативности социальной политики государства в отношении трудоспособного населения. Многолетняя российская практика установления основной государственной гарантии в области оплаты труда — минимального ее размера (МРОТ) ниже прожиточного минимума (ПМ) трудоспособного работника, по сути, провоцировала экономических субъектов, использующих наемный труд, на ущемление экономических интересов трудоспособного населения. Таким образом, необходимость использования данного критерия при оценке качества трудовой жизни (КТЖ) продиктована не только объективным характером сущности заработной платы, но и сложившейся практикой уста-

новления государственных минимальных гарантий оплаты труда.

Второй критерий — соотношение средней заработной платы (СЗП) и ПМ трудоспособного населения — также характеризует важный социально-экономический аспект воспроизводства рабочей силы, так как количественное значение данного показателя в сравнении с первым критерием обозначает тот самый «коридор возможностей», которым обладает наемный работник для осуществления процесса воспроизводства рабочей силы. В этой связи необходимо напомнить, что реальный прожиточный минимум в России гораздо выше официально установленного. И если говорить о приближении уровня прожиточного минимума к современным реалиям, то в него

Таблица 1 / Table 1

Ключевые критерии оценки качества трудовой жизни с точки зрения достигнутого уровня заработной платы, необходимого для выполнения воспроизводственной функции / Key criteria for assessing the quality of working life in terms of the achieved level of wages necessary to perform the reproductive function

Критерии	Единица измерения	Количественная оценка критерия	Соответствующая оценка качества трудовой жизни
		Варианты экспертной оценки применительно к РФ	
1. Соотношение МРОТ и прожиточного минимума трудоспособного населения	%	Менее 100	Крайне низкое
		100–200	Низкое
		От 200 до 300	Среднее
		Более 300	Высокое
2. Соотношение средней заработной платы и прожиточного минимума трудоспособного населения	раз	От 1 до 2	Крайне низкое
		От 2 до 3	Низкое
		От 3 до 5	Среднее
		Свыше 5	Высокое
3. Степень неравномерности распределения начисленной заработной платы по группам работников (коэффициент Джини)	%	Свыше 50	Крайне низкое
		От 40 до 50	Низкое
		От 30 до 40	Среднее
		Менее 30	Высокое
4. Доля лиц трудоспособного возраста в числе бедного населения	%	Более 50	Крайне низкое
		От 25 до 50	Низкое
		Менее 25	Среднее
		0	Высокое

Источник / Source: составлено автором на основе экспертно-аналитической интерпретации эмпирических данных Росстата с учетом аналогичных показателей, сложившихся в мировой практике / compiled by the author based on expert and analytical interpretation of empirical data from Rosstat, taking into account similar indicators that have been developed in world practice.

надо включить затраты на жилье и доступ к телекоммуникационным и информационным ресурсам, пересмотреть нормативы на одежду и пр. Даже грубая оценка всего этого показывает, что он должен быть увеличен минимум в 2,5–3 раза [6, с. 6]. Исходя из этого, условно можно считать, что если размер средней заработной платы превышает прожиточный минимум трудоспособного населения меньше чем в 2 раза, это может позволить наемному работнику лишь влачить жалкое существование на уровне удовлетворения только собственных физиологических потребностей. Если данный показатель составляет от 2 до 3 раз, это несколько расширяет так называемый «коридор возможностей» и потенциально содержит некоторый ресурс хотя бы для простого воспроиз-

водства рабочей силы на минимальном уровне. Но качество трудовой жизни при таком размере средней заработной платы все равно следует считать низким. И только при соотношении СЗП и ПМ, равном 3–5 раз, можно говорить о наличии некоторого социально обоснованного экономического ресурса для осуществления простого воспроизводства рабочей силы, предполагающего в перспективе рождение и воспитание хотя бы одного ребенка. Однако этот ресурс весьма скромный и в силу этого может косвенно свидетельствовать лишь о среднестатистическом (опять же по российским меркам) качестве трудовой жизни. И только при соотношении СЗП и ПМ свыше 5 раз может быть создан необходимый «стартовый капитал» для расширенного воспроизводства ра-

бочей силы, что позволит оценивать КТЖ с более высоких позиций.

Третий критерий — индекс концентрации доходов/зарботной платы (коэффициент Джини) характеризует степень отклонения фактического распределения общего объема доходов/зарботной платы от равномерного распределения. Величина коэффициента может варьировать от 0 до 1 (или от 0 до 100%), при этом, чем выше значение показателя, тем более неравномерно распределены доходы в обществе.

До недавних пор исследователи, объясняя растущее неравенство в оплате труда, наблюдаемое во многих странах, в частности с высоким уровнем дохода, обращали внимание исключительно на характеристики работников (например, на уровень образования или подготовки) и относительную динамику спроса на квалифицированный и неквалифицированный труд. Однако характеристиками работников можно объяснить только часть (подчас лишь небольшую) наблюдаемого неравенства в оплате труда. В действительности же между работниками, обладающими аналогичными характеристиками, имеет место значительная вариативность или «непредсказуемость» размера оплаты труда. Во все большем числе исследований отмечается значительный рост заработной платы на верхней ступени пирамиды оплаты труда, который нельзя объяснить различиями в легко наблюдаемых индивидуальных параметрах, например уровне подготовки или количестве лет опыта работы¹.

Отчасти высокое неравенство в распределении доходов между низко- и высокооплачиваемыми слоями работающих можно объяснить за счет существенной отраслевой и региональной дифференциации заработной платы [7, с. 107].

И все-таки высокая степень неравномерности в распределении начисленной заработной платы свидетельствует скорее о необоснованной дифференциации заработной платы, которая складывается не за счет объективных различий в оплате труда работников различной квалификации в соответствии со сложностью выполняемых работ, а благодаря субъективным факторам распределения вновь созданной стоимости в пользу отдельных немногочисленных групп населения в противовес основной массе наемных работников.

Раймон Барр считает, что подобная необоснованная дифференциация заработной платы объясняется

факторами социальной жесткости. Во многих случаях такие факторы препятствуют тому, чтобы каждый имел совершенно равные шансы в игре; свободный доступ к некоторым занятиям закрыт либо в силу того, что они требуют дорогостоящего обучения, либо потому, что эти занятия «зарезервированы» для привилегированных социальных групп [8, с. 110].

Многочисленные исследования российских ученых в данной области показывают, что сложившаяся в настоящее время в России структура распределения заработной платы, отличающаяся высокой степенью неравенства, отражает не только неодинаковую рыночную ценность различных категорий рабочей силы, но и содержит существенную рентную или предпринимательскую составляющую. Во-первых, рентная компонента может присутствовать в вознаграждении работников крупнейших предприятий, занимающих монопольные позиции в некоторых отраслях. Во-вторых, источником ренты может стать доминирующее положение определенных групп персонала (прежде всего — руководителей) внутри каждого предприятия [9, с. 25].

Важно отметить, что это не только российская проблема. Например, по данным Международной организации труда, в 2010 г. на долю неравенства в оплате труда внутри предприятий Европы приходилась почти половина совокупного неравенства. Если сравнить оплату труда отдельных работников со средним размером оплаты труда на том предприятии, где они трудятся, то обнаружится, что большинство работников (примерно 80%) получают меньше этого среднего размера. Оплата труда некоторых работников на нижнем отрезке кривой намного ниже средней по предприятию, что указывает на значительное неравенство внутри предприятий как одну из причин неправомерно низкой оплаты труда. На верхнем отрезке кривой 0,1% работников получают 211 евро в час при среднем размере оплаты труда на их предприятии 45 евро в час.²

Все эти факты являются серьезными аргументами, подтверждающими важность использования коэффициента Джини в качестве одного из ключевых критериев оценки КТЖ.

И, наконец, *четвертый критерий* — доля лиц трудоспособного возраста в числе бедного населения — может свидетельствовать, по меньшей мере, о двух взаимосвязанных факторах формирования соответствующего качества трудовой жизни. Во-

¹ Wage inequality in the workplace. Global Wage Report 2016/17. Geneva: ILO, 2017. 164 p.

² Wage inequality in the workplace. Global Wage Report 2016/17. Geneva: ILO, 2017. 164 p.

Таблица 2 / Table 2

Экспертная оценка качества трудовой жизни с точки зрения достигнутого уровня заработной платы / Expert assessment of the quality of working life in terms of the achieved level of wages

Критериальные показатели	Единица измерения	Фактические значения показателей	Экспертная оценка КТЖ
1. Соотношение минимальной заработной платы и прожиточного минимума трудоспособного населения	%	101,9	Низкое
2. Соотношение средней заработной платы и прожиточного минимума трудоспособного населения	Раз	3,6	Среднее
3. Степень неравномерности распределения начисленной заработной платы по группам работников (коэффициент Джини)	%	41,0	Низкое
4. Доля лиц трудоспособного возраста в числе бедного населения	%	55,1	Низкое

Источник / Source: рассчитано по официальным данным Росстата за 2017–2018 гг. / calculated by the author according to the official data of Rosstat for 2017–2018.

первых, в число лиц трудоспособного возраста может входить достаточно большое количество не занятых трудовой деятельностью по тем или иным причинам объективного и субъективного характера: это либо учащиеся очных форм обучения, получающие профессиональное образование, либо инвалиды I и II групп. И в том, и в другом случае благодаря размерам доходов эти категории автоматически попадают в число малообеспеченного и крайне бедного населения. К трудовой сфере, в частности к качеству трудовой жизни, это имеет отношение в том аспекте, который касается жизнеобеспечения бывших работников, получивших инвалидность в результате несчастных случаев и профессиональных заболеваний, вызванных неблагоприятными условиями труда, вредными производственными факторами, экономией со стороны работодателей на мероприятиях по охране труда и т.п. Во-вторых (что еще более показательны для России), значительная часть бедного населения трудоспособного возраста является занятой в экономике, т.е. это «работающие бедные». И если бедность учащейся молодежи и инвалидов характеризует качество трудовой жизни в большей степени косвенно, то «работающие бедные» — это прямой и очень красноречивый показатель КТЖ, свидетельствующий о том, насколько глубока проблема бедности в стране, и каковы перспективы развития

экономики при условии сохранения самого понятия «работающие бедные», не говоря уже о масштабах распространения данного явления.

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ В РОССИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДОСТИГНУТОГО УРОВНЯ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

На основании предложенного инструментария с использованием разработанной градации количественных оценок ключевых критериев, представленных в *табл. 1*, может быть составлена обобщающая характеристика современного состояния качества трудовой жизни в России с точки зрения достигнутого уровня заработной платы, необходимого для выполнения воспроизводственной функции (*табл. 2*).

Фактические значения критериальных показателей рассчитаны по данным официальной государственной статистики. Экспертная оценка качества трудовой жизни проведена исходя из четырехуровневой градации КТЖ: «крайне низкое», «низкое», «среднее», «высокое».

По результатам проведенной экспертной оценки КТЖ по четырем критериям можно сделать однозначный вывод: качество трудовой жизни в России, с точки зрения достигнутого уровня заработной

платы, необходимого для выполнения воспроизводственной функции, является низким.

Рассмотрим некоторые дополнительные аргументы, обосновывающие данный вывод и добавляющие определенные штрихи к обобщающей характеристике современного состояния качества трудовой жизни в России.

С 1 января 2019 г. начал реализовываться Федеральный закон, принятый 28.12.2017 № 421-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части повышения минимального размера оплаты труда до прожиточного минимума трудоспособного населения», в соответствии с которым ежегодно с 1 января соответствующего года МРОТ устанавливается федеральным законом в размере величины ПМ трудоспособного населения в целом по Российской Федерации за II квартал предыдущего года.

Благодаря данному нововведению создан прецедент недопущения отставания МРОТ от ПМ трудоспособного населения. Тем не менее, маленькая тонкость в этом начинании все же присутствует. Вероятность отставания МРОТ от ПМ все равно останется, так как эти показатели на момент установления нового МРОТ будут разорваны во времени с интервалом в полгода. А далее этот разрыв во времени будет увеличиваться, вплоть до 1 января следующего года. В общей сложности к концу текущего года, т.е. к моменту очередного пересмотра МРОТ, этот разрыв во времени достигнет полутора лет. Вряд ли ПМ за это время останется без изменений. С большой долей вероятности в последующие периоды текущего года установившееся равновесие очень легко может нарушиться, так как рост прожиточного минимума на фоне инфляционных процессов неизбежен. Поэтому оценка КТЖ по данному критерию в период между пересмотрами МРОТ может ухудшиться, т.е. переместится на самый низкий уровень.

Соотношение средней заработной платы и прожиточного минимума трудоспособного населения, сложившееся в 2018 г., составило 3,6 раза, что позволило оценить КТЖ по данному критерию как «среднее». Однако следует подчеркнуть, что эта оценка тяготеет к нижней границе среднего интервала критериальных значений, а, значит, для полноценного среднего уровня оценка КТЖ по данному критерию все же не дотягивает.

В мировой практике среди европейских и азиатских стран показатель неравномерности распределения доходов колеблется от 25,4% в Словении до 42,2% в Китае. Российский коэффициент Джини,

составляющий 41%, оказался на уровне максимальных показателей стран Азии, т.е. Россия находится в группе стран с самым высоким значением коэффициента. А это дает основание оценивать КТЖ по данному критерию как «низкое».

Что касается четвертого критерия — удельного веса лиц трудоспособного возраста в числе бедного населения, составляющего в настоящее время 55,1%, здесь дополнительные комментарии излишни. Феномен «работающих бедных» многократно усиливает негативную составляющую качества трудовой жизни в современной России.

БЕДНОСТЬ ТРУДОСПОСОБНОГО НАСЕЛЕНИЯ — ГЛАВНОЕ ПРЕПЯТСТВИЕ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ

Заработная плата — если не единственный, то, безусловно, основной источник доходов подавляющей части наемных работников. Соответственно, оплата труда представляет собой важнейший показатель, требующий всестороннего анализа.

За последние 18 лет, с 2000 по 2018 г., наблюдается стабильный ежегодный разрыв в темпах роста номинальной и реальной заработной платы. В отдельные годы (2000, 2015) этот разрыв достигал значительных размеров, что означает существенное относительное снижение платежеспособности трудоспособного населения. В 2015 г. наблюдался даже разнонаправленный вектор изменения представленных показателей: при росте номинальной заработной платы на 5% снижение ее реального содержания составило 9% [10, с. 35].

Сложившаяся ситуация оказывает неблагоприятное воздействие на уровень и качество жизни населения в целом, и на его трудоспособную часть — в частности. Это воздействие самым непосредственным образом находит отражение в «профиле российской бедности», который демонстрирует доминанту трудоспособных экономически активных членов общества, как среди малоимущего, так и среди крайне бедного населения России (табл. 3).

На основе этих и других данных, полученных по итогам выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах, может быть составлен своеобразный «социальный портрет» малообеспеченного гражданина Российской Федерации, показывающий профиль российской бедности. Таким типичным представителем бедного населения России до недавнего времени являлся человек трудоспособного возраста, семейный, име-

Таблица 3 / Table 3

Распределение малоимущего населения по основным группам по итогам выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах за 2016 г., % / Distribution of the poor people by major groups according to the results of selective monitoring of incomes and participation in social programs for 2016, %

Все малоимущее население	В том числе						
	по месту проживания		по возрастным группам			По отношению к занятости	
	город	село	дети в возрасте до 16 лет	население трудоспособного возраста	население старше трудоспособного возраста	занятые в экономике	незанятые в экономике
100	46,9	53,1	37,5	55,1	7,4	51,0	49,0

Источник / Source: Социально-экономические индикаторы бедности в 2013–2017 гг. Стат. сб. / Rosstat. М.; 2018. С. 69 / Socio-economic indicators of poverty in 2013–2017. Moscow: Rosstat; 2018. p. 69.

ющий двух и более детей, проживающий в сельской местности, занятый в экономике. Этот «профиль» поддается только негативному истолкованию, так как высвечивает самый проблемный аспект качества трудовой жизни в России — невозможность для подавляющего большинства наемных работников обеспечить достойное жизнеобеспечение для себя и членов своей семьи за счет участия в трудовой деятельности.

Бедность в любом ее проявлении является, по сути, тормозом экономического развития. И в зависимости от состава бедного населения сила действия этого «тормоза» может быть различной. В этом отношении весьма показательным является профиль российской бедности. На рис. 2 показано взаимовлияние профиля российской бедности и качества трудовой жизни, результатом которого в глобальном масштабе выступает замедление экономического роста.

Качество трудовой жизни, при котором существует понятие «работающие бедные», порождает целый комплекс социальных проблем, обусловленных низким уровнем удовлетворения потребностей работников и членов их семей в питании, образовании, здравоохранении, связанных с дефицитом семейных бюджетов.

Одним из главных долговременных социально-экономических последствий подобного состояния трудовой сферы является невосполнение на должном уровне трудового потенциала, воспроизводство которого в условиях рыночной экономики всецело определяется финансовыми возможностями трудоспособного населения. Наиболее важные социально-

экономические индикаторы уровня жизни: качественное питание, полноценный отдых, доступность получения услуг образования, здравоохранения, достаточные ресурсы для рождения и воспитания детей и т.п. — все это в современных условиях приобретает проблемный характер для значительной части экономически активного населения России. А если рассматривать эту проблему в плоскости реализации пенсионной реформы, становится еще более очевидной финансовая несостоятельность наемных работников в обеспечении своего благосостояния.

Например, исследования китайских ученых свидетельствуют, что растущая неопределенность доходов и пенсионные реформы могут объяснить большой рост сбережений. Расчеты показывают, что рост неопределенности доходов и пенсионные реформы приводят к тому, что домохозяйства молодых и пожилых людей значительно повышают свои нормы сбережений. На эти два фактора приходится две трети роста сбережений городских домашних хозяйств Китая [11]. То, что пенсионная реформа затрагивает сбережения домашних хозяйств, является убедительным. По оценке исследователей в данной области, пенсионная реформа повысила в 1999 г. уровень сбережений домашних хозяйств примерно на 6–9 процентных пунктов для когорт в возрасте 25–29 лет и примерно на 2–3 процентных пункта для когорт в возрасте 50–59 лет. Результаты проведенных исследований также свидетельствуют о том, что снижение пенсионного благосостояния сокращает расходы на образование и здравоохранение в большей степени, чем на другие статьи потребления [12].

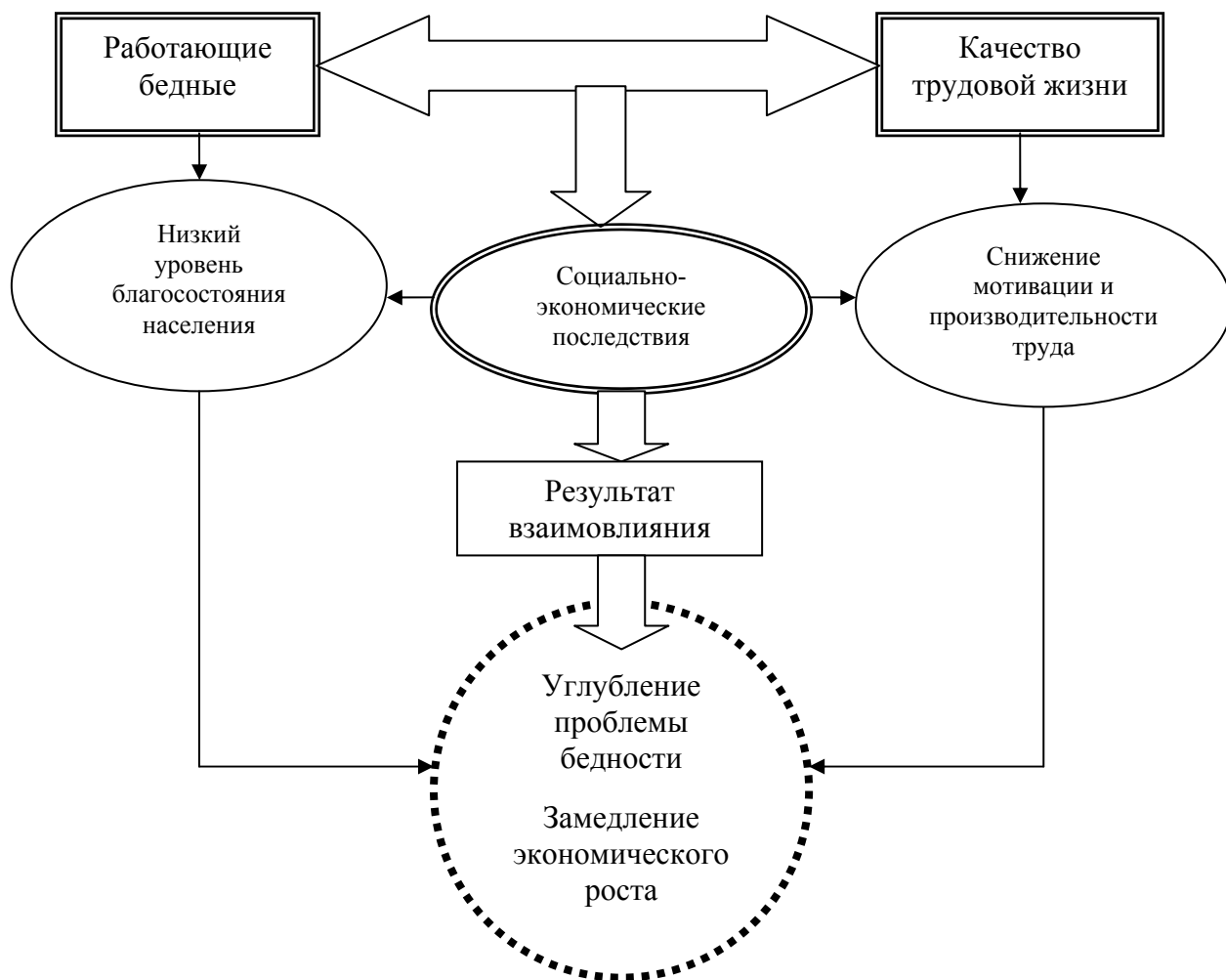

Рис. 2 / Fig. 2. Взаимовлияние профиля российской бедности и качества трудовой жизни /
Mutual influence of the profile of Russian poverty and quality of working life

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

Опираясь на опыт Китая и других стран, трудно представить, что могут предпринять российские работники для того, чтобы сформировать определенный пенсионный капитал. Дефицит денежного дохода в целом по России составляет в настоящее время более 700 млрд руб., или 1,3% от общего объема денежных доходов. При этом в малообеспеченных домашних хозяйствах соотношение дефицита дохода с величиной среднедушевого денежного дохода домохозяйств достигает 45% и больше. Ни о каких сбережениях в обозримой перспективе говорить, по всей видимости, не приходится.

Проведенные в рамках данного исследования экспертные оценки и анализ текущего состояния финансовых возможностей экономически активного населения позволяют сделать вывод о том, что уровень благосостояния трудоспособного населения — есть концентрированное выражение качества

трудовой жизни, главным индикатором которого в условиях рыночной экономики (и особенно при влиянии негативных последствий проведенных в Российской Федерации экономических реформ 1990-х гг.) выступает оплата труда.

В этой связи следует подчеркнуть, что рассуждения некоторых отечественных специалистов о том, что повышение МРОТ может вызвать серьезные негативные последствия в области занятости населения, при нашем мизерном уровне МРОТ и ПМ просто безосновательны.

Справедливости ради отметим: в отдельных зарубежных исследованиях поднимается вопрос о том, что при повышении минимальной заработной платы значительно уменьшается доля автоматизируемых рабочих мест для низкоквалифицированных работников и повышается вероятность того, что низкоквалифицированные работники

становится незанятыми (not-employed) или работающими в худших условиях. Имеются также доказательства того, что те же самые изменения улучшают возможности трудоустройства для высококвалифицированных работников. Полученные результаты свидетельствуют о том, что группы, часто игнорируемые в работах, посвященных минимальной заработной плате, на самом деле весьма уязвимы для изменений в сфере занятости и потери работы из-за автоматизации рабочих мест после повышения минимальной заработной платы [13]. С этими выводами можно согласиться, но с некоторой оговоркой: они верны в том случае, когда повышенный размер минимальной заработной платы может стать реальной альтернативой для замены ручного неквалифицированного труда машинным, т.е. когда это становится выгодным экономически. Применительно к российским условиям это может произойти еще не очень скоро, так как современный уровень МРОТ даже при условии его приближения к прожиточному минимуму трудоспособного населения не является настолько конкурентоспособным, чтобы спровоцировать работодателей на модернизацию производства. Одного этого фактора не достаточно. Поэтому дальнейшее повышение МРОТ, если и повлияет на занятость, то незначительно, лишь вкупе с другими факторами.

ВЫВОДЫ

На основе проведенного исследования можно сделать вывод о том, что главными приоритетами государственной и корпоративной социальной политики, направленной на преодоление бедности

трудоспособного населения, в ближайшей перспективе следует считать:

1. Повышение минимальных социальных гарантий по оплате труда до социально-приемлемого уровня, способного обеспечить простое воспроизводство рабочей силы.

2. Совершенствование налоговой политики в отношении малообеспеченного населения, в частности, освобождение от подоходного налога заработной платы, начисленной в пределах прожиточного минимума трудоспособного работника, а также введение прогрессивной шкалы налогообложения, способствующей постепенному преодолению дефицита бюджетов малообеспеченных домашних хозяйств.

3. Совершенствование практики коллективно-договорного регулирования заработной платы в части обеспечения достойных условий труда и его оплаты путем ликвидации диктата работодателя в процессе заключения и выполнения коллективных договоров и соглашений социального партнерства.

4. Дальнейшее развитие системы социально-партнерских отношений за счет расширения охвата коллективными договорами и соглашениями предприятий малого и среднего бизнеса, что повысит соблюдение гарантий оплаты труда.

Преодоление бедности трудоспособного населения должно стать важной задачей государства не только с точки зрения необходимости повышения качества трудовой жизни, но и в целях достижения более высоких показателей экономического роста, зависящего от главной производительной силы общества — трудоспособного населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Генкин Б.М. Экономика и социология труда. М.: НОРМА-ИНФРА М; 1998. 384 с.
2. Романов А.Н., Жеребин В.М. Уровень жизни населения. Основные категории, характеристики и методы оценки. М.: ЮНИТИ-ДАНА; 2002. 592 с.
3. Беззубко Л.В., Нехода Е.В. Социально-трудовые отношения: результаты исследований в России и Украине. Томск: Томский государственный университет; 2013. 372 с.
4. Horst D.J., Broday E.E., Bondarick R., Serpe L.F., Pilatti L.A. Quality of Working Life and Productivity: An Overview of the Conceptual Framework. *International Journal of Managerial Studies and Research*. 2014;(2):87–98.
5. Горелов Н.А. Оплата труда персонала: методология и расчеты. М.: Юрайт; 2017. 412 с.
6. Шевяков А.Ю. Неравенство доходов как фактор экономической и демографической динамики: монография. М.: ИСЭПН РАН; 2010. 43 с.
7. Легчилина Е.Ю. Методология оценки качества трудовой жизни и социально-трудовых отношений. *Фундаментальные исследования*. 2018;(7):105–110.
8. Барр Р. Политическая экономия: в 2-х т. Т. 2: Пер. с фр. М.: Международные отношения; 1995. 752 с.
9. Соболев Э.Н. Оплата труда в системе социально-трудовых отношений: стереотипы и российские реалии: доклад. М.: Институт экономики РАН; 2017. 46 с.

10. Меньшикова О.И. Бедность трудоспособного населения: причины и следствия. *Охрана и экономика труда*. 2018;2(31):31–40.
11. Chamon M., Liu K., Prasad E. Income uncertainty and household savings in China. *Journal of Development Economics*. 2013;(105):164–177.
12. He L., Sato H. Public pension and household saving: Evidence from urban China. *Journal of Development Economics*. 2011;39(4):470–485.
13. Lordan G., Neumark D. People versus machines: The impact of minimum wages on automatable jobs. *Labour Economics*. 2018;(52):40–53.

REFERENCES

1. Genkin B.M. Economics and sociology of labour. Moscow: NORMA-INFRA M.; 1998. (In Russ.).
2. Romanov A.N., Zherebin V.M. Standards of living. Main categories, characteristics, and assessment methods. Moscow: UNITY-DANA; 2002. (In Russ.).
3. Bezzubko L.V., Nehoda E.V. Social and Labor Relations: Research Results in Russia and Ukraine. Tomsk: Tomsk State University; 2013. (In Russ.).
4. Horst D.J., Broday E.E., Bondarick R., Serpe L.F., Pilatti L.A. Quality of Working Life and Productivity: An Overview of the Conceptual Framework. *International Journal of Managerial Studies and Research*. 2014;(2):87–98.
5. Gorelov N.A. Remuneration of personnel: Methodology and calculations. Moscow: Yurayt; 2017. (In Russ.).
6. Shevyakov A. Yu. Income inequality as a factor in economic and demographic dynamics: monograph. Moscow: ISEPN RAS; 2010. (In Russ.).
7. Legchilina E. Yu. Methodology for assessing the quality of working life and social and labour relations. *Fundamental'nye issledovaniya*. 2018;(7):105–110. (In Russ.).
8. Barr R. Political Economy. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: International relations; 1995. (In Russ.).
9. Sobolev E.N. Remuneration in the system of social and labour relations: Stereotypes and Russian realities. Report. Moscow: Institute of Economics RAS; 2017. (In Russ.).
10. Menshikova O. I. Poverty of the able-bodied population: causes and effects. *Okhrana i ekonomika truda*. 2018;2(31):31–40. (In Russ.).
11. Chamon M., Liu K., Prasad E. Income uncertainty and household savings in China. *Journal of Development Economics*. 2013;(105):164–177.
12. He L., Sato H. Public pension and household saving: Evidence from urban China. *Journal of Development Economics*. 2011;39(4):470–485.
13. Lordan G., Neumark D. People versus machines: The impact of minimum wages on automatable jobs. *Labour Economics*. 2018;(52):40–53.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ольга Ивановна Меньшикова — доктор экономических наук, профессор, научный консультант Центра подготовки научных кадров, Всероссийский научно-исследовательский институт труда Министерства труда и социальной защиты РФ, Москва, Россия
om-g@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Olga I. Menshikova — Dr. Sci. (Econ.), Professor, scientific consultant at the Center for training of scientific personnel, All-Russian Research Institute of Labour of the Ministry of Labour and Social Protection of the Russian Federation, Moscow, Russia
om-g@yandex.ru

Статья поступила 05.07.2020; принята к публикации 31.07.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 05.07.2020; accepted for publication on 31.07.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-27-33
УДК 338(045)
JEL F15

Национальная инновационная система Израиля в начале XXI века

И.Г. Коротков

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-8467-5157>

АННОТАЦИЯ

Сложные геополитические условия и ограниченность природных ресурсов определили вектор научно-технологического развития Израиля. Единственный «природный ресурс», который был и остается у страны в избытке – это качественные человеческие ресурсы. Сегодня Израиль занимает первое место в мире по доле расходов на гражданские НИОКР в процентах от ВВП (4,25%), количеству начинающих (startup) компаний в пересчете на душу населения и по количеству исследователей. Опыт Израиля в построении эффективной национальной инновационной системы (НИС) интересен для России потому, что уровень влияния государства на экономику в этой стране также достаточно высокий. Государство в Израиле посредством Ведомства главного ученого (ВГУ) стимулирует широкий спектр прикладных НИОКР и при этом не диктует рынку, как ему нужно развиваться, а путем адресного финансирования и государственных программ поощряет развитие приоритетных отраслей. В России, в отличие от Израиля, государственные структуры стремятся играть в выбранных ими сегментах рынка ведущую роль, подавляя, таким образом, развитие малых инновационных предприятий. Если в экономике инноваций Израиля центральное место занимают начинающие (startup) компании, то в России, наоборот, на рынке инноваций преобладают крупные государственные предприятия, которые сдерживают инновационные процессы, замедляющиеся без предпринимательской инициативы. Опыт Израиля Россия может использоваться в таких секторах инновационной экономики, как государственная поддержка инноваций; организация трансфера технологий; коммерциализация технологий, созданных в НИИ и университетах; формирование системы международного научно-технического сотрудничества; использование технологий двойного назначения; подготовка менеджеров для сферы инноваций.

Ключевые слова: национальная инновационная система; государственная поддержка инноваций; коммерциализация технологий; Ведомство главного ученого

Для цитирования: Коротков И.Г. Национальная инновационная система Израиля в начале XXI века. *Мир новой экономики*. 2020;14(3):27-33. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-27-33

ORIGINAL PAPER

National Innovation System of Israel at the Beginning of the 21st Century

I.G. Korotkov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-8467-5157>

ABSTRACT

Difficult geopolitical circumstances and natural resources scarcity laid down the vector of science and technology development of Israel. The only “natural resource” that was and still is in plenty – high-qualified human resource. As for today, Israel takes the first place in the world having its state support of public R&D as a per cent of GDP (4.5 per cent), the number of startup companies concerning population and quantity of researchers. Russia is interested in Israeli experience in the formation of a national innovation system (NIS) because of the same high state influence on the economics in this country. Powers of the state in Israel through the agency of the Office of the Chief Scientist (OCS) stimulate a wide variety of applied R&D and upon that do not prescribe the market how to develop but use targeted

© Коротков И.Г., 2020

funding and state programs to reward the development of priority branches. In Russia, as opposed to Israel, the powers of state aim to play a vital role in chosen market segments, therefore suppressing the development of small enterprises. If in Israeli innovation economics the central place is occupied by the startup companies, in Russia, in the opposite, at the innovation market dominate the massive state-owned enterprises, restraining innovation processes that shift into low gear without business initiative. Israeli experience can be used in such innovation economics' sectors as state support of innovations; technology transfer organization; commercialization of technologies, elaborated in Research and Development Establishment and universities; formation of international scientific and technological cooperation system; using of dual technologies; training of innovation managers.

Keywords: national innovation system; state support of innovations; commercialization of technologies; Office of the Chief Scientist

For citation: Korotkov I.G. National innovation system of Israel at the beginning of the 21st Century. *Mir novoi ekonomiki = The World of the New Economy*. 2020;14(3):27-33. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-27-33

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня одной из приоритетных задач России является построение собственной модели инновационной экономики. Для ее решения важно использовать опыт передовых индустриальных стран, к числу которых принадлежит Израиль. Эту страну можно с уверенностью назвать инновационной супердержавой, которая создает высокие технологии и способствует глобальному экономическому процветанию. Израильская модель национальной инновационной системы (НИС) интересна для России еще и потому, что в обеих странах экономика находится под сильным влиянием государства.

К началу XXI в. НИС Израиля в целом завершила свое формирование, и сегодня она состоит из четырех базовых элементов: государственный сектор, вузы и НИИ, ВПК, предпринимательский сектор.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКТОР

Главные ученые и их ведомства в ряде министерств страны составляют основу системы государственной поддержки промышленных инноваций в Израиле. Главный ученый отвечает за все научно-технические вопросы, с которыми связана деятельность министерства. «Сегодня ведомство главного ученого (ВГУ) есть у двенадцати министерств, осуществляющих научно-техническую деятельность. Это министерства: обороны; образования; здравоохранения; науки, технологии и космоса; экономики; национальных инфраструктур, энергетики и водных ресурсов; сельского хозяйства и развития деревни; защиты окружающей среды; коммуникаций и защиты тыла; общественной безопасности; транспорта и дорожной безопасности; иммиграции и абсорбции.

Главные ученые формируют и реализуют программы научно-технического развития вверен-

ных им министерств. При этом задача главных ученых — выявить наиболее перспективные проекты, которые станут общепризнанным трендом и принесут прибыль. По мнению главного ученого министерства науки и технологии в 2010 г. проф. Д. Мендловича, «каждый вложенный в «серую зону» (зону неизвестности) доллар приносит от 15 до 30 долл. США, что подтверждает высокую эффективность деятельности ВГУ» [1].

В 2000 г. для осуществления стратегического планирования в сфере НИОКР на государственном уровне был создан Форум главных ученых Израиля. Форум, которым руководит министр науки, определяет приоритеты научно-технического развития, формирует государственную политику в сфере поддержки инноваций и служит площадкой для обмена опытом и технологиями.

Начиная с 1959 г. неотъемлемой частью государственной инновационной структуры Израиля является Национальный совет по НИОКР, главная задача которого — консультирование правительства по научным вопросам общегосударственной важности.

В начале 1990-х гг. в Израиле были приняты две программы ВГУ (программа технологических инкубаторов и программа «Магнет»), оказавшие большое влияние на становление в стране экономики инноваций. Сегодня в Израиле действует более 20 технологических инкубаторов, через которые с начала программы прошло более 2500 стартапов. Таким образом, большая часть стартапов в Израиле рождается именно в инкубаторах — около 80 в год. Объем государственных инвестиций за этот период составил около 1 млрд долл. США, а частных — 5,5 млрд долл. США, т.е. технологические инкубаторы стали мощным инструментом для привлечения частного капитала в инновационную экономику [2, с. 128].

В Израиле большое значение уделяется вовлечению в инновационные процессы школьников. Для этого с 2011 г. в стране действует специальная программа, которая включает в себя создание технологических инкубаторов для старшеклассников. Финансирует программу ВГУ в размере 900 тыс. шекелей в год [2, с. 130].

Программа «Магнет» включает в себя несколько программ, одна из которых — «Магнетон» (начала работать в 2001 г.). С целью осуществления трансфера созданных технологий в рамках этой программы организовано сотрудничество одного промышленного предприятия и одной научной группы. Ежегодно в программе участвуют примерно 30 команд, каждая из которых получает финансирование 3–4 млн шекелей. Для связи фундаментальных и прикладных исследований с целью использования полученных результатов в промышленности в 2002 г. была принята программа «Нофар», а в 2011 г. — новая более эффективная программа «Камин». Еще одна программа из семейства «Магнет» — «Меймад» (2012) направлена на создание технологий двойного назначения (военных и гражданских). Размер ежегодного финансирования программы составляет 21 млн шекелей [2, с. 130].

Приоритетные для государства отрасли промышленности [низкотехнологичные (традиционные), нанотехнологии, биотехнологии, технологии кибер-безопасности, технологии защиты окружающей среды] ВГУ поддерживает разными способами. Например, такими как программы грантов фонда НИОКР, адресная помощь отраслевым НИИ, создание специализированных инкубаторов и фондов венчурного финансирования (биотехнологии), организация специализированных центров в академических институтах (нанотехнологии), создание Национальной нанотехнологической инициативы Израиля, принятие специальных программ (программа «Кидма» в сфере кибер-безопасности) и др.

В качестве поддержки сельского хозяйства как одной из традиционных отраслей национальной экономики еще в 1994 г. ВГУ совместно с Министерством сельского хозяйства приняло программу, в рамках которой — грантовая поддержка сельскохозяйственным предприятиям, создающим экспортно ориентированные технологии. В год по этой программе в среднем 4 проекта получают финансовую помощь на общую сумму около 1 млн шекелей [2, с. 142]. Сельское хозяйство в Израиле является по-настоящему инновационной отраслью экономики. Министерство сельского хозяйства

страны обладает значительными ресурсами для НИОКР (85% финансируется государством), которые проводит Организация сельскохозяйственных исследований (ОСИ).

Деятельность ВГУ на международном направлении заключается в создании двусторонних фондов НИОКР совместно с США, Канадой, Германией, Сингапуром, Кореей, а также в разработке программ совместных НИОКР израильских стартапов с зарубежными ТНК. В настоящее время в подобных программах участвуют около 40 крупнейших компаний (IBM, Intel, HP, NEC, Cisco, Alcatel и др.). 50% бюджета совместных НИОКР финансирует ВГУ, а 50% — ТНК [2, с. 146].

Для привлечения иностранных инвестиций в национальную сферу инноваций ВГУ в 2010 г. приняло специальную программу, которая поощряет создание крупными иностранными финансовыми институтами (с годовым доходом не менее 10 млрд долл. США) своих центров НИОКР на территории страны.

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что ВГУ является главным инструментом государства в процессе формирования НИС. Государственная поддержка инноваций в стране сводится к стимулированию широкого спектра прикладных НИОКР. При этом государство не диктует рынку, как ему нужно развиваться, а при помощи адресного финансирования и специально созданных программ поощряет развитие приоритетных отраслей.

ИННОВАЦИИ В АКАДЕМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТАХ

Важным преимуществом НИС Израиля является система коммерциализации ноу-хау, функционирующая в большинстве национальных университетов. Основана она на том, что в вузе создается компания, специалисты которой оценивают коммерческий потенциал будущего продукта и разрабатывают бизнес-план продвижения его на рынок. Потом для данного проекта ищут инвестора, и в случае успеха нового продукта на рынке его создатели получают роялти. Преимуществом таких компаний, созданных на базе вузов, является то, что в их состав, помимо ученых, входят представители деловых кругов (менеджеры, маркетинологи, финансисты, юристы). Самые известные инновационные проекты, прошедшие через университетские компании трансфера технологий, это: ER сканер баркодов, флеш-память, лекарство

для лечения рассеянного склероза Копаксон (фармацевтическая компания Teva), помидоры черри и др.

Значительный вклад в формирование НИС вносит Комиссия по планированию и бюджету Совета по высшему образованию Израиля. Комиссия координирует финансовые вопросы между государственными органами и вузами, участвует в деятельности форума TELEM¹, финансирует ряд управляемых ВГУ проектов, имеющих отношение к вузам, способствует формированию устойчивых связей между академической наукой и прикладными промышленными НИОКР [2, с. 155].

ИННОВАЦИИ В ВПК

«Если учесть, что Израиль, так или иначе, практически постоянно воюет, наличие собственного развитого ВПК, в целом, является необходимым. Именно из этих соображений исходило руководство страны, принимая решение о финансировании прикладных НИОКР в сфере национальной безопасности. Соответственно, как предположили британские исследователи Брауд, Дегер и Сен [3, с. 37], если в какой-то стране затраты на ВПК и имеют результирующий положительный эффект на развитие национальной экономики — это относится к Израилю» [4].

Спустя более 70 лет с момента создания независимого государства Израиль сумел войти в десятку крупнейших мировых экспортеров вооружений. Такого результата не смогла достичь ни одна страна в мире. В 2017 г. на долю Израиля пришлось 2,9% объема международных продаж в оборонной сфере. При этом объем продаж израильского вооружения за год увеличился на 55% и составил 11 млрд долл. США. Израиль продает свою оборонную продукцию в десятки стран мира. Большая часть экспорта отправляется в Индию (49%), Азербайджан (13%) и Вьетнам (6,3%)².

ВПК играет важнейшую роль в формировании НИС Израиля. Это выражается в том, что высокие технологии, разработанные для Армии обороны Израиля (АОИ), адаптируются в дальнейшем для

гражданского рынка. АОИ является также поставщиком высококвалифицированных кадров для гражданских отраслей промышленности.

Элитное подразделение «ЛЭКЕТ» разрабатывает и внедряет в армии самые передовые ИТ. «МАМРАМ» (Центр компьютерных и информационных систем) — одна из самых известных частей данного подразделения, которая занимается широким спектром технологий от программного обеспечения до спутников.

«РАФАЭЛЬ» — одна из главных структур ВПК, осуществляющая широкий спектр НИОКР. В 2002 г. она стала государственной корпорацией. Наилучшие результаты «РАФАЭЛЬ» были получены в сферах авионики, ПО, электроники и обработки изображений. Ежегодно корпорация затрачивает на НИОКР 8% полученной прибыли. Военные НИОКР активно проводят как государственные (Israel Aerospace Industries, Israel Military Industries), так и частные компании (Tadiran, Elron Electronic Industries), добиваясь технологического лидерства АОИ не только в регионе, но в некоторых областях и на мировом уровне.

Согласно данным экспортного отдела Министерства обороны, в 2017 г. израильского вооружения было экспортировано на сумму 9,2 млрд долл. США, что на 40% превышает показатель 2016 г. «Главными отраслями экспорта продукции израильского ВПК в 2017 г. стали ракетостроение и системы ПВО (31%); радиолокационные системы и средства РЭП (17%); разведывательные комплексы и авионика (14%); боеприпасы и пусковые установки (9%); телекоммуникационные системы и системы связи (9%); оптико-электронные системы (8%); средства разведки, включая информационные устройства и кибертехнологии (5%); различные услуги (3%); дроны (2%); военно-морские техника и вооружение (1%); спутники и аппаратура военного космоса (1%)» (http://nvo.ng.ru/armament/2018-06-08/6_999_israel.html). Можно сказать, что эмблемой израильского оборонного экспорта являются беспилотные летательные аппараты, «умные» ракеты и радарные системы. Три израильские компании (Rafael, Elbit и IMI) входят в число крупнейших производителей вооружения в мире. Сегодня на продвинутой стадии разработки находятся вертолетные беспилотники, которые сканирует местность площадью 10 кв. км; разведывательные системы, разбрасывающие с воздуха скрытые сенсоры для наблюдения за вражеской территорией; разведывательные

¹ TELEM создан в 1997 г. по инициативе Национальной академии наук Израиля. Форум продвигает программы НИОКР в научно-технической сфере путем создания национальной инфраструктуры НИОКР.

² EurAsiaDaily. ВПК Израиля: за исключением Азербайджана, с прицелом на саудовский рынок. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/05/16/vpk-izrailya-za-isklyucheniem-azerbaydzhana-s-ricelom-na-saudovskiy-rynok>.

безэкипажные подводные лодки и сухопутные машины; технологии распознавания преступников в идущей толпе и др. Одним из трамплинов израильской «оборонки» могут стать значительные достижения в сфере кибербезопасности.

Крупнейшим импортером вооружений из Израиля является Индия (на сумму 715 млн долл. США в 2017 г.). Объем экспорта израильских вооружений в эту страну увеличился за последние десять лет в 7,5 раза. Израиль — второй по значимости экспортер оружия для Индии, а первое место занимает Россия с экспортом на 1,9 млрд долл. США (http://nvo.ng.ru/armament/2018-06-08/6_999_israel.html).

Научно-технологические достижения в сфере совершенствования вооружений являются мощным катализатором для технологического развития гражданских отраслей. На основе разработок для ВПК создается гражданская продукция, например, охранное оборудование (фирмы Tarzan, RadGuard, Check Point), телекоммуникационное оборудование (компании LocationNet, Comverse, Taridan, ECI Telekom, Gilat Satellite), устройства для аэрокосмонавтики (фирмы Elbit, Elop, IAI).

ВПК сыграл значительную роль в формировании НИС Израиля, создав необходимый технологический фундамент и подготовив кадры для развития не только военных, но и гражданских отраслей промышленности, обеспечив, таким образом, стране лидерство во многих областях инновационной экономики.

ИННОВАЦИИ

В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОМ СЕКТОРЕ

Геополитические условия и ограниченность природных ресурсов (недостаток пресной воды, отсутствие полезных ископаемых и недружественное политическое окружение) во многом определили вектор научно-технологического развития Израиля, а низкая емкость собственного рынка стала причиной того, что страна превратилась в своеобразный инкубатор стартапов, которые она продает по всему миру.

Предпринимательский сектор инновационной экономики Израиля включает в себя малые (стартапы) и крупные израильские компании; представительства ТНК в Израиле; соответствующие финансовые, юридические, аналитические и консалтинговые компании.

Главной составляющей израильской экономики инноваций являются малые инновационные компании (стартапы), деятельность

которых связана с широким спектром высоких технологий (ИКТ, электроника, нанотехнологии, полупроводники, биотехнологии, альтернативные источники энергии и др.). По количеству начинающих (startup) компаний в пересчете на душу населения страна является мировым лидером (примерно один стартап на 2000 чел.), а по общему числу высокотехнологичных компаний Израиль приближается к уровню Силиконовой долины в США [5, с. 388]. «У Израиля самый высокий процент на душу населения по количеству открывшихся биотехнологических компаний» [6, с. 180]. В 2017 г. израильских стартапов было продано более чем на 24 млрд долл. США, а инвестиции в их создание превысили 5,25 млрд долл. Об интересе к израильским стартапам у крупных игроков мирового технологического рынка говорят следующие сделки: в 2013 г. IBM за 1 млрд долл. приобрел приложение Trusteer для кибербезопасности банков, а Google — за 1,1 млрд долл. приложение Waze. В 2017 г. компания SAP за 350 млн долл. купила аналитическую компанию Giga, а Intel за 15 млрд долл. — разработчиков систем для беспилотных автомобилей Mobileye. Об успехах израильских стартапов говорит также и то, что по количеству компаний, котируемых на высокотехнологичном рынке США NASDAQ, страна уступает только США, Канаде и Китаю⁵.

Благодаря реализации программы Yozma в Израиле сформирована эффективная система венчурного финансирования малых инновационных компаний. По объему венчурных инвестиций в расчете на душу населения страна является мировым лидером и по данному показателю в 2,5 раза опережает США, в 30 раз — страны ЕС, в 80 раз — Индию и в 300 раз — Китай [7]. Израиль также опережает США и другие страны по доле венчурных инвестиций в общем объеме ВВП (0,38%).

Важным структурным элементом НИС Израиля являются действующие на территории страны иностранные ТНК, которые также приобретают израильские стартапы и организуют центры НИОКР. Подобных центров в стране около двухсот, и это высокий показатель для такой небольшой страны, как Израиль. Среди корпораций, создавших в Израиле собственные центры НИОКР, такие гиганты, как Google, Apple, Microsoft, Intel, IBM, Facebook,

⁵ NASDAQ — американская биржа, специализирующаяся на акциях высокотехнологичных компаний. URL: <https://new.nasdaq.com>.

Tencent, General Electric, LG и др. 53% НИОКР в стране финансируется иностранными корпорациями, что значительно превышает средний показатель по странам ОЭСР (25%). Создание крупными ТНК в Израиле собственных центров НИОКР многие аналитики считают его уникальным конкурентным преимуществом.

Важным показателем развития инновационной экономики является доля расходов на гражданские НИОКР в процентах от ВВП, и Израиль по данному показателю занимает первое место в мире (4,25% в 2017 г. по сравнению с 2,4% в среднем по странам ОЭСР). Страна также занимает второе место в мире после Тайваня по общей численности персонала, занятого исследованиями и разработками (212 в расчете на 10 тыс. занятых в экономике) и первое место по количеству исследователей (174 в расчете на 10 тыс. занятых в экономике) (<https://www.hse.ru/primarydata/in2019>).

ВЫВОДЫ

Современная НИС Израиля сформировалась на рубеже 1980-х и 1990-х гг. после ряда государственных системообразующих мероприятий, позволивших Израилю войти в число мировых лидеров в инновационной сфере. Государство сумело запустить механизм действия инновационных процессов и при этом не стало брать на себя роль лидера, дав, таким образом, возможность сформироваться классу инновационных предпринимателей. Сегодня Израиль твердо занял место мирового инкубатора стартапов. Крупные компании, в том числе и российские, создают здесь собственные центры НИОКР, а по привлекательности для иностранных инвесторов страна уступает только Кремниевой долине США. Так, в 2014 г. «Яндекс» стал первой российской компанией, открывшей в Израиле центр НИОКР, а в 2017 г. «Лаборатория Касперского» также открыла центр исследований и разработок (R&D) на базе своего офиса в Иерусалиме⁴.

⁴ ТАСС — Российское государственное информационное агентство. URL: <https://tass.ru>.

Опыт Израиля в построении НИС интересен для России. Например, созданная в Израиле система трансфера технологий из науки в промышленность и законодательство, позволяющее передавать частным компаниям права на интеллектуальную собственность, полученную в результате государственного финансирования НИОКР [8]. В экономике инноваций Израиля центральное место занимают начинающие (startup) компании, которые потом могут вырастать в крупные корпорации. В России же, наоборот, на рынке инноваций преобладают крупные государственные предприятия, что значительно сдерживает инновационные процессы, замедляющиеся без предпринимательской инициативы. Ценность израильского опыта еще и в том, что в Израиле, также как в России, уровень влияния государства на экономические процессы достаточно высокий [9, с. 87]. Известно, что по примеру израильской программы «Yozma» в России в 2006 г. была создана «Российская венчурная компания» («РВК»). Правда, в отличие от Yozma, которая просуществовала сравнительно недолго и была в дальнейшем приватизирована, «РВК» и сегодня сохраняет свой статус. В России вообще, в отличие от Израиля, государственные структуры, созданные для развития рынка, стремятся к тому, чтобы играть в выбранных сегментах ведущую роль, подавляя, таким образом, развитие малых инновационных предприятий и НИС в целом. Мировая практика показывает неэффективность такой инновационной стратегии, в результате которой рынок инноваций развивается слабо. Современная Россия столкнулась с серьезными трудностями, вызванными отсутствием сформированной научно-технологической и инновационной инфраструктуры, а также низкими показателями наукоемкого производства. Поэтому опыт Израиля может быть использован для разработки государственной стратегии по наращиванию собственного инновационного потенциала в таких секторах инновационной экономики, как: государственная поддержка инноваций; коммерциализация и трансфер технологий; международное научно-технологическое сотрудничество; подготовка менеджеров для инновационной сферы; внедрение технологий двойного назначения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Марьясис Д. А. Возможности трансформации системы государственной поддержки развития инноваций. Опыт Израиля. *Экономическая политика*. 2017;12(5):80–103.
2. Марьясис Д. А. Опыт построения экономики инноваций. Пример Израиля. Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН; 2015. 268 с.

3. Брауд М., Дерер Ф., Сен С. Оборона, инновации и развитие: пример Израиля. *Инновационная экономика и управление*. 2013;(12):37–57. URL: <https://www.cairn.info/revue-journal-of-innovation-economics-2013-2-page-37.htm>.
4. Марьясис Д.А. Израиль. Роль армии и ВПК в формировании и развитии экономики инноваций. *Азия и Африка сегодня*. 2017;(4):17–23.
5. Ефимушкин С.Н., Сажаяева Г.А. Инновационный путь развития экономики Израиля (мировой опыт). *Вопросы инновационной экономики*. 2016;6(4):388–396.
6. Фиговский О.Л. Инновационная система Израиля: уроки для России. *Менеджмент и бизнес-администрирование*. 2014;(2):176–189.
7. Hermoni O. Chase after the Israeli Unicorn. Presentation, Slide 18. Rhodium Ventures. June 2014.
8. Агамирзян И.Р. Государственно-частное партнёрство в сфере инноваций. *Наша власть: дела и лица*. 2011;03–04(113).
9. Марьясис Д.А. Государство и инновации: опыт Израиля. *Инновации*. 2016;(7):87–95.

REFERENCES

1. Maryasis D.A. Opportunities for the transformation of the state support system of innovation development. Experience of Israel. *Ekonomicheskaya politika*. 2017;12(5):80–103. (In Russ.).
2. Maryasis D.A. Experience of foundation of innovation economics. Example of Israel. Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences. Moscow: RAS; 2015. (In Russ.).
3. Braude M., Deger S., Sen S. Defence. Innovation and Development: the Case of Israel. *Innovatsionnaya ekonomika i upravlenie*. 2013;(12):37–57. URL: <https://www.cairn.info/revue-journal-of-innovation-economics-2013-2-page-37.htm>. (In Russ.).
4. Maryasis D.A. Israel. Role of army and military-industrial complex in the formation and development of innovation economics. *Aziya i Afrika segodnya*. 2017;(4):17–23. (In Russ.).
5. Efimushkin S.N., Sazhaeva G.A. Innovative way of development of the Israeli economics (world experience). *Voprosy innovacionnoy ekonomiki*. 2016;(4):388–396. (In Russ.).
6. Figoivskiy O.L. Innovation system of Israel: lessons for Russia. *Menedzhment i biznes-administrirovanie*. 2014;(2):180–189. (In Russ.).
7. Hermoni O. Chase after the Israeli Unicorn. Presentation, Slide 18. Rhodium Ventures. June 2014.
8. Agamirzyan I.R. Public-private partnership in the field of innovation. *Nasha vlast': dela i litsa*. 2011;03–04(113). (In Russ.).
9. Maryasis D.A. State and innovations: the experience of Israel. *Innovations*. 2016;(7):87–95. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Илья Георгиевич Коротков — соискатель кафедры мировой экономики экономического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
apismelifera@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ilya G. Korotkov — post-graduate student, Department of World Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
apismelifera@mail.ru

Статья поступила 08.06.2020; принята к публикации 10.07.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 08.06.2020; accepted for publication on 10.07.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-34-43
УДК 339.976.4(045)
JEL F02

Анализ глобальных экономических и политических факторов и вызовов евразийской экономической интеграции

В.А. Зубенко^а, А.М. Масалимова^б

^а Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

^б Евразийская экономическая комиссия, Москва, Россия

^а <http://orcid.org/0000-0002-8341-8896>; ^б <http://orcid.org/0000-0003-1443-8081>

АННОТАЦИЯ

Развитие ЕАЭС происходит в условиях становления новой системы мирохозяйственных связей и трансформации правил мировой торговли. Появляются новые сферы многостороннего сотрудничества государств и региональных интеграционных объединений (в том числе цифровая экономика, криптовалюты). Как следствие агрессивной внешней политики экономически развитых стран, набирает популярность регионализация торгово-экономических связей, что делает актуальным переформатирование торговых отношений с региональными интеграционными объединениями. Наряду с этим первичный интеграционный эффект, связанный с открытием национальных рынков и упрощением правил торговли, проявившийся на первых этапах формирования таможенного союза и единого экономического пространства (ЕЭП), исчерпывается. Объемы взаимной торговли государств-членов меняются, но доля ее в емкости общего рынка ЕАЭС остается из года в год фактически неизменной. Дальнейший рост торговых и экономических связей в рамках ЕАЭС во многом обусловлен снятием существующих препятствий и качественным совершенствованием условий ведения трансграничного бизнеса. Различные негативные явления искажают интеграционную повестку и существенно нивелируют позитивные эффекты интеграции. Отмеченные выше причины делают актуальной задачу комплексного изучения экономических и геополитических факторов интеграции государств-членов и новых вызовов интеграционным процессам. Для выработки подходов к стратегическому планированию развития ЕАЭС должны быть произведены адекватные оценки использования интеграционного потенциала государств-членов и идентифицированы сферы, обладающие наибольшими резервами наращивания интеграционного сотрудничества. Полноценное вовлечение в орбиту евразийской экономической интеграции Армении и Кыргызстана, а также серьезные изменения внешнеэкономической конъюнктуры, произошедшие в последние годы, требуют актуализации возможных сценариев развития Евразийского экономического союза и выработки новой тактики реагирования ЕАЭС и государств – членов Союза на вновь возникающие факторы и вызовы, влияющие на процессы интеграции.

Ключевые слова: международная экономическая интеграция; регионализация, Евразийский экономический союз; внешние факторы и вызовы; интеграционный потенциал; среднесрочная и долгосрочная перспективы

Для цитирования: Зубенко В.А., Масалимова А.М. Анализ глобальных экономических и политических факторов и вызовов евразийской экономической интеграции. *Мир новой экономики*. 2020;14(3):34-43. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-34-43

Analysis of Global Economic and Political Factors and Challenges of the Eurasian Economic Integration

V.A. Zubenko^а, A.M. Masalimova^б

^а Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;

^б Eurasian Economic Commission, Moscow, Russia

^а <http://orcid.org/0000-0002-8341-8896>; ^б <http://orcid.org/0000-0003-1443-8081>

ABSTRACT

The development of the EAEU takes place in the context of the formation of a new system of world economic relations and the transformation of the rules of world trade. Further areas of multilateral cooperation between states and

© Зубенко В.А., Масалимова А.М., 2020

regional integration associations are emerging (including the digital economy, cryptocurrencies). As a consequence of the aggressive foreign policy of economically developed countries, the regionalization of trade and economic ties is gaining popularity, which makes it urgent to reformat trade relations with regional integration associations. Along with this, the primary integration effect associated with the opening of national markets and the simplification of trade rules, which manifested itself at the first stages of the formation of the customs union and the single economic space (CES), is being exhausted. The volumes of mutual trade of the member states are changing, but its share in the capacity of the common market of the EAEU remains virtually unchanged from year to year. The further growth of trade and economic ties within the EAEU is mainly due to the removal of existing obstacles and the qualitative improvement of the conditions for doing cross-border business. Various negative phenomena distort the integration agenda and substantially neutralize the positive effects of integration. The reasons noted above make the task of a comprehensive study of the economic and geopolitical factors of the integration of member states and new challenges to the integration processes urgent. To develop approaches to strategic planning for the development of the EAEU, adequate assessments of the use of the integration potential of the member states should be made and areas with the most significant reserves for building up integration cooperation should be identified. The full involvement of Armenia and Kyrgyzstan in the orbit of the Eurasian economic integration, as well as severe changes in the external economic situation that have occurred in recent years, require the actualization of possible scenarios for the development of the Eurasian Economic Union and the development of new tactics for the response of the EAEU and the Union member states to newly emerging factors and challenges affecting on integration processes.

Keywords: international economic integration; regionalization; the Eurasian Economic Union; external factors and challenges; integration potential; medium and long term

For citation: Zubenko V.A., Masalimova A.M. Analysis of global economic and political factors and challenges of the Eurasian economic integration. *Mir novoi ekonomiki = The World of the New Economy*. 2020;14(3):34-43. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-34-43

ВВЕДЕНИЕ

Распад СССР вызвал разнонаправленные экономические и политические процессы на постсоветском пространстве. В 1992–1993 гг. 12 стран — участниц СНГ подписали двусторонние соглашения о свободной торговле, которые провозгласили де-юре на всем пространстве СНГ зону свободной торговли. В 2000 г. Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия и Таджикистан дополнительно подписали Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). Участники стремились к созданию единого экономического пространства, которое объединило бы таможенные территории государств на единых принципах регулирования экономик, движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Кроме того, предполагалось обеспечить единую внешнеторговую и согласованную (в той мере и в том объеме, в каких это необходимо для обеспечения равноправной конкуренции и поддержания макроэкономической стабильности) налоговую, денежно-кредитную, валютно-финансовую политику.

Интеграционные процессы и опыт ЕС представляются действительно уникальными, поэтому целесообразно рассмотреть перспективы применения практики управления европейской интеграцией на постсоветском пространстве. Опыт ЕС показывает, что к более глубокой экономической интеграции

государства подходят по мере своего экономического роста и расширения взаимного сотрудничества. Изучение европейской интеграции позволяет обозначить универсальные факторы успешного развития, которые следует учесть при формировании механизмов ЕАЭС:

- последовательность этапов экономической интеграции;
- выделение приоритетных задач;
- платежно-расчетный механизм;
- унификация законодательства;
- равный уровень социально-экономического развития;
- политическая воля, ориентированная на интеграцию;
- либерализация рынка¹.

На сегодняшний день ЕАЭС является международной организацией региональной экономической интеграции, обладающей международной правосубъектностью, которая обеспечивает свободу движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проводит скоординированную, согласованную или единую политику в определенных отраслях экономики.

¹ Доклад «Барьеры, изъятия и ограничения Евразийского экономического союза» — «Белая книга» препятствий Евразийского экономического союза. М.: Евразийская экономическая комиссия; 2017.

ОБЩАЯ ОЦЕНКА ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ (ТЕНДЕНЦИЙ), ОКАЗЫВАЮЩИХ ВЛИЯНИЕ НА ГОСУДАРСТВА – ЧЛЕНЫ ЕАЭС, И ВОЗМОЖНЫЕ МЕРЫ РЕАГИРОВАНИЯ НА НИХ

С целью реализации общеэкономических мер, направленных на повышение конкурентоспособности Союза и государств-членов, решением Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября 2015 г. были утверждены основные направления экономического сотрудничества стран — участниц ЕАЭС. Приоритетными направлениями экономического сотрудничества Союза являются:

- обеспечение макроэкономической устойчивости;
- создание условий для роста деловой активности и инвестиционной привлекательности;
- инновационное развитие и модернизация экономики;
- обеспечение доступности финансовых ресурсов и формирование эффективного финансового рынка Союза;
- инфраструктурное развитие и реализация транзитного потенциала;
- развитие кадрового потенциала;
- ресурсосбережение и повышение энергоэффективности;
- региональное развитие (межрегиональное и приграничное сотрудничество);
- реализация внешнеторгового потенциала.

Экономическую интеграцию необходимо формировать на рыночных условиях, принципах экономической заинтересованности с учетом равенства интересов всех стран. Опыт ЕС свидетельствует о том, что экономическая интеграция успешна, когда странам-участницам удается создать адекватные управленческие механизмы, сформировать идентичную законодательную базу и платежно-расчетный механизм, способствующий наращиванию взаимного и эффективного товарооборота. Гармонизация и сближение национальных законодательств является важным направлением углубления экономической интеграции государств. В европейской интеграции правовые основы сотрудничества опирались на планомерное создание законодательных структур одновременно с процессом углубления интеграции. Созданные структуры по организации управления процессами интеграции обеспечивают равновесие и стабильность функционирования и развития экономической интеграции европейских стран. Оценивая опыт ЕС, мы

видим, что национальные экономики могут эффективно интегрироваться при условии их соразмерности, однотипности, схожести социально-экономической политики и законодательной базы, похожих условий ведения хозяйственной деятельности. Процесс интеграции может успешно развиваться только при условии взаимной заинтересованности каждой страны. Динамическая устойчивость взаимодействия основывается на принципах повышения эффективности экономической политики в контексте активизации инвестиционно-интеграционных процессов. Региональное сотрудничество способно усилить влияние малых стран при формулировании общих интересов. Страны могут получить больше выгод, чем, если бы они действовали самостоятельно.

Несмотря на преимущества евразийской интеграции, которая создает синергетический эффект от использования экономики масштаба, благоприятную внешнюю среду, содействующую структурной перестройке экономики; поддерживает национальные производства и отрасли, а также решает задачи более эффективной торгово-экономической политики, Союз имеет также и недостатки: длительный переход бизнеса на единые правила ведения экономической деятельности, увеличение конкуренции при трудоустройстве, снижение уровня квалифицированной рабочей силы, снижение спроса на низкоквалифицированную рабочую силу, усиление социального неравенства и др.

Подводя итоги начального периода существования ЕАЭС, отметим, что многое удалось сделать в продвижении этого масштабного интеграционного проекта. Главное, с полным основанием можно констатировать, что Союз состоялся как современная международная организация, нацеленная на решение конкретных задач экономического развития стран-участниц. Создание «емкого общего рынка с населением более 182 млн человек», обеспечение «преимущества в управлении интеграционными процессами со стороны наднационального органа Союза — Евразийской экономической комиссии», создание «емкой правовой базы» деятельности ЕАЭС, дальнейшее продвижение интеграции, расширение и углубление сотрудничества Союза, — все это свидетельствует о том, что Евразийский экономический союз как интеграционное образование эффективно противостоит вызовам и угрозам современного мира. Но только с четко выработанной единой стратегией развития и формирования инфраструктуры, совместно противодействуя негативным тенденциям в мировой экономике, преодолевая общие сдержки-

вающие факторы, при устойчивом промышленном развитии и повышении конкурентоспособности национальных экономик можно достичь экономического роста и макроэкономической устойчивости странам-участницам и Союзу в целом².

На основе исследования авторитетных и достоверных источников (Всемирный банк, МВФ, ООН, ЕАБР и др.), занимающихся выявлением и анализом важнейших трендов в глобальной и региональной экономике, были определены важнейшие мировые экономические вызовы (тенденции), оказывающие, либо потенциально способные оказывать влияние на развитие государств — членов ЕАЭС, учет которых необходим при принятии стратегических и тактических управленческих решений на межгосударственном и национальном уровнях.

При составлении перечня важнейших тенденций не учитывались технико-технологические новшества, которые, хотя и весьма значимы для развития экономики, однако, в большей степени касаются отдельных предприятий и отраслей и должны рассматриваться на соответствующем уровне. В качестве примера таких мировых трендов можно назвать использование в промышленности технологии «дополненной реальности», системы машинного зрения для контроля производственных процессов, технологии компьютерного инжиниринга, внедрение аддитивных технологий. В сельском хозяйстве — применение интегрированной системы контроля агропроизводства. В легкой промышленности — создание тканей с задаваемыми характеристиками и т.д.

С учетом названных ограничений и исключений был сформирован перечень мировых экономических вызовов (тенденций), значимых для государств — членов ЕАЭС, а также возможные ответные, либо превентивные меры реагирования на них.

Обобщенный анализ выявленных вызовов (тенденций) позволяет утверждать, что в настоящее время сохраняется неопределенность и неравномерность развития основных стран и регионов. Баланс рисков для роста мировой экономики в целом остается отрицательным, однако влияние волатильности на рынках сырьевых товаров начинает ослабевать по мере адаптации экономик стран мира к новым условиям и сокращения диспропорций в экономиках, а также повышения гибкости в части мер экономической политики.

К главным факторам этого тренда можно отнести изменение качественного и количественного состава участников международной системы в результате ослабления ряда развивающихся стран и общего усиления роли негосударственных участников.

Мировая практика свидетельствует, что основой экономического роста, как на государственном, так и региональном уровне, является инвестиционный рост. Миграция капитала, дополняя международную миграцию товаров и ресурсов, стала неотъемлемой чертой международных экономических отношений и современной мировой экономики. Следствием этого становится активная конкурентная борьба между странами на мировом рынке инвестиционных ресурсов. Кроме того, зарубежные инвестиции содержат значительный потенциал экономических выгод в виде роста занятости населения, более высокой заработной платы и повышения производительности труда.

ОЦЕНКА РИСКОВ И СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ ЕАЭС

На интеграционные процессы стран Евразийского экономического союза влияет множество факторов (барьеров, изъятий, ограничений), препятствующих развитию потенциала ЕАЭС.

Наиболее значимые процессы в текущей экономической ситуации стран ЕАЭС находят отражение в различных международных рейтингах, таких как: «Ведение бизнеса», «Глобальный индекс инноваций», «Индекс вовлеченности стран в международную торговлю», «Суверенный кредитный рейтинг Fitch».

Государства — члены ЕАЭС не стремятся концентрировать свои усилия только на внутреннем рынке и рассматривают внешние рынки в качестве перспективного направления для своих предприятий. В структуре экспорта и импорта во взаимной торговле государств — участников ЕАЭС с третьими странами значительный удельный вес занимают минеральные продукты, в импорте — преимущественно продовольствие и отдельные виды машин и оборудования.

На пространстве ЕАЭС в целом сохраняются интеграционные настроения и намерения продолжить реализацию евразийского интеграционного проекта. Важным фактором для большинства государств-членов остается экономическая целесообразность торгово-экономического сотрудничества и нахождение в общем экономическом пространстве с Российской Федерацией — ключевым партнером, обладающим наибольшим экономическим и политическим потенциалом.

² Евразийский экономический союз в цифрах: Краткий статистический сборник. Евразийская экономическая комиссия. М.; 2018. 206 с.

Дальнейшая унификация и гармонизация законодательств государств — членов ЕАЭС, а также проведение единой и согласованной таможенной, налоговой, промышленной, транспортной, энергетической, агропромышленной, экологической и др. политики будет способствовать свободному перемещению товаров, услуг, капиталов и рабочей силы на внутреннем рынке ЕАЭС, созданию совместных конкурентоспособных, инновационных и наукоемких производств и в целом — повышению инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности национальных экономик.

Воздействие экономической глобализации в борьбе за ресурсы (особенно энергоресурсы — газ, нефть); социальная напряженность между экономически развитыми и развивающимися странами; изменение климата; стремительное и географически неоднородное распространение информации, знаний и др. вынуждают не только отслеживать существующие вызовы, но и оценивать тенденции, обладающие потенциалом для формирования глобальных вызовов.

Заключение соглашений ЕАЭС с третьими странами определенно несет выгоду как Союзу в целом, так и государствам-членам в частности, однако неблагоприятный внешнеэкономический и внешнеполитический фон усложняет развитие торговых отношений с третьими странами. Государства — члены ЕАЭС должны стремиться к объединению производственных потенциалов своих отраслей в кооперационные цепочки с выходом конечной продукции на рынки третьих стран; к формированию общего рынка энергетических товаров (преодолевая ценовую дифференциацию между странами); к противодействию тенденциям сокращения занятого населения в основных секторах экономики; к скоординированному использованию потенциала общего рынка, замещая импорт из третьих стран.

Для минимизации различных групп рисков развития ЕАЭС разработан комплекс мер. Так, для минимизации *экономических рисков* необходимы:

- разработка скоординированной политики по продвижению совместно произведенной продукции, заключение соглашений о Зоне свободной торговли (ЗСТ) с потенциально привлекательными региональными объединениями, взаимодополняющими экономику ЕАЭС;
- проведение многосторонних переговоров о сферах специализации государств-членов на общем рынке, уход от практики создания дублирующих производств в сопредельных областях, раз-

витие взаимовыгодного сотрудничества в части реализации совместных производственных проектов;

- развитие производств обрабатывающей промышленности, направленных на замещение импорта из третьих стран на общем рынке ЕАЭС.

Для минимизации *технологических рисков* требуется:

- актуализация перечня критических технологий и реализация совместных научно-технических программ по ключевым выбранным направлениям;
- разработка институциональных основ и развитие ключевых институтов цифровой экономики, привлечение инвестиций международных компаний, лидирующих в области внедрения цифровых технологий в производственный процесс.

Для минимизации *социальных рисков* необходимы:

- разработка и реализация единой (согласованной) демографической и социальной политики, направленной на стимулирование рождаемости, совершенствование систем здравоохранения в государствах — членах ЕАЭС;
- совершенствование миграционной политики государств — членов ЕАЭС и создание условий для привлечения молодых специалистов из других государств;
- унификация рынков труда и создание единых условий занятости и оплаты труда.

Для минимизации *финансовых рисков* требуются разработка и реализация единой согласованной финансовой политики государств — членов ЕАЭС, направленной на поддержание стабильного курса национальных валют и сглаживание внешних шоков на валютном рынке, сдерживание инфляции, повышение эффективности функционирования субъектов финансового сектора, активизацию развития фондового рынка.

Разрабатываемые сценарии развития в средне- и долгосрочной перспективе опираются на принятые в ЕАЭС и государствах — членах Союза документы стратегического планирования и прогнозы социально-экономического развития. Основные цели и задачи, а также «контрольные точки» евразийской интеграции закреплены в Договоре о Евразийском экономическом союзе, подписанном 29 мая 2014 г. Вместе с тем, поскольку в структуре ЕАЭС доминирующее положение занимает Российская Федерация, разработку сценариев развития ЕАЭС целесообразно осуществлять с существенным учетом долгосрочных планов России.

Ключевыми трендами, которые будут определять мировое экономическое развитие в долгосрочной перспективе, и, следовательно, влиять на сценарии развития ЕАЭС до 2030 г., являются:

- демографические и социальные трансформации;
- изменение природной среды;
- трансформация экономической географии мира;
- переход к новой модели экономического роста на основе знаний;
- формирование парадигмы 4-й промышленной революции (Industry 4.0);
- замедление мировой торговли традиционными товарами и рост торговли виртуальными (цифровыми) товарами;
- среднесрочный прогноз мировой экономики.

Из множества критериев оценки прямых и косвенных эффектов интеграции для ЕАЭС в конечном итоге наиболее важны три главных итоговых критерия:

- рост ВВП каждой из стран-участниц, что, в свою очередь, ведет к росту взаимной торговли;
- повышение благосостояния (рост ВВП по ППС на душу населения каждой из стран-участниц), что способствует поддержке Союза у населения;
- рост доли ЕАЭС и каждой из стран-участниц в мировой экономике, что повышает мировую значимость Союза.

Развитие Союза по *инертному сценарию* не предусматривает значительных трансформаций в факторах формирования роста и существенных изменений в параметрах экономической политики для всех пяти стран Союза. При этом реализуется программа, установленная исключительно Договором о ЕАЭС, с возможными отставаниями от намеченных сроков, частичным сохранением изъятий и ограничений и, возможно, неполным устранением барьеров³.

В долгосрочной перспективе, согласно инертному сценарию, государства — члены ЕАЭС выполняют основные положения договора о ЕАЭС, касающиеся создания единого рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы, к 2025 г.

Прогрессивный сценарий предполагает углубление и выход за рамки обозначенного Договором о Союзе уровня интеграции, общий рост интеграционных

эффектов в результате регулярной стратегически ориентированной работы при неизбежных микро-спадах из-за действия внешних вызовов и истощения в определенные периоды заложенного интеграционного потенциала.

Для прогрессивного сценария характерно формирование условий перехода к новой модели экономического роста государств — членов Союза, основанной на строительстве экономики знаний, что обеспечит устойчивое развитие темпами, опережающими среднемировые, и в итоге приведет к увеличению доли ЕАЭС в мировой экономике. В целом прогрессивный сценарий близок сценарию «собственный центр силы» в Прогнозе ЕАЭС-2030, но с большей конкретизацией окон возможностей с указанием роли ИКТ-технологий, цифровой экономики и других инновационных секторов экономики. Реализация прогрессивного сценария позволит существенно повысить совокупную факторную производительность.

Политические и экономические риски возрастают и в различной степени влияют на развитие государств — членов ЕАЭС. Проявлением данных рисков являются:

- снижение мировых цен на нефть (низкая вероятность наступления);
- снижение объемов денежных переводов (низкая вероятность наступления);
- повышение волатильности потоков капитала (высокая вероятность наступления);
- слабый инвестиционный спрос (высокая вероятность наступления);
- слабый потребительский спрос (высокая вероятность наступления);
- смягчение денежно-кредитной политики (высокая вероятность наступления);
- сохранение геополитической напряженности (средняя вероятность наступления).

Для преодоления возможных рисков при развитии ЕАЭС по инертному сценарию ЕАЭС до 2030 г. необходимы:

- создание условий для роста деловой активности и инвестиционной привлекательности;
- инновационное развитие и модернизация экономики;
- обеспечение доступности финансовых ресурсов и формирование общего финансового рынка Союза;
- макроэкономическая устойчивость;
- инфраструктурное развитие и реализация транзитного потенциала;

³ Статистика внешней и взаимной торговли товарами: электронные таблицы. ЕЭК. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Pages/2017/12.aspx.

- развитие кадрового потенциала;
- ресурсосбережение и повышение энергоэффективности;
- региональное развитие (межрегиональное и приграничное сотрудничество);
- реализация внешнеторгового потенциала.

Первостепенной задачей для государств — членов Союза должно стать укрепление экономического роста и придание ему большей устойчивости не только усилиями монетарной и фискальной политик, но и за счет структурных преобразований экономик, а также повышение взаимной открытости и значимости экономик государств-членов посредством устранения барьеров, минимизации ограничений и изъятий для свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы.

Для увеличения возможностей использования положительного эффекта необходимы политические, административные, экономические, аналитические и образовательные решения.

Несмотря на то что инертный сценарий развития Евразийского экономического союза не предполагает форсированных темпов перехода экономик государств-членов на новый уровень технологического развития, задачи по структурным преобразованиям экономик сохраняют свою актуальность для обеспечения стабильного роста. Причем подход к реализации структурных реформ должен формироваться с учетом межстрановых экономических связей, которые на долгосрочном временном интервале будут укрепляться как результат происходящих глобальных процессов.

Прогрессивный сценарий развития предполагает интенсификацию инновационного сотрудничества государств — членов Союза, направленного на форсированное развитие национальных экономик и формирование единой индустрии высоких технологий ЕАЭС.

При развитии ЕАЭС по прогрессивному сценарию у всех стран-участниц будут сравнительно высокие темпы экономического роста, как в среднесрочном, так и в долгосрочном периоде. Среднегодовые темпы роста составят: в Беларуси и Казахстане — 5,0%, в Армении — 7,5%, в Кыргызстане — выше 8%, в России — 5,1%. Для Российской Федерации полученных темпов экономического роста достаточно для вхождения России в пятерку крупнейших экономик мира.

Основным преимуществом прогрессивного сценария для Армении и особенно Кыргызстана является положительное проявление конвергенции. Так, временное отставание подушевого ВВП двух стран

от среднего значения для ЕАЭС-5 будет сокращаться, что, по нашему мнению, свидетельствует об их сравнительно успешном участии в интеграционных процессах⁴.

Главными сдерживающими факторами реализации прогрессивного сценария развития ЕАЭС являются:

- усиление санкций со стороны Запада в отношении России, что может стать причиной более низких темпов ее экономического роста;
- низкая вероятность достижения высоких темпов роста в Кыргызстане, обусловленная складывающейся в последнее десятилетие сложной внутриполитической ситуацией;
- неясность политической ситуации в Армении, экономическое развитие которой по многим параметрам также снижает вероятность высоких темпов роста.

Для наращивания преимуществ и перспектив прогрессивного сценария предложены следующие рекомендации:

- существенное повышение качества образования в странах ЕАЭС и формирование единого образовательного пространства;
- повышение качества в части трансфера результатов НИОКР в инновации и более быстрое заимствование зарубежных инноваций;
- увеличение нормы инвестиций, в том числе за счет прямых иностранных инвестиций (на уровне 25–28% ВВП);
- обеспечение макроэкономической стабильности;
- эффективное управление госкомпаниями, стимулирование создания евразийских ТНК;
- обеспечение продовольственной безопасности ЕАЭС в целом и наращивание экспорта;
- унификация таможенного законодательства и процедур с их полной цифровизацией, включая вывозные пошлины, и рассмотрение этих вопросов исключительно ЕЭК;
- усиление интеграционных процессов бизнес-союзов стран ЕАЭС и создание общих ассоциаций банкиров, страховщиков, транспортных логистов и т.д.;
- более тесное взаимодействие при выработке принципов и углублении экономического сотрудничества с триадой мировых лидеров: ЕС, Китаем и США;

⁴ Интеграционные исследования. URL: <https://eabr.org/analytics/integration-research>.

- объединение усилий государств — членов ЕАЭС по цифровизации экономик.

Интеграционный потенциал в контексте возможных сценарных подходов к дальнейшему функционированию ЕАЭС требует учета не только макроэкономических, но также институциональных и политических факторов.

Нерешенные задачи и существующие ограничения являются барьерами для дальнейшего развития ЕАЭС. На данном этапе все страны-участницы нацелены на дальнейшее развитие и активное совместное взаимодействие для решения существующих проблем.

Среди основных направлений экономического развития можно выделить «отрасли будущего» ЕАЭС (по инертному сценарию):

- информационно-коммуникационные технологии, включая производство роботов-помощников, свободно передвигающихся и взаимодействующих с людьми; развитие технологий образования;
- биотехнологии, включая пищевые биопродукты, биологические средства защиты растений, биотехнологические продукты сельского хозяйства, аквабиокультуры;
- медицина и здравоохранение, включая развитие систем диагностики; развитие биомедицины; разработку лекарственных средств; развитие регенеративной медицины;
- разработка новых материалов и нанотехнологий;
- рациональное природопользование;
- энергоэффективность и энергосбережение, включая развитие «умных» сетей.

Сферами экономики, регулируемые государством, и сферами с высокой долей компаний с государственным участием для всех стран ЕАЭС определены: производство пищевых продуктов (включая напитки) и табака; добыча полезных ископаемых; производство и распределение электроэнергии, газа и воды; сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство.

Указанные сферы экономики можно разделить на три большие группы:

- сферы экономики, в которых функционируют естественные монополии (производство и распределение электроэнергии, газа и воды);
- сферы экономики, продукция и услуги которых представляют собой социально значимые товары и услуги (производство пищевых продуктов (включая напитки) и табака; сельское хозяйство,

охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыбоводство; товары первой необходимости);

- сферы экономики, характеризующиеся большими масштабами государственной собственности (добыча полезных ископаемых)⁵.

Оценка интеграционного потенциала при развитии Союза по прогрессивному сценарию отличается следующим. В инертном сценарии оценка интеграционного потенциала фактически сравнивает его величину с той ситуацией, при которой потенциал вообще не был бы реализован. В прогрессивном сценарии оценка интеграционного потенциала сравнивает его с ситуацией, при которой не происходит углубления интеграции.

В случае развития прогрессивного сценария ожидается максимальное вовлечение в интеграционный процесс всех возможных заинтересованных сторон, включая государственные и частные компании (корпорации), институты развития из государств — членов ЕАЭС и из третьих стран. Помимо эффективного использования существующих конкурентных преимуществ будет происходить формирование новых компетенций, что позволит государствам — членам ЕАЭС увеличить темпы и качество социально-экономического развития.

Реализация интеграционного потенциала при прогрессивном сценарии подразумевает не только исполнение уже достигнутых и зафиксированных договоренностей между государствами — членами Союза, но также их углубление и расширение.

ВЫВОДЫ

- принципиальное отличие для экономик ЕАЭС инертного и прогрессивного сценария состоит том, что при первом доля ЕАЭС в мировой экономике снизится до 3,2%, а при втором — возрастет до 4,0%;
- анализ двух сценариев позволяет сделать вывод, что только при прогрессивном темпы роста стран ЕАЭС будут выше среднемировых;
- прогрессивный сценарий, требующий значительного увеличения затрат на образование, науку и инновации, даст эффект только к концу периода в виде более высоких темпов роста ВВП (примерно на 1,5%);

⁵ Об итогах внешней и взаимной торговли Евразийского экономического Союза. Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/Forms/AllItems.aspx?RotFolder=%2fru%2fact%2fintegr%5fi%5fmakroec%2fdep%5fstat%2ftradestat%2fanalytics%2fDocuments%2f2017&FolderCTID=0x012000F75E8C7D5944BC41A8E1727AFFAA580.

- рост благосостояния населения (ВВП по ППС на душу населения) в прогрессивном и инертном сценарии существенен. Если при прогрессивном сценарии к 2030 г., например, Россия может сравняться с ЕС на 68% от уровня США, то при инертном будет только 58%. Примерно такое же различие и для остальных стран, за исключением Кыргызстана, который к 2030 г. по обоим сценариям выйдет только на 9% от уровня благосостояния США;

- драйверами роста в прогрессивном сценарии будут цифровая экономика и инновации, а также агропромышленный сектор и транзитный потенциал коридора «Один пояс — один путь»:

- главная угроза реализации обоих сценариев — экспансия китайских товаров, которые, вытесняя национальные, тормозят экономический рост;

- вероятность реализации прогрессивного сценария зависит от способности стран ЕАЭС направить часть таможенных платежей, по примеру ЕС, в общий бюджет для развития инфраструктурных проектов (транзитных, образовательных, инновационных);

- мировая конкурентоспособность ЕАЭС будет зависеть от способности создавать путем консолидации предприятия ТНК, которые будут конкурентны на мировых рынках. В частности, подобную российско-белорусскую ТНК можно создать на базе белорусской нефтехимической промышленности;

- ЕАЭС должен стать мировым лидером на рынках агропродовольствия с высокой добавленной стоимостью;

- опыт белорусского парка высоких технологий следует распространить на ЕАЭС, создав совместный мощный кластер цифровой экономики, — это именно то направление, где ЕАЭС может стать мировым лидером.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО РЕАЛИЗАЦИИ И РАЗВИТИЮ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА ДО 2030 Г.

1. В направлении совершенствования дальнейшего сотрудничества между государствами — членами ЕАЭС целесообразны:

- увеличение объемов и диверсификации несырьевого экспорта;

- оценка экономического потенциала Союза (размер эффекта интеграции) через систему макроэкономических показателей для обеспечения мониторинга реализации мер, направленных на развитие интеграции;

- выработка наиболее значимых действий (определенные «контрольные точки» интеграционного процесса), направленных на реализацию поставленных задач (с учетом выбранного сценария);

- определение направлений, которые, исходя из национальных стратегий, актуальны для всех государств-членов и сотрудничество по которым обеспечит дополнительный интеграционный эффект для национальных экономик и рост их конкурентоспособности;

- определение критериев выбора сфер экономики (отраслей, секторов) с позиции результативности интеграционного сотрудничества;

- развитие наднационального института регулирования межрегиональных и приграничных связей стран — членов ЕАЭС;

- унификация и гармонизация законодательств стран — членов ЕАЭС;

- гармонизация подходов национального законодательства к стратегическому планированию и долгосрочному прогнозированию;

- создание единого механизма снятия технических барьеров и защиты рынка от опасных продуктов;

- разработка единой логистической стратегии стран ЕАЭС;

- разработка мер правового, организационного и технического характера в целях формирования механизма гармонизации уголовной и административной ответственности за нарушения прав на объекты интеллектуальной собственности в государствах — членах Союза, противодействие контролирующих и правоохранительных органов государств — членов Союза незаконному обороту объектов интеллектуальной собственности;

- упрощение процедуры возврата налога на добавленную стоимость;

- разработка «Серой книги ЕАЭС», где будут перечислены непризнанные всеми странами барьеры, ограничения и изъятия;

- создание благоприятной бизнес-среды и условий для привлечения инвестиций (прежде всего из третьих стран);

- формирование информационно-цифровой среды и цифровых предприятий;

- создание Евразийской электронной сети промышленной кооперации и субконтрактации;

- разработка взаимосогласованных мер по интеграции научных потенциалов государств — членов ЕАЭС;

- формирование критериев выделения совместно произведенной продукции;

- введение «евразийского Шенгена» и отмена паспортного контроля на внутренних границах между странами — участницами ЕАЭС;

- формирование общего гуманитарного пространства ЕАЭС через три основных направления: создание общеевразийских СМИ (*телевидение, радио, интернет-ресурсы*) с различными схемами управления — от централизованного до сетевого и грантового; проведение объединенных евразийских спортивных турниров, культурных фестивалей, экспертных площадок, студенческого обмена; поддержка НКО и общественных инициатив через общеевразийские фонды, формируемые взносами стран — участниц ЕАЭС и частных попечителей, и т.д.

2. В целях формирования стратегического видения международной деятельности ЕАЭС до 2030 г. представляется целесообразным:

- разработка Концепции международной деятельности Евразийского экономического союза на среднесрочную и долгосрочную перспективу;

- развитие отношений с государствами — членами Содружества независимых государств, не являющимися членами ЕАЭС;

- создание специализированной площадки для взаимодействия бизнеса ЕАЭС с бизнесом ЕС;

- реализация совместных проектов в области транспортной логистики и участие в развитии международных транзитных коридоров;

- формирование устойчивых преференциальных торговых соглашений с третьими странами;

- заключение соглашений об ассоциации с ЕАЭС применительно к государствам, не являющимся членами ЕАЭС;

- создание зоны свободной торговли (ЗСТ) с охватом определенных сфер.

Для дальнейшего развития интеграции необходимо преодоление негативных факторов, связанных с дефицитом информации, ограничениями конкуренции, техническими барьерами, административными ограничениями, отсутствием единых правил определения страны происхождения товаров, защитой прав интеллектуальной собственности, несовершенством процедур финансового регулирования.

Реализация предложенных направлений экономического развития ЕАЭС будет способствовать увеличению динамики интеграционных эффектов за счет увеличения объемов и диверсификации несырьевого экспорта, снижения зависимости от импорта из третьих стран, эффективного перераспределения национальных ресурсов, высвобождающихся в результате интеграционного сотрудничества.

Масштаб и динамика интеграционных эффектов будут зависеть от глубины интеграционных процессов, амбициозности разрабатываемых и принимаемых интеграционных мер.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вера Андреевна Зубенко — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики экономического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
vzoubenko@yandex.ru

Асем Мухамедрахимовна Масалимова — кандидат экономических наук, консультант, Евразийская экономическая комиссия, Москва, Россия
assem.massalimova@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Vera A. Zubenko — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of World Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
vzoubenko@yandex.ru

Asem M. Masalimova — Cand. Sci. (Econ.), Consultant, Eurasian Economic Commission, Moscow, Russia
assem.massalimova@mail.ru

Статья поступила 03.02.2020; принята к публикации 15.05.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 03.02.2020; accepted for publication on 15.05.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-44-53

УДК 336.7(045)

JEL G21, L86, M15

Риски развития информационных технологий в банковском секторе

Н.Э. Соколинская^а, Л.М. Куприянова^б^{а, б} Финансовый университет, Москва, Россия^а <https://orcid.org/0000-0002-4731-722x>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-9453-6425>

АННОТАЦИЯ

Актуальность статьи обусловлена тем, что параллельно с процессами внедрения инноваций в сфере автоматизации и компьютеризации банковской системы возрастает количество видов банковских рисков, связанных с инновациями в сфере обслуживания клиентов онлайн и составления внутрибанковской отчетности, а также работы информационных систем. В процессе написания статьи были изучены последние законодательные акты Центрального банка России и обобщена практика отдельных кредитных организаций и банковского сектора в области рисков развития информационных технологий. Авторы отмечают, что в целях развития финансовых технологий в условиях цифровой экономики необходимо обсуждать появление новаций, а также рассмотреть возможность дальнейшего анализа имеющихся методических разработок с целью обмена передовым опытом. Построение эффективной системы управления рисками IT-безопасности – не одноразовый проект, важен комплексный процесс, ориентированный на минимизацию внешних и внутренних угроз, и учет ограничений на ресурсы и фактор времени.

Ключевые слова: финансовые технологии; хакерские риски; риски информационной безопасности; методы оценки рисков; организационная и правовая структура управления банковскими рисками; стандарт управления рисками информационной безопасности

Для цитирования: Соколинская Н.Э., Куприянова Л.М. Риски развития информационных технологий в банковском секторе. *Мир новой экономики*. 2020;14(3):44-53. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-44-53

ORIGINAL PAPER

Information Technology Development Risks in the Banking Sector

N.E. Sokolinskaya^а, L.M. Kupriyanova^б^{а, б} Financial University, Moscow, Russia^а <https://orcid.org/0000-0002-4731-722x>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-9453-6425>

ABSTRACT

The relevance of the article is because in parallel with the processes of introduction of innovations in the field of automation and computerization of the banking system, the number of types of banking risks associated with innovations in the field of on-line customer service and internal Bank reporting, as well as information systems. As a result of this article, we have studied the latest legislative acts of the Central Bank of Russia as a mega-regulator and summarized the practice of both individual credit institutions and the banking sector in the field of information technology development risks in the banking sector. To strengthen the development of new financial technologies in the digital economy, it is necessary to regularly discuss the emergence of new phenomena and innovations; to consider the possibility of further analysis of existing methodological developments to exchange best practices of banks. Building an effective IT security risk management system is not a one-time project. Still, a complex process is important, focused on minimizing external and internal threats and taking into account the limitations on resources and time factor.

Keywords: financial technologies; hacker risks; information security risks; risk assessment methods; organizational and legal structure of Bank risk management; a standard of information security risk management

For citation: Sokolinskaya N.E., Kupriyanova L.M. Information technology development risks in the banking sector. *Mir novej ekonomiki = The World of the New Economy*. 2020;14(3):44-53. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-44-53

© Соколинская Н.Э., Куприянова Л.М., 2020

В условиях развития современных информационных технологий важное место занимает интеллектуальная собственность. Поэтому появляются риски, препятствующие распространению инноваций, сопровождающие процесс внедрения результатов интеллектуальной деятельности в жизнь общества.

Банковский сектор является первым после военно-оборонного комплекса страны, внедрившим новые цифровые продукты, технологии, сервисы и информацию. В рамках стратегии инновационного развития и для поддержания конкуренции в банковском секторе кредитные организации регулярно разрабатывают новые инновационные продукты, процессы и технологии, а также совершенствуют уже существующие. Глобализация и интеграция в области интеллектуальной деятельности способствуют развитию и модернизации банковской системы России в целом, что, с одной стороны, отражается на функциональности и расширении возможных перспектив для дальнейшего развития кредитных организаций, а с другой — постоянно требует поисков путей минимизации возникающих рисков информационной безопасности (ИБ) коммерческих банков, связанной с развитием финтех.

ИБ является одним из главных элементов совершенствования финтеха в банках, так как в кредитных организациях содержится много важной информации, в том числе касательно физических и юридических лиц, которая может оказаться у мошенников (хакеров, киберпреступников), что грозит банкам банкротством и потерей клиентов, а в масштабном плане — разрушением финансовой системы внутри страны.

Исследования показывают, что утечка 20% информации, которая является коммерческой тайной,

как правило, приводит к разорению кредитной организации. Поэтому необходимо обеспечивать безопасность хранения данных, а также проводить контроль вероятности утечки информации.

Принципиально важны на этом этапе развития финтеха (особенно в банковской сфере) классификация рисков информационной безопасности, методы оценки рисков информационной безопасности, организационная структура и принципы управления рисками ИБ, правовая основа и внутренние документы по рискам информационной безопасности, а также способы управления рисками и их минимизация.

Рассмотрим эти вопросы подробнее.

1. *Классификация рисков информационной безопасности.* Учитывая, что ежедневно банки осуществляют переводы в больших объемах (около 2 трлн долл.), важно обеспечивать их информационную безопасность. Иначе это может повлечь за собой финансовые потери и навредит имиджу банка (рис. 1).

Результаты исследований показали, что в последнее время потери от киберпреступности значительно увеличились. На рис. 2 и 3 представлены типы атак, примененных злоумышленниками в 2017 г., а также типы событий, связанные с информационной безопасностью, зафиксированные специалистами Positive Technologies в 2017 г.

Активность хакерских и других атак с течением времени продолжает нарастать, хакеры изобретают все новые способы вмешательства в деятельность банков и краж средств с банковских карт и со счетов. Это вызывает обеспокоенность банковского сообщества и повышенную заинтересованность кредитных организаций в увеличении технологий по информационной защите своих данных (рис. 4).

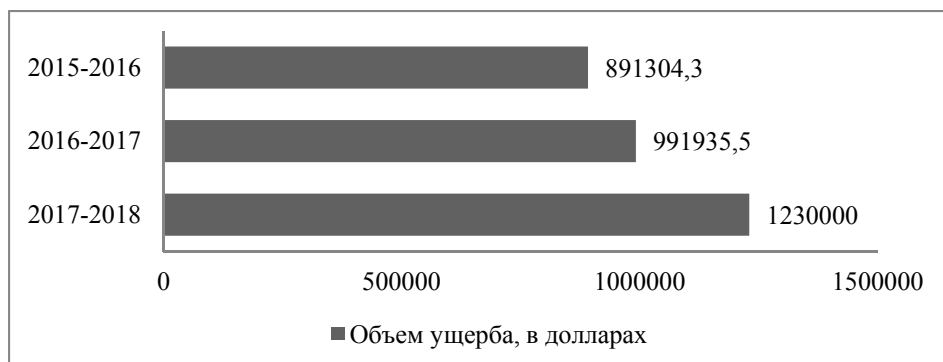

Рис. 1 / Fig. 1. Утечка данных: убытки крупного бизнеса в области информационной безопасности / Data breach: losses of a large business in the field of information security

Источник / Source: URL: <http://www.tadviser.ru/index.php>.

Рис. 2 / Fig. 2. Виды атак в области информационной безопасности / Types of attacks in the field of information security

Источник / Source: URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/>.

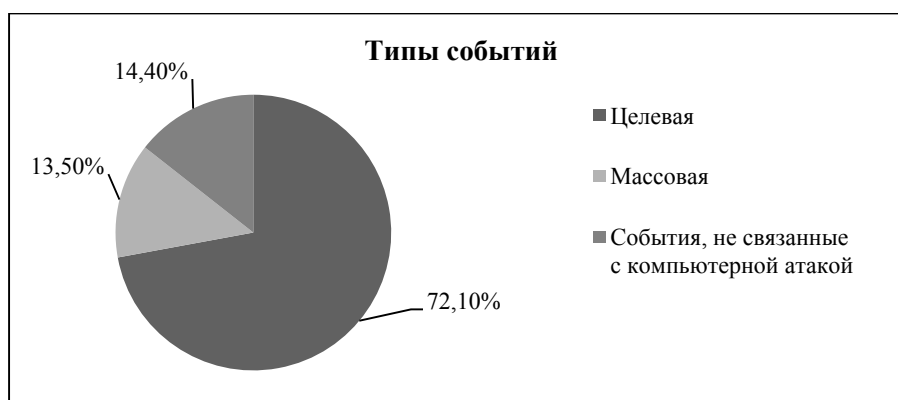

Рис. 3 / Fig. 3. Типы событий, связанные с информационной безопасностью, зафиксированные специалистами Positive Technologies в 2017 г. / Types of events related to information security recorded by Positive Technologies specialists in 2017

Источник / Source: URL: <https://www.ptsecurity.com/ru-ru/>.

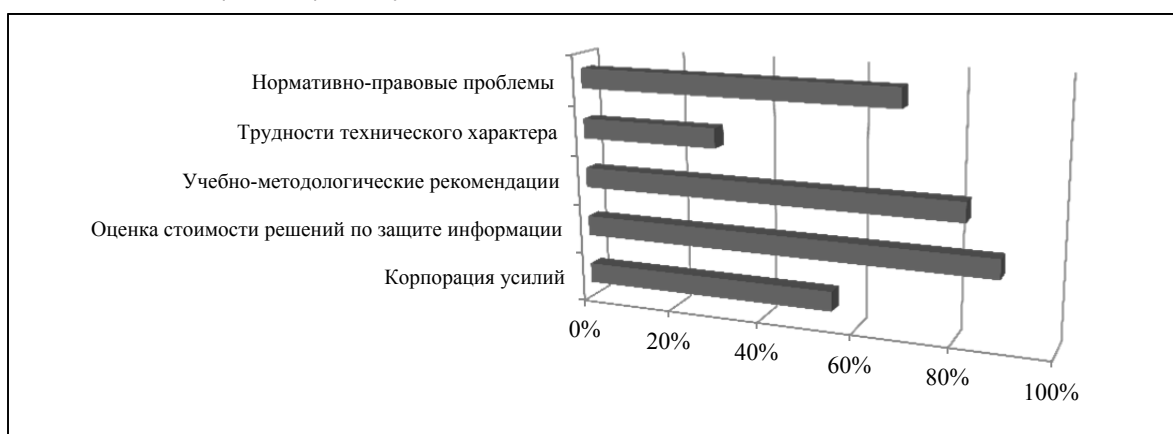

Рис. 4 / Fig. 4. Заинтересованность коммерческих банков (практиков) в решении проблем ИБ (результаты опроса Ассоциации российских банков 200 респондентов) / The interest of commercial banks (practitioners) in solving information security problems (results of a survey of the Association of Russian Banks of 200 respondents)

Источник / Source: URL: <https://arb.ru/banks/analytys>.

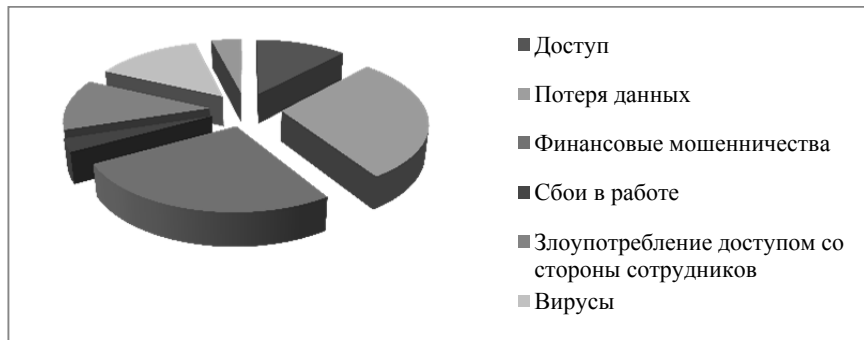

Рис. 5 / Fig. 5. Уязвимость банковских информационных систем в 2016–2017 гг. /
The vulnerability of banking information systems in 2016–2017

Источник / Source: URL: <https://bankir.ru/dom/forum>.

Рис. 6 / Fig. 6. Опрос специалистов по информационной безопасности кредитных организаций за 2017 г. / Survey of information security specialists of credit institutions for 2017

Источник / Source: <http://www.tadviser.ru/index.php>

Для предупреждения или минимизации рисков информационной безопасности необходимо их четко классифицировать в зависимости от различных критериальных признаков. Источниками рисков информационной безопасности являются:

- человеческий фактор;
- неправильный выбор использования интернет-программ и сетей;
- утечка информации различными путями (в том числе и через сотрудников кредитной организации);
- хакерские атаки на банк и его информационные ресурсы;
- несанкционированное отключение сетей;
- нарушения правил пользования информационными ресурсами.

В условиях цифровой экономики потери от рисков информационной безопасности кредитных организаций постоянно растут, а к уже известным их видам (таким как риски утечки информации, недоступности данных, искажения информации, неправильной эксплуатации оборудования) при-

бавляются новые, связанные, например, со скрытым вмешательством в работу информационных систем.

Следует отметить высокую уязвимость банковских информационных систем (рис. 5). Поэтому так важно владеть современными методами оценки и предупреждения рисков информационной безопасности.

В то же время на сегодняшний день нет достаточного количества методик оценки рисков информационной безопасности. Их выбор ограничен, что подтверждается данными опроса 67% кредитных организаций (рис. 6).

Как видно из рис. 6, разброс применяемых в банковском секторе методик оценки рисков информационной безопасности недостаточно велик. Поэтому так важен вопрос о применяемых методах оценки рисков информационной безопасности, которые позволили бы своевременно и качественно принимать необходимые меры по их минимизации.

2. Методы оценки рисков информационной безопасности. Все современные методы оценки рисков

Таблица 1 / Table 1

Условный пример расчета информационных рисков автоматизированной банковской системы / Example of calculating information risks of an automated banking system

№	Показатель: сумма затрат на предупреждение рисков за анализируемый период (у.е.), оценка возможного риска	Балльная оценка возможного риска экспертами по рангу ожидаемого риска или информационных угроз			Итого: сумма ожидаемых потерь (у.е.)
		1	2	3	
1	Риск утечки информации – 800	1	–	–	80
2	Риск недоступности данных – 1000	–	2	–	200
3	Риск искажения информации – 200	–	–	3	60
4	Риск неправильной эксплуатации оборудования – 100	1	–	–	10
5	Риск скрытого вмешательства в работу информационных систем – 700	–	–	3	21
6	Синтетический коэффициент риска – 2800	–	–	–	371

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

информационной безопасности условно можно подразделить на несколько групп (рис. 6):

- экспертные оценки с использованием автоматизированных программных средств (явные или скрытые). Недостатком этого способа является зависимость от квалификации / компетенции эксперта;

- статистика вероятности уязвимости и ущерба. Недостатком является необходимость иметь большой объем статистических данных и невозможность точной оценки данных под влиянием быстроменяющейся обстановки (в отдельных случаях — для отдельных угроз — отсутствие данных);

- аналитический подход, основанный на построении графиков по используемым статистическим и математическим моделям.

Кроме перечисленных методов оценки рисков информационной безопасности при построении методики их оценки следует учитывать возможность *количественной и качественной оценки*:

1) количественная оценка рисков ИБ проводится в ситуациях, когда исследуемые угрозы и риски можно сопоставить с количественными конечными значениями, выраженными в денежном эквиваленте, процентах, определенном времени, человеко-ресурсах и др. [1].

Количественная оценка предусматривает присвоение всем элементам оценки рисков конкретных и реальных количественных значений. Алгоритм оценки и полученных данных должен обеспечивать наглядность и понятность. Объектом оценки может быть ценность актива в денежном выражении, вероятность угрозы, ущерб от реализации угрозы, а также стоимость защитных мер и др. На сегодняшний день четкая методика количественного расчета величин рисков информационной безопасности не разработана. Это связано с отсутствием достаточно объема статистической информации о вероятности реализации какой-либо угрозы в банке, так как информация конфиденциальна и индивидуальна для каждого конкретного банка;

2) качественный метод отличается сложностью получения конкретной оценки объекта из-за неопределенности получаемых показателей. Чаще всего при этом производится балльная оценка выбранных банком для своей индивидуальной методики показателей при обязательном участии экспертов. Качественный метод не использует данные в денежном выражении для объекта оценки. Для сбора данных применяется опрос, интервьюирование, анкетирование, личные встречи. Такой анализ рисков проводится с привлечением сотрудников, имеющих опыт и компетенции в области

рассматриваемой угрозы. При этом используется общий подход к оценке риска, сформулированный Базелем 2 и 3, включающий размер возможных потерь, умноженных на вероятность риска (<http://www.cbr.ru>). При использовании такой методики целесообразно учесть шкалу увеличения показателя риска в разрезе каждого вида информационных рисков для выведения синтетического коэффициента риска (табл. 1).

Далее сумму ожидаемых потерь следует умножить на оценку их вероятности, исходя из подобного ранжирования. Можно сделать это отдельно по каждой угрозе или рассчитать обобщающий показатель с выходом на общую сумму потерь от реализации оцененных информационных рисков.

3. *Организационная структура и принципы управления рисками ИБ.* В условиях цифровой экономики и возрастания рисков информационной банковской деятельности требуется перестройка организационной структуры кредитных организаций. Значит, должно появиться специальное подразделение в банке, которое отвечает непосредственно за оценку и минимизацию рисков. Эта деятельность требует создания и разработки специальной политики, задач, принципов и методик оценки и управления информационными рисками, наличия квалификационных и этических требований к работникам, занимающимся этим видом деятельности. Они должны уметь в каждый момент оценивать уровень незащищенности информационных систем банка и на основании анализа вырабатывать необходимые меры для предупреждения рисков или безболезненной ликвидации их последствий.

Особенностью такой работы по управлению рисками информационной безопасности является то, что она охватывает не только работников специального подразделения в банке, но и весь коллектив — от руководителей, служб внутреннего контроля и аудита до рядовых работников бухгалтерии. Поэтому во внутренних документах кредитной организации, в том числе во всех должностных инструкциях, должны быть отражены обязанности, связанные с информационной безопасностью банка и степень ответственности за ее нарушение. Каждый работник кредитной организации должен опираться на внутренние документы банка по рискам информационной безопасности и имеющуюся правовую базу.

4. *Правовая основа и внутренние документы по рискам информационной безопасности.* На сегодняшний день создана основная правовая основа,

помогающая регулировать риски информационной безопасности (табл. 2).

Из табл. 2 видно, что список существующих на сегодняшний день правовых основ регулирования рисков информационной безопасности нуждается в расширении для опоры кредитных организаций при создании своих собственных внутрибанковских документов и методик.

Как видно из рис. 7, существуют 3 уровня защиты информации, для каждого из которых требование выполняется указанным способом:

«Н» — реализация является необязательной;

«О» — реализация путем применения организационной меры;

«Т» — реализация путем применения технической меры.

После определения необходимого контура применяемой защиты ИБ кредитной организации следует выявить достоинства и недостатки каждого способа управления рисками информационной безопасности.

5. *Способы управления рисками и их минимизация.* Самым известным методом управления рисками информационной безопасности является метод COBIT for Risk. Этот метод основан на утверждении, что риски информационной безопасности являются неотъемлемым составным элементом общей системы банковских рисков. Особенно ярко эта связь проявляется в отношении операционных рисков, поэтому способы и методы управления ими во многом аналогичны уже известным кредитной организации. Однако при этом нельзя забывать про технические моменты их реализации, которым в условиях цифровизации следует уделять особое внимание (рис. 8).

Реализации функции управления рисками базируется на анализе и оценке информационной безопасности в организации по разработанному сценарию. Методология рисков сценария представляет собой описание событий, при возникновении которых возможны неопределенные (позитивные и негативные) воздействия на эффективность деятельности организации. Методологией предусматривается разработка более 100 сценариев, характеризующих определенную степень воздействия к определенному типу рисков — стратегические, проектные, риск-менеджмент и др. (табл. 3).

Практическое применение методологии COBIT for Risk позволяет выделить следующие достоинства (табл. 4) и недостатки (табл. 5).

Таблица 2 / Table 2

**Законодательная база в области регулирования рисков информационной безопасности /
The legal framework in the field of regulation of information security risks**

№	Документы (по убыванию важности)	Содержание
1	Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»	Закон регулирует отношения, связанные с использованием различных видов финансовых информационных технологий, возникающих при информационных рисках и мерах по защите кредитных организаций и их клиентов от технических и информационных сбоев и нарушений, а также от утечки информации
2	Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи»	Закон регулирует отношения, возникающие при: – формировании нормативной и методологической базы для внедрения электронной подписи в системы документооборота властных структур; – предоставлении административных услуг в электронной форме; – создании юридической базы для проведения государственных и муниципальных закупок посредством электронных торгов; – урегулировании электронного банкинга, в том числе по схеме «клиент-банк»; – усовершенствовании процедур подачи электронной отчетности в налоговые и другие контролирующие инстанции
3	Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»	Закон регулирует отношения, возникающие при взаимодействии кредитной организации с клиентами, способные нанести ущерб пользователю из-за утечки его личной информации, которой могут воспользоваться мошенники, владеющие цифровыми технологиями
4	Письмо Банка России от 24.04.2014 № 49-т «О рекомендациях по организации применения средств защиты от вредоносного кода при осуществлении банковской деятельности»	Письмо регулирует отношения, возникающие при применении средств защиты от вредоносного кода. В нем даются рекомендации банкам по повышению компетенций работников для применения средств защиты по направлениям и способам выявления вредоносного кода, методам и способам защиты при применении инновационных финансовых технологий в кредитных организациях
5.	ГОСТ Р 57580.1 – 2017 «Безопасность финансовых (банковских) операций. Защита информации финансовых организаций. Базовый набор организационных и технических мер»	Стандарт регулирует отношения, возникающие при установлении уровня защиты информации (рис. 7)

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

ВЫВОДЫ

Следует отметить, что в связи с развитием информационных технологий растут риски, связанные с их использованием и появляются новые угрозы.

Реализация бессистемных мероприятий, ориентированных на повышение уровня информационной безопасности, сегодня не может обеспечить требуемый уровень защиты. Для понимания приоритетности мероприятий, направленных на повышение уровня информационной безопасности, необходимо разработать и применить механизм управления рисками ИТ-безопасности. Такой эффективный риск-менеджмент позволит сконцентрировать усилия и направить их на защиту банка от опасных угроз с минимальными затратами.

Построение эффективной системы управления рисками ИТ-безопасности — не одноразовый проект, важен комплексный процесс, ориентированный на минимизацию внешних и внутренних угроз, и учет ограничений на ресурсы и фактор времени (https://icc.moscow/upload/doc/ICC_reports_RU.pdf). В этой связи целесообразно использовать метод CRAMM, разработанный Службой безопасности Великобритании (UK Security Service) по заказу британского правительства и признанный государственным стандартом построения системы управления рисками ИТ-безопасности. Система управления рисками как экономически обоснованная стратегия позволит минимизировать внешние и внутренние угрозы, а также издержки и неоправданные расходы.

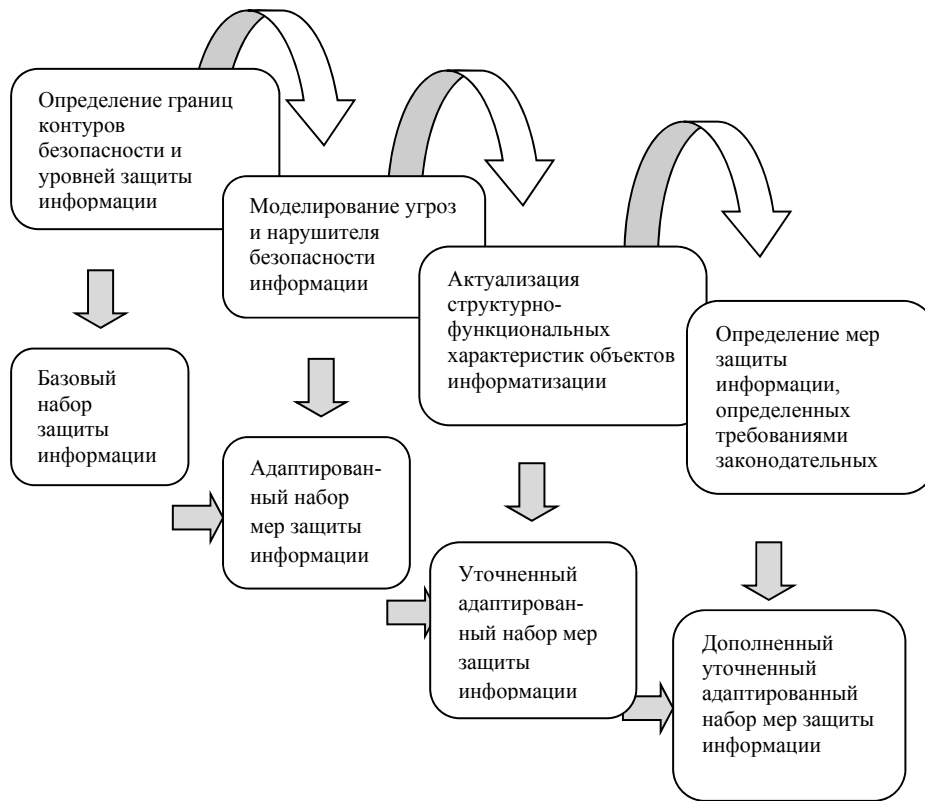

Рис. 7 / Fig. 7. Определение уровня защиты ИБ / Determination of the IS protection level

Источник / Source: [2].

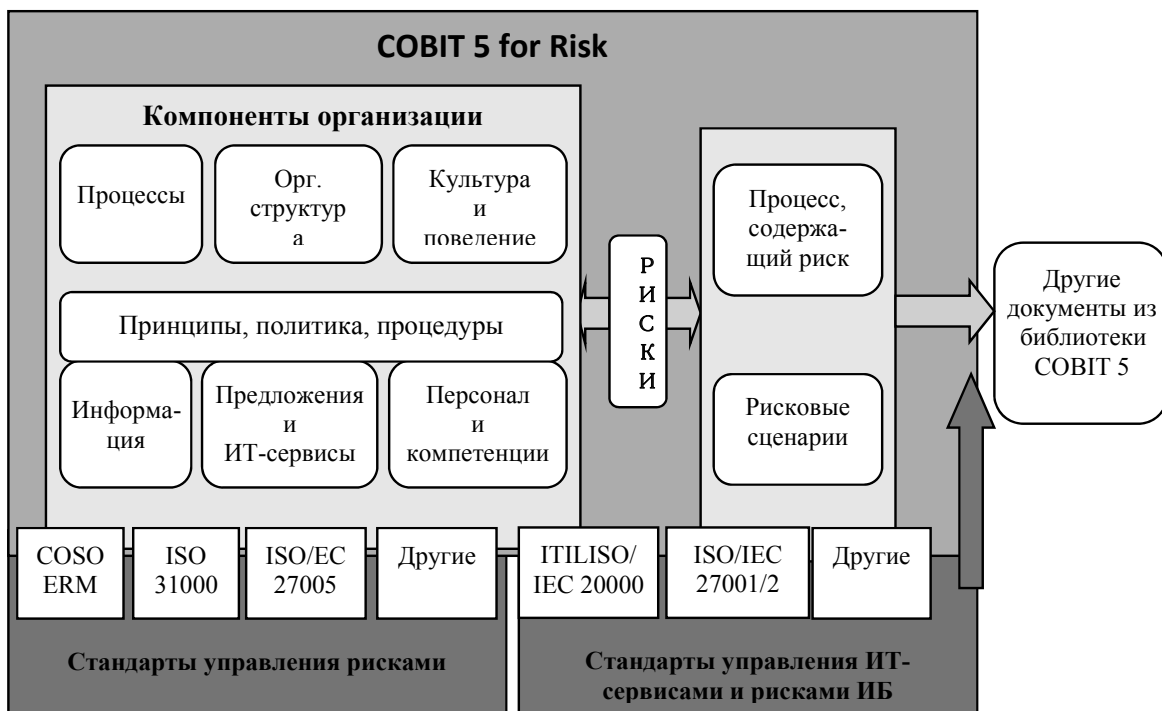

Рис. 8 / Fig. 8. Схематизация рисков по методу COBIT for Risk ИБ / Risk schematization using the COBIT for Risk information security method

Источник / Source: [3].

Таблица 3 / Table 3

Типы рисков и характеристика воздействия / Types of risks and exposure characteristics

Типы рисков	Характеристика воздействия
Стратегические риски	Риски, связанные с упущенной возможностью использования ИИТ-технологий, ориентированных на повышение эффективности деятельности организации
Проектные риски	Риски влияния ИТ-технологий на создание и развитие действующих технологических процессов
Риски управления и предоставления ИТ-сервисов	Риски, связанные с учетом пожеланий клиентов кредитной организации по использованию ИТ-сервисов

Источник / Source: [3].

Таблица 4 / Table 4

Достоинства применения методологии COBIT for Risk / Benefits of using COBIT for Risk methodology

Достоинство	Характеристика
Связана с общей библиотекой COBIT и «ИТ-контроль» (меры по снижению рисков)	Позволяет рассматривать и оценивать риски информационной безопасности и меры по снижению рисков, воздействующие на бизнес-процессы
Признается международными институтами	Метод, по которому накоплены значительные профессиональные компетенции и имеются хорошие результаты
Наличие понятного формализованного описания методологии	Описание методологии сделано просто и доходчиво, что позволяет избежать многих недоразумений, возникающих при ее использовании
Простота требований к специальным знаниям и компетенциям	Анализ и управление рисками становятся понятны исполнителям и не требуют дополнительных компетенций
Снижение трудозатрат	Применяется внутренними и внешними аудиторами, что не требует составления специальных материалов, дополняющих отчетность банка

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Таблица 5 / Table 5

Недостатки применения методологии COBIT for Risk / Disadvantages of using COBIT for Risk methodology

Недостаток	Характеристика
Высокая сложность и трудоемкость сбора исходных данных	Требуется вести большую постоянную базу данных
Вовлеченность большого количества заинтересованных лиц	Затрудняет работу в команде, создает условия для возникновения ошибок и просчетов из-за длительного согласования полученных результатов
Отсутствие возможности оценки рисков в денежном выражении	Делает невозможным своевременную оценку необходимых затрат для минимизации рисков или исправления недочетов и ошибок в информационной системе банка

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зинкевич В., Штатов Д. Информационные риски: количественная оценка. *Бухгалтерия и банки*. 2007;(2):50–53.
2. Соколинская Н.Э. Банковские информационные системы и технологии. М.: Кнорус; 2020.
3. Гамза В.А., Ткачук И.В., Жилкин И.М. Безопасность банковской деятельности. 3-е изд. М.: ЮРАЙТ; 2015.

REFERENCES

1. Zinkevich V., Shtatov D. Information risks: Quantitative assessment. *Bukhgalteriya i banki*. 2007;(2):50–53. (In Russ.).
2. Sokolinskaya N.E. Banking information systems and technologies. Moscow: Knorus; 2020. (In Russ.).
3. Gamza V.A., Tkachuk I.V., Zhilkin I.M. Banking security. 3rd ed. Moscow: URAYT; 2015. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Наталья Эвальдовна Соколинская — кандидат экономических наук, профессор Департамента финансовых рынков и банков, Финансовый университет, Москва, Россия
Nsokolinskaya@fa.ru

Людмила Михайловна Куприянова — кандидат экономических наук, доцент Департамента учета, анализа и аудита, заместитель заведующего кафедрой «Экономика интеллектуальной собственности», Финансовый университет, Москва, Россия
kuprianovalm@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Natalia E. Sokolinskaya — Cand. Sci. (Econ.), Professor, Department of Financial Markets and Banks, Financial University, Moscow, Russia
Nsokolinskaya@fa.ru

Ljudmila M. Kupriyanova — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, Department of Accounting, Analysis and Audit, Deputy Head of “Economics of intellectual property” faculty, Financial University, Moscow, Russia
kuprianovalm@yandex.ru

Статья поступила 25.01.2020; принята к публикации 10.06.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 25.01.2020; accepted for publication on 10.06.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-2-54-63

УДК 336(045)

JEL G24

Текущее состояние инвестиционной деятельности банков в России

О.Ю. Донецкова^а, В.В. Петрушова^б^{а, б} Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия^а <https://orcid.org/0000-0002-7849-4034>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-2057-1199>

АННОТАЦИЯ

Инвестиционная деятельность банков определяется мобилизацией ресурсов на инвестиционные цели и является важным направлением развития экономики страны, что подчеркивает актуальность исследования. Цель статьи – определить инвестиционный потенциал банков и ориентиры их инвестиций. Современное состояние инвестиционного портфеля банков оценивается авторами количественным, сравнительным, структурным и факторным методами. Логика исследования позволила оценить активность банков на рынке ценных бумаг и выявить остро стоящую проблему захвата рынка крупными банками. В итоге не развивается конкуренция с другими банками и увеличивается монополия московских банков. Авторы провели анализ качества инвестиционного портфеля банка посредством оценки объема и структуры привлеченных ресурсов, выявления степени их риска. Системный и комплексный подходы к анализу направлений инвестиционной деятельности банков позволили сделать ряд рекомендаций по ее совершенствованию. Это определяет научную и практическую значимость исследования.

Ключевые слова: банки; инвестиции; долговые и долевыми ценные бумаги; инвестиционная деятельность банков; инвестиционный бизнес; инвестиционный портфель

Для цитирования: Донецкова О.Ю., Петрушова В.В. Текущее состояние инвестиционной деятельности банков в России. *Мир новой экономики*. 2020;14(2):54-63. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-2-54-63

ORIGINAL PAPER

Current State of Investment Activity of Banks in Russia

O. Yu. Donetskova^а, V.V. Petrushova^б^{а, б} Orenburg State University, Orenburg, Russia^а <https://orcid.org/0000-0002-7849-4034>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-2057-1199>

ABSTRACT

The mobilisation of resources determines the investment activity of banks for investment purposes. It is an important direction of development of the country's economy, which emphasises the relevance of the study. The purpose of the article is to determine the investment potential of banks and their investment targets. The current state of the investment portfolio of banks was assessed using quantitative, comparative, structural and factor methods. The logic of the study allowed us to evaluate the activity of banks in the securities market and identify the acute problem of market capture by large banks. As a result, competition with other banks does not develop and the monopoly of Moscow banks increases. The authors analysed the quality of the bank's investment portfolio by evaluating the volume and structure of attracted resources and identifying their risk level. A systematic and comprehensive approach to the analysis of investment activities of banks allowed the authors to make several recommendations for its improvement, which determines the scientific and practical significance of the study.

Keywords: investments; debt securities; equity securities; investment activities of banks

For citation: Donetskova O. Yu., Petrushova V.V. Current State of Investment Activity of Banks in Russia. *Mir novoj ekonomiki = World of the New Economy*. 2020;14(3):54-63. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-54-63

© Донецкова О.Ю., Петрушова В.В., 2020

ВВЕДЕНИЕ

Важнейшим структурным элементом экономической политики страны является инвестиционная деятельность банков. Исследование этой тематики привлекает интерес многих российских и зарубежных экономистов [1–4]. В России под инвестиционной деятельностью банков принято понимать совокупность мер, определяющих объем и структуру инвестирования с учетом приоритетных направлений [5]. Привлекательность инвестиционной деятельности изучали А.В. Кравченко, Е.О. Коллегова [6]. По их мнению, это важный качественный критерий, который нужно учитывать при объективных предпосылках для инвестиций¹. И.С. Самарин подчеркивает важность оценки инвестиционных проектов, поскольку часть проблем инвестирования возникает из-за некачественного выбора и подготовки проектов. Риски проектов снижают возможность использования займов для финансирования инвестиций [8]. Развитие инвестиционного бизнеса рассматривал А.Д. Morrison, который еще более 10 лет назад особое внимание уделял развитию инвестиционного банкинга [7, 9]. Е.М. Попова выявила, что «традиционным способом привлечения ресурсов путем банковского кредитования или в порядке заимствования через выпуск ценных бумаг, появляются новые формы коллективного финансирования, основанные на интернет-технологиях» [10]. Е.А. Помогаева исследует ориентиры инвестиционной деятельности финансовых посредников на рынке ценных бумаг [11]. Перспективы инвестиционной деятельности финансовых посредников ей видятся в корпоративном сегменте рынка ценных бумаг, при этом, по ее мнению, инвестиции в реальный сектор экономики пока не являются основой экономического роста. М.Ю. Головнин очень подробно рассматривает внешние и внутренние факторы, определяющие движение капитала [12]. Л.Н. Красавина, Н.И. Валенцева подчеркивают важность регулирования банками оценки стоимости капитала, инвестируемого в инновационный проект, а также представляют инновационную модель развития финансового рынка [13].

Однако в современных исследованиях авторами не рассматривается вся совокупность проблем инвестиционной деятельности банков, что нарушает принцип системности и постоянности.

Инвестиционный потенциал банков имеет большее значение, так как среди всех игроков финансового

рынка именно банки показывают динамический рост операций с ценными бумагами (рис. 1). Поэтому развитие инвестиционной деятельности банков является актуальной задачей.

По нашему мнению, можно выделить основные мотивы инвестиционной деятельности банков:

1. Приумножение дохода (прибыли) от инвестиционной деятельности обеспечивается за счет роста процентов и дивидендов по ценным бумагам, а также за счет разницы курсовой стоимости ценных бумаг при сделках [12].

2. Стабилизация оптимальной ликвидности банка за счет приобретения высококлассных ценных бумаг.

3. Диверсификация активов и менеджмент рисков через приобретение ценных бумаг с минимальным риском.

4. Контроль и влияние на деятельность эмитента через создание портфеля участия в дочерних и зависимых акционерных обществах.

Отметим, что все мотивы исполняются за счет операций с различными ценными бумагами.

На современном этапе в России актуализируется проблема инвестиционной деятельности банков на рынке ценных бумаг [14]. По-прежнему наблюдается захват рынка крупными московскими банками, что не развивает конкуренцию с другими финансовыми посредниками и увеличивает монополию московских банков. Так, в пятерку лидеров по вложениям в ценные бумаги входят крупные банки страны (рис. 2).

Авторами выявлено, что анализируемые банки являются неизменными лидерами за последние пять лет. При этом отчетливо наблюдается прирост вложений банков в ценные бумаги: Сбербанк (71,71%), Газпромбанк (26,15%), Альфа-Банк (118,94%). ВТБ находится на второй позиции среди банков, однако несколько снизил долю вложений в ценные бумаги (–15,63%). Самым высоким потенциалом для инвестиций в долгосрочные проекты располагают банки с государственным участием (40%, или 910–960 млрд руб.), региональные и федеральные институты развития (13%, или 300–370 млрд руб.), частные банки (5%, или 120–150 млрд руб.) [15].

По данным РБК, в текущем 2020 г. ВТБ совместно с «Дом.РФ» запланировал выпуск ипотечных ценных бумаг (ИЦБ) объемом 300 млрд руб. [16]. Этот крупнейший выпуск на рынке секьюритизации позволит позитивно развивать более емкий и ликвидный рынок ИЦБ [17]. При этом около 70% операций и 50% про-

¹ Инвестиции в 2020 году — на пороге глобального замедления? URL: <https://www.finam.ru/analysis/forecasts/investicii-v-2020-godu-na-poroge-globalnogo-zamedleniya-20191227-135117/>

А) динамика объема операций кредитных организаций за 2017–2019 гг.

Б) прирост объема операций профессиональных участников на рынке ценных бумаг по данным на 01.01.2019

Рис. 1 / Fig. 1. Характеристика отдельных показателей рынка ценных бумаг / Characteristics of individual indicators of the securities market

Источник / Source: URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/sec_st.

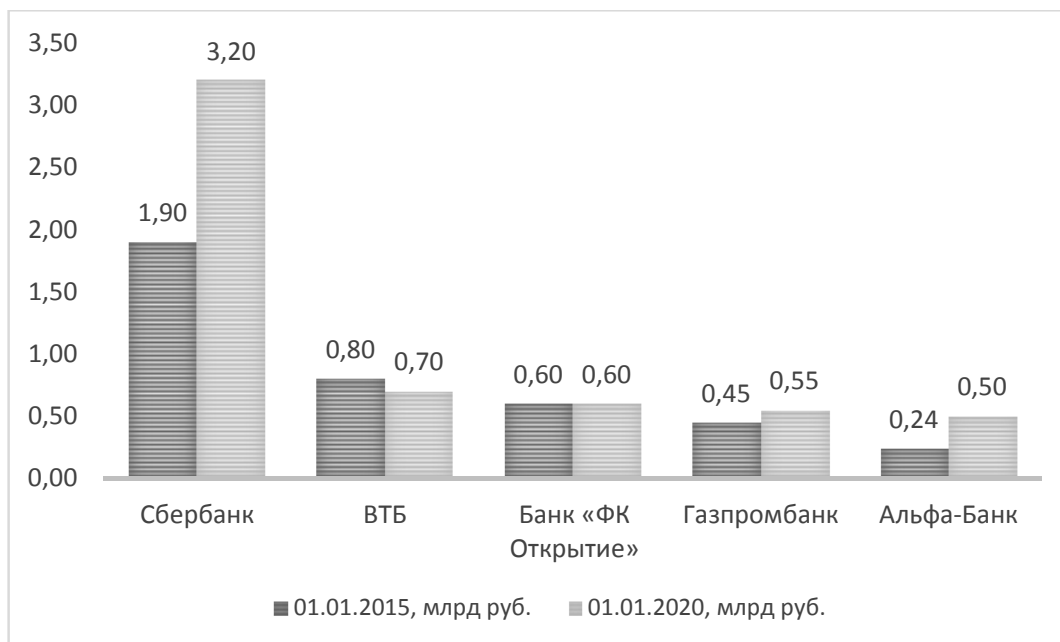

Рис. 2 / Fig. 2. Рейтинг банков по вложениям в ценные бумаги / Rating of banks by investment in securities

Источник / Source: составлено авторами на основании данных ЦБ. URL: <https://analizbankov.ru/rating.php? PokId=4651&DESC=1&months=12&change=percent> / compiled by the authors based on Central Bank data. URL: <https://analizbankov.ru/rating.php? PokId=4651&DESC=1&months=12&change=percent>.

Рис. 3 / Fig. 3. Структура вложений банков в ценные бумаги, % / Structure of banks' investments in securities, %

Источник / Source: составлено авторами на основании данных ЦБ. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_system/4-3-5_17/ / compiled by the authors based on Central Bank data. URL: https://cbr.ru/statistics/bank_system/4-3-5_17/.

даж в 2022 г. банк планирует совершать в цифровых каналах².

С целью определения инвестиционных целей проведем анализ состава и структуры вложений банков в ценные бумаги, а также выявим тенденции банковских инвестиций на текущем этапе. Наглядно динамика структуры вложений банков в ценные бумаги изображена на рис. 3.

На рис. 3 отчетливо видно, что структура вложений банков в ценные бумаги устойчива. Существенная часть инвестиций (более 80%) принадлежит долговым обязательствам, что свидетельствует о мотивации банков обеспечить оптимальную ликвидность.

Проведем более детальный обзор вложений банков в ценные бумаги (рис. 4). Изучение состава и структуры вложений банков в долговые ценные бумаги дает возможность определить их инвестиционные цели³.

Таким образом, осуществляя инвестиционную деятельность, банки диверсифицируют свои активы и минимизируют риски путем вложения в долговые ценные бумаги.

Согласно рис. 4 банки также осуществляют вложения в долевые ценные бумаги (около 4%)⁴. Незначительный объем таких вложений объясняется незаинтересованностью банков в этом направлении инвестиционной деятельности по причине изменчи-

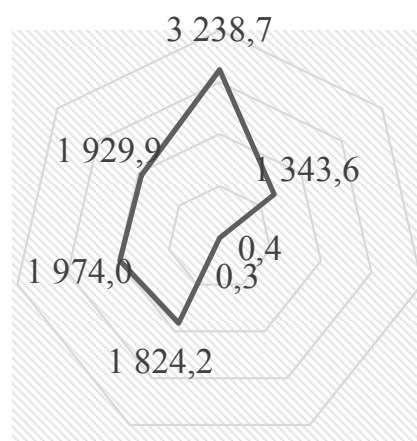

Рис. 4 / Fig. 4. Вложения в долговые ценные бумаги на 01.01.2019, млн руб. / Investments in debt securities as of 01.01.2019, mln rubles

Источник / Source: URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/107372/overview_2019.pdf.

вости рыночной стоимости акций, обращающихся на организованном фондовом рынке.

Стоит отметить, что инвестиционная деятельность банков в долевые ценные бумаги (рис. 5) разнородна по характеру и целям инвестирования.

Повышенный спрос кредитных организаций к спекулятивным инвестиционным операциям наблюдается в стадии экономического роста и стабилизации фондового рынка. В условиях экономической турбулентности банки значительно снижают объем вложений в акции и отказываются от спекулятивных сделок на фондовом рынке. По данным аналитиков, вложения банков в долевые ценные бумаги как направление

² Банковская отрасль — 2020: прогнозы лидеров. URL: <https://pro.rbc.ru/demo/5df216779a794744dec3175c>.

³ Обзор банковского сектора РФ. URL: <https://cbr.ru/publ>.

⁴ О развитии банковского сектора Российской Федерации в январе-апреле 2019 года. URL: <https://cbr.ru/publ/>.

Рис. 5 / Fig. 5. Вложения в долевые ценные бумаги, % / Investments in equity securities, %

Источник / Source: URL: <https://cbr.ru/publ/>.

инвестиционной деятельности достигло минимального значения в кризисном 2014 г. и не имеет возрастающей тенденции до настоящего времени [18]. При этом мотивы инвестиционной деятельности банков слабо сопряжены с потребностями реального сектора экономики. Инвестирование в российские корпоративные ценные бумаги в общем объеме инвестиционного портфеля банков значительно мало и на 01.01.2019 составило всего 2,3% от величины активов банковского сектора.

Иная ситуация наблюдается с вложениями банков в долевые ценные бумаги, переданные без прекращения признания. Наличие в банковских портфелях инвестиций долевых ценных бумаг, переданных без прекращения признания, составляет 5% (см. рис. 5) и свидетельствует о передаче акций в залог по кредитам Банка России. Положительная тенденция роста свидетельствует о необходимости пополнения банками средств ликвидности.

Стоит отметить, что инвестиционная деятельность банков направлена на обслуживание долговых обязательств Правительства РФ или дефицита Федерального бюджета. Кредитные организации используют долговые и долевые ценные бумаги из Ломбардного списка Банка России при кредитовании от Банка России и в сделках РЕПО. Рассмотрим наглядно (рис. 6) долю переоценки вложений кредитных организаций в ценные бумаги и участие в уставных капиталах⁵.

Таким образом, наше исследование позволило определить изменение целевой направленности

инвестиционной деятельности банков из системно значимых активов, обеспечивающих большой объем прибыли, в механизм обеспечения ликвидности, необходимый для реализации других доходных видов банковской деятельности. Спекулятивная инвестиционная деятельность банков снижается, что влечет за собой и сокращение дохода (рис. 7).

Мы видим, что трансформация вложений банков — от корпоративных ценных бумаг в долговые государственные ценные бумаги демонстрирует спад спекулятивной привлекательности фондового рынка страны. Резкое снижение спекулятивных инвестиционных доходов банков отрицательно отражается на банковской прибыли в целом [19].

Кредитные организации вынуждены искать новые эффективные источники и инструменты для обеспечения прибыли, поскольку в текущий период у них наблюдается уменьшение эффективности инвестиций в ценные бумаги, и данная тенденция сохранится в среднесрочной перспективе. По нашему мнению, инвестиции только в ценные бумаги способствуют увеличению рисков для банка. Поэтому банкам необходимо усилить инвестирование в отрасли реального сектора, так как именно он является драйвером развития экономики. Известно, что реальный сектор экономики не лишен рисков, и А.В. Ларионов предлагает группировать отрасли по степени инвестиционной привлекательности, чтобы «наиболее рентабельные отрасли получали инвестиционные ресурсы от частных инвесторов (в том числе банков), а менее привлекательные — от государства» [20]. Экономический рост определяют две составляющие:

- 1) инвестиции в основной капитал;

⁵ О развитии банковского сектора Российской Федерации в январе-апреле 2019 года. URL: <https://cbr.ru/publ/>.

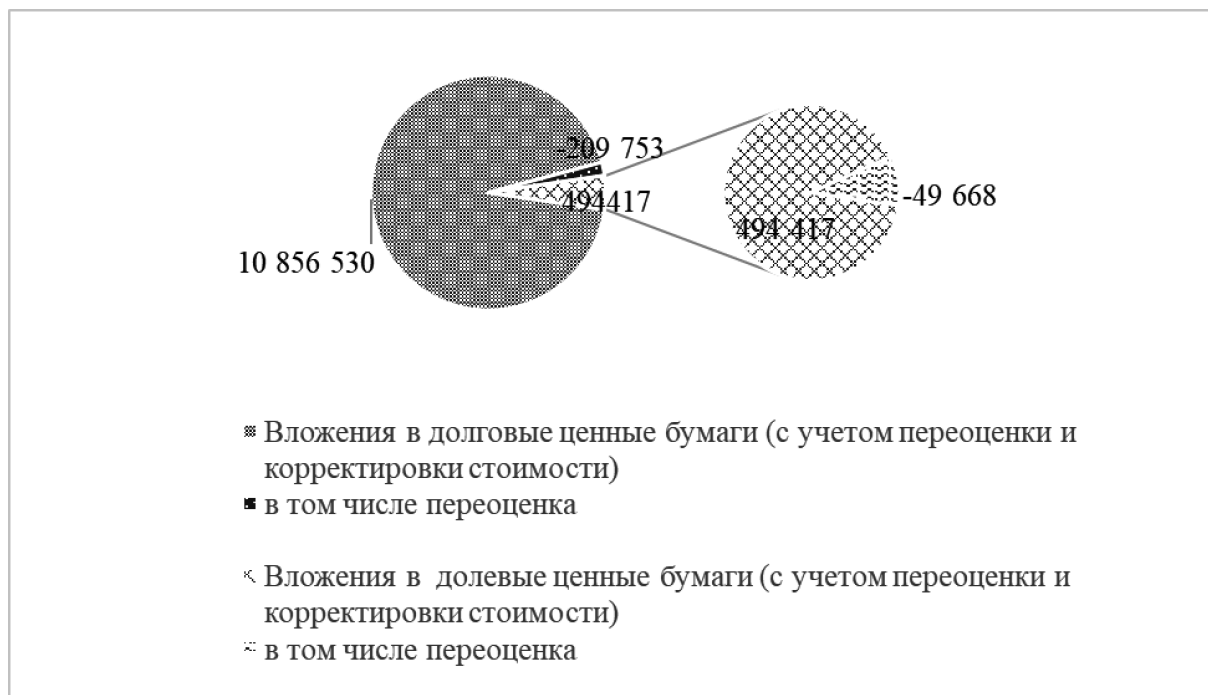

Рис. 6 / Fig. 6. Переоценка вложений кредитных организаций в ценные бумаги и участие в уставных капиталах, тыс. руб. / Revaluation of investments of credit organisations in securities and participation in authorised capital, thousand rubles

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

2) инвестиции в человеческий капитал (образование, здравоохранение, НИОКР, т.е. «экономика знаний»).

Однако в России эти показатели находятся на уровне 17 и 14% соответственно — при таком уровне рост невозможен⁶. Необходимы форсированные вложения в человеческий капитал. Особенно это стало актуальным в период пандемии коронавируса. Главным источником таких инвестиций являются инвестиционные кредиты банков. Однако основная причина недостаточного экономического роста — отсутствие благоприятного инвестиционного климата. Несмотря на то что позиции России в инвестиционных рейтингах улучшаются, это в значительной степени является следствием работы над методикой расчетов и показателей.

Ликвидность банков может свободно перераспределяться с помощью рыночных механизмов, а также посредством реализации государственной политики, связанной с направлением средств в определенные отрасли, где наблюдается нехватка

ресурсов. В перспективе эта схема инвестиционной деятельности позволит оптимизировать ликвидность через аккумулирование банковских ресурсов и средств государства.

Стоит отметить, что в настоящий период, из-за пандемии коронавируса, наблюдается уход иностранных инвесторов из российских активов, что благоприятно отразилось на увеличении доходностей облигаций. Рынок облигаций федерального займа (ОФЗ) показал уверенную стабильность из-за низкого уровня государственного долга (12,3% от ВВП, самый низкий уровень среди стран G20)⁷.

Негативное влияние пандемии на рынок ОФЗ весной 2020 г. было краткосрочным и умеренным, так как даже в условиях нестабильности системно значимые кредитные организации проводили нетто-покупки. Период повышенной волатильности на рынке корпоративных облигаций отмечается в отраслях черной металлургии, горнодобывающей промышленности, строительства и девелопмента. Падение процентных ставок, достаточная ликвидность и активные сделки банков с ценными

⁶ По данным открытой дискуссии АРБ «Инвестиции как драйвер экономического роста» 3 октября 2019 г. в Финансовом университете при Правительстве РФ.

⁷ Обзор финансовой стабильности. Центральный Банк № 1 (16) IV квартал 2019 — I квартал 2020 г.

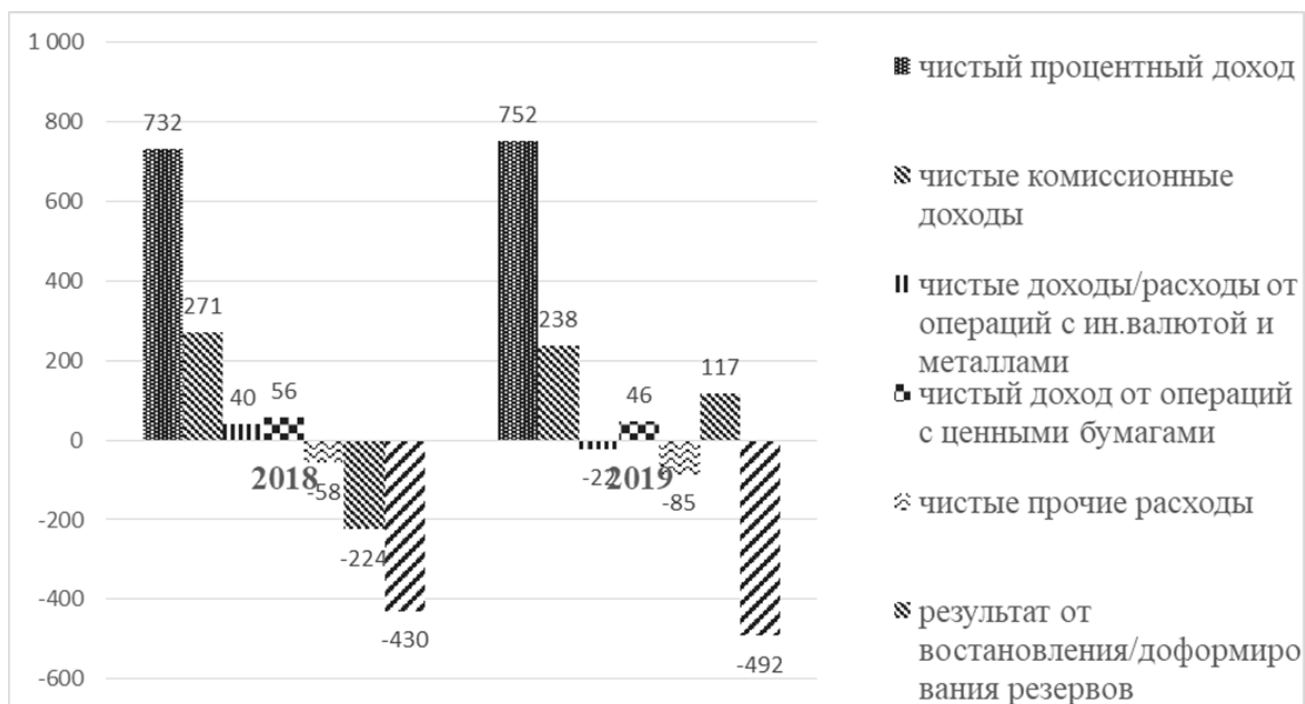

Рис. 7 / Fig. 7. Источники увеличения/снижения прибыли банков / Sources of increase/decrease in bank profits

Источник / Source: URL: <https://cbr.ru/publ/>.

бумагами позволят рефинансировать долги эмитентов в корпоративные облигации. Незначительные инвестиции банков в акции не принесут им значительных убытков из-за падения рыночных котировок. При этом акции могут служить обеспечением по кредитам.

На сегодняшний день, по нашему мнению, неэффективно проявляет себя инструмент налогообложения доходов физических лиц (НДФЛ) по ставке 13% как со спекулятивного дохода, возникающего в случае, когда удастся продать облигации дороже цены покупки, так и с купонного. Очевидно, что большинство крупных вкладов могут быть сняты со счетов в банке, что повлияет на уменьшение ресурсной базы банков и в итоге скажется на снижении инвестиционной возможности банков. Однако при инвестировании в ОФЗ НДФЛ на купонный доход не взимается. В итоге инвестиции в облигации банков и компаний, а также открытие крупных вкладов в банках с точки зрения налогообложения становятся менее выгодными для граждан.

Чтобы успешно работать в постпандемических условиях, банкам нужно действовать уже сейчас — расширять цифровые технологии, проводить видеоконференции. Так, в Китае и Италии уже через месяц после начала эпидемии число потребителей цифровых банковских технологий увеличилось на

20%, и после окончания пандемии ожидается их рост. Целесообразно на современном этапе развивать онлайн-консалтинг, обсуждать финансовые проблемы клиентов, помогать в совершении удаленных (мобильных или интернет) транзакций, рекомендовать эффективные инвестиционные сделки. Банки могут расширить спектр своих услуг: запустить инвестиционные сервисы, консультировать клиентов удаленно, предложить бухгалтерские и налоговые услуги. Банки действуют в соответствии с принципом клиентоориентированности: вводят кредитные каникулы, отменяют штрафы за просрочку для клиентов, пострадавших от коронавируса и т.п.

Это потребует от банков увеличения инвестиций для совершенствования своих цифровых каналов связи.

По мнению авторов, для развития данного направления необходимо решить первоочередные задачи, включающие повышение привлекательности инвестиций в акции и облигации российских предприятий; увеличение роста национального благосостояния и минимизацию рисков. Это позволит банкам сменить ориентир их инвестиционной деятельности. Переход от инвестиций в ценные бумаги к вложениям в отрасли позволит повысить эффективность банковского бизнеса.

ВЫВОДЫ

На основании проведенного исследования инвестиционной деятельности банков были сделаны следующие выводы:

- банки нуждаются в эффективном использовании их огромного инвестиционного потенциала;
- сохраняется тенденция монопольной деятельности крупных московских банков на финансовом рынке в целом, но это ограничивает конкуренцию с другими финансовыми посредниками;
- наблюдается стремительная тенденция освоения цифровых каналов инвестиционной деятельности [21];
- структура вложений банков в ценные бумаги устойчива — с целью поддержания высокого уровня ликвидности и минимизации рисков банки предпочитают инвестировать в долговые обязательства;
- низкая доля долевого ценных бумаг в инвестиционном портфеле банков определена изменчивостью рыночной стоимости акций корпоративных эмитентов, а также различием мотивов банков и потребностями реального сектора экономики;
- инвестиционный банковский бизнес частично сосредоточен на обслуживании долговых обязательств Правительства РФ или покрытии дефицита бюджета страны;
- волатильность финансового рынка повлияла на изменение структуры инвестиционного портфеля: снижение доли вложений в системно значимые активы и рост инструментов обеспечения ликвидности;
- отказ от спекулятивной направленности инвестиционной деятельности отражается на снижении банковской прибыли в целом;
- тенденция снижения эффективности инвестиционной деятельности банков в среднесрочной перспективе требует определения новых ориентиров;
- в период пандемии наиболее устойчивым оказался рынок ОФЗ, волатильность наблюдается на рынке корпоративных облигаций, изменения на рынке акций существенно не повлияли на стабильность банков;

• возникла необходимость расширять цифровые технологии банков, в том числе в сфере инвестиций.

Таким образом, перспективное развитие инвестиционной банковской деятельности будет обеспечено за счет эффективного использования инвестиционного потенциала банков. Укрепление их инвестиционных возможностей реально при условии усиления роли государства в формировании долгосрочных инвестиционных ресурсов, роста доверия к банкам со стороны клиентов, поддержки крупных и системно значимых инвестиционных проектов. На фоне нестабильных внешнеэкономических факторов инвестиционная активность банков снижается. Однако именно в этот момент мы считаем целесообразным сконцентрировать внимание на расширении инвестиций в национальные крупные инфраструктурные и промышленные проекты с участием государства. Определенно верно, что инвестиционная деятельность банков в корпоративном сегменте рынка ценных бумаг имеет перспективы. Пандемия коронавируса может спровоцировать новую волну консолидации инвестиционных банков и развития механизмов синдицированного кредитования в РФ. Именно консолидирование мелких банков позволит сгладить давление турбулентности и позволит активизировать банковскую деятельность. Инвестирование в финансовый сектор во время пандемии не должно носить краткосрочный характер. Долгосрочные инвестиции важно осуществлять в акции компаний, имеющих диверсифицированные инвестиционные портфели. Благоприятный исход кризиса будет зависеть от скорости возобновления производства, в том числе в тех отраслях, которые попали под сильнейшее давление пандемии. Поэтому для снижения фактора неопределенности из-за коронавируса необходимо стимулировать расширение инвестиционной деятельности (в частности — вложения в реальный сектор экономики). Для развития финансового рынка и возобновления экономического роста страны необходимо стимулировать инвестиции в основной капитал, что сопровождается активным внедрением нового оборудования в производственный процесс и расширением финансирования разработок перспективных технологий во всех сферах экономики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Cherkasova V., Ivanova A. Do Political Connections Influence Investment Efficiency in Russian Companies? *Journal of Corporate Finance Research*. 2019;13(2):36–49.
2. Cherkasova V., Teplova O. Research of factors that affect the investment activity of companies. *Journal of Corporate Finance Research*. 2011;5(3):5–18.
3. Кириллова Т.С., Стародубцева К.А., Федосова Е.Ю., Гурьянов Д.А. Проблемы и приоритеты развития науки в XXI в. Сб. науч. статей по мат. межд. научно-практ. конф. В 2 ч. Смоленск; 2017.

4. Egorova N.E., Koroleva E.A., Smulov A.M. Mutual trust as a booster of credit and investment activities of banks and development of small industrial firms. *The journal of social sciences research*; 2018;(3):1–7.
5. Фрост С. Настольная книга банковского аналитика: Деньги, риски и профессиональные приемы. Днепропетровск: Баланс Бизнес Букс; 2006. 627 с.
6. Коллегова Е.О., Кравченко А.В. Оценка влияния инвестиционной привлекательности на развитие предпринимательской активности. *Фундаментальные исследования*. 2016;7(2):378–381.
7. Moshirian F. International investment in financial services. *Journal of banking & finance*; 2001;25(2):317–337.
8. Самарин И.С. Методические рекомендации по использованию методов оценки инвестиционных рейтингов кредитных организаций. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2017/12/85196>.
9. Morrison A.D., Wilhelm W.J. Investment banking: Past, Present and Future. *Journal of Applied Corporate Finance*. 2007;(1):42–54.
10. Попова Е.М. Трансформация инвестиционно-финансового посредничества в условиях цифровизации экономики. Развитие и взаимодействие реального и финансового секторов экономики в условиях цифровой трансформации: материалы Международной научно-практической конференции. Оренбург: ОГУ; 2019.
11. Помогаева Е.А. Ориентиры инвестиционной деятельности финансовых посредников на рынке ценных бумаг. *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2019;(6):88–97.
12. Головнин М.Ю., Оганесян Г.Р. Влияние внешних и внутренних факторов на трансграничные потоки капитала, связанные с Россией. *Мир новой экономики*. 2019;13(4):41–50.
13. Л.Н., Валенцева Н.И. Роль банков на финансовом рынке: мировой опыт и Российская практика. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-bankov-na-finansovom-rynke-mirovoy-opyt-i-rossiyskaya-praktika>.
14. Ахмадеев А.М. Формы инвестиционной деятельности коммерческих банков. *Экономика и управление: научно-практический журнал*. 2018;1(139):56–60.
15. Андрияшин С.А., Бурлачков В.К. Финансовый рынок России: состояние и перспективы. *Банковское дело*. 2016;(2):12–20.
16. Белоусова В., Краюшкина Ж., Манжулин И., Солодков В., Сухов М., Чичканов Н. Текущее состояние и перспективы развития российских банков. *Банковское дело*. 2019;9(307):14–23.
17. Лаврушин О.И., Соколинская Н.Э. Взгляд на трансформацию финансовых рынков и финансовых систем в условиях цифровой экономики. *Банковское дело*. 2019;12(310):58–64.
18. Ларионов А.В. Методологический подход УК оценке инвестиционной привлекательности отрасли для банковского сектора. *Вопросы статистики*. 2019;(12):52–60.
19. Андрияшин С.А. Экспертное заключение на проект документа Банка России «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2020 год и период 2021 и 2022 годов». *Банковское дело*. 2019;10(308):8–17.
20. Болонин А.И. Оздоровление банковской системы России: прибыли и убытки. *Страховое дело*. 2019;(2):3–8.
21. Стрельников В.В. Вызовы банковской деятельности: современная российская специфика. *Финансы и кредит*. 2019;25(10):2322–2340.

REFERENCES

1. Cherkasova V., Ivanova A. Do Political Connections Influence Investment Efficiency in Russian Companies? *Journal of Corporate Finance Research*. 2019;13(2):36–49.
2. Cherkasova V., Teplova O. Research of factors that affect the investment activity of companies. *Journal of Corporate Finance Research*. 2011;5(3):5–18. DOI: 10.17323/j.jcfr.2073–0438.5.3.2011.5–18
3. Kirillova T.S., Starodubtseva K.A., Fedosova E.Y., Guryanov D.A. Problems and priorities of science development in the XXI century. Collection of scientific articles of the international scientific and practical conference. Smolensk; 2017. (In Russ.).
4. Egorova N.E., Koroleva E.A., Smulov A.M. Mutual trust as a booster of credit and investment activities of banks and the development of small industrial firms. *The Journal of Social Sciences Research*; 2018;(3):1–7.
5. Frost S. Desktop book of banking analyst: Money, risks, and professional techniques. Dnepropetrovsk: Balance Business Books; 2006. (In Russ.).
6. Kollegova E.O., Kravchenko A.V. Assessment of the impact of investment attractiveness on the development of the entrepreneurial activity. *Fundamental'nye issledovaniya*. 2016;7–2:378–381. (In Russ.).

7. Moshirian F. International investment in financial services. *Journal of Banking & Finance*. 2001;317–337.
8. Samarin I.S. Methodological recommendations on the use of methods for evaluating investment ratings of credit organisations. Modern scientific research and innovation; 2017. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2017/12/85196> (accessed on 02.02.2020). (In Russ.).
9. Morrison A.D. Investment banking: Past, Present and Future. *Journal of Applied Corporate Finance*. 2007;1:42–54.
10. Popova E.M. Transformation of investment and financial intermediation in the conditions of digitalisation of the economy. Development and interaction of the real and financial sectors of the economy in terms of digital transformation. Materials of the International scientific and practical conference. Orenburg: OSU; 2019. (In Russ.).
11. Pomogaeva E.A. Guidelines for investment activities of financial intermediaries in the securities market. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*. 2019;(6):88–97. (In Russ.).
12. Golovnin M.Y., Ogenesian G.R. External and Internal Factors of Cross-Border Capital Flows in Russia. *The world of the new economy*. 2019;13(4):41–50. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220–6469–2019–13–4–41–50
13. Krasavina L.N., Valencia N.I. The role of banks in the financial market: world experience and Russian practice. *Finansy i kredit*. 2006;8(212). (In Russ.).
14. A.M. Forms of investment activity of commercial banks. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal*. 2018;1(139):56–60. (In Russ.).
15. Andryushin S.A., Burlachkov V.K. Financial market of Russia: State and prospects. *Bankovskoe delo*. 2016;(2):12–20. (In Russ.).
16. Belousova V., Krayushkina Zh., Manzhulin I., Solodkov V., Sukhov M., Chichkanov N. Current state and prospects of development of Russian banks. *Bankovskoe delo*. 2019;9(307):14–23. (In Russ.).
17. Lavrushin O.I., Sokolinskaya N.Z. View on the transformation of financial markets and financial systems in the digital economy. *Bankovskoe delo*. 2019;12(310):58–64. (In Russ.).
18. Larionov A.V. Methodological approach to assessing the investment attractiveness of the industry for the banking sector. *Voprosy statistiki*. 2019;12:52–60. (In Russ.).
19. Andriushin S.A. Expert opinion on the draft document of the Bank of Russia “Main directions of the unified state monetary policy for 2020 and the period 2021 and 2022”. *Bankovskoe delo*. 2019;10(308):8–17. (In Russ.).
20. Bolonin A.I. Improving the banking system of Russia: profits and losses. *Strakhovoe delo*. 2019;(2):3–8. (In Russ.).
21. Strelnikov V.V. Challenges of banking activity: Modern Russian specifics. *Finansy i kredit*. 2019;25(10):2322–2340. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ольга Юрьевна Донецкова — кандидат экономических наук, доцент кафедры банковского дела и страхования, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия
olja-ja-77@mail.ru

Виктория Владимировна Петрушова — магистр (Банковский менеджмент), Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия
lisa_dv@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Olga Yu. Donetskova — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of banking and insurance, Orenburg State University, Orenburg, Russia
olja-ja-77@mail.ru

Victoria V. Petrushova — MA (Econ.), Orenburg State University, Orenburg, Russia
lisa_dv@mail.ru

Статья поступила 03.03.2020; принята к публикации 20.03.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 03.03.2020; accepted for publication on 20.03.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-64-74

УДК 338.24(045)

JEL J60

Повышение эффективности распределения денежных потоков в рамках системы социального страхования

Г.Л. Подвойский^а, А.В. Ларионов^б^а Институт экономики РАН, Москва, Россия;^б Институт экономической политики и проблем экономической безопасности; Финансовый университет, Москва, Россия^а <https://orcid.org/0000-0002-8698-7496>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-7062-1716>

АННОТАЦИЯ

Представленное исследование раскрывает основные направления развития системы социального страхования в России. Актуальность работы связана с современными вызовами, возникшими в связи с пандемией COVID-19, демонстрирующей решающую роль социальных программ в обеспечении устойчивого развития стран. Авторы изучают основные факторы, влияющие на формирование и распределение денежных средств в рамках системы социального страхования. Международный опыт показывает, что перспективное направление для социального страхования – развитие частного страхования, дополняющего государственную систему. Исследование раскрывает основные структурные элементы, которые должны быть сформулированы в стратегии развития системы социального страхования в России.

Ключевые слова: социальное страхование; социальные риски; страховые компании; экономический рост; поведение; денежные потоки

Для цитирования: Подвойский Г.Л., Ларионов А.В. Повышение эффективности распределения денежных потоков в рамках системы социального страхования. *Мир новой экономики*. 2020;14(3):64-74. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-64-74

ORIGINAL PAPER

Improving the Efficiency of Cash Flow Distribution Within the Social Insurance System

G.L. Podvoiskiy^а, A.V. Larionov^б^а Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;^б Financial University, Moscow, Russia^а <https://orcid.org/0000-0002-8698-7496>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-7062-1716>

ABSTRACT

The presented research reveals the main directions of development of the social insurance system in Russia. The relevance of the study is caused by the modern challenges that have arisen in connection with the COVID-19 pandemic, demonstrating the crucial role of social programs in ensuring the sustainability of countries. The subject of the research is the main factors affecting the development of the social insurance system. International experience shows that the development of private social insurance is a promising direction for the development of social insurance. The research reveals the main structural elements that should be formulated in the strategy for the development of the social insurance system in Russia.

Keywords: social insurance; social risks; insurance companies; economic growth; behaviour; cash flows

For citation: Podvoiskiy G.L., Larionov A.V. Improving the efficiency of cash flow distribution within the social insurance system. *Mir novoi ekonomiki = The World of the New Economy*. 2020;14(3):64-74. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-64-74

© Подвойский Г.Л., Ларионов А.В., 2020

ВВЕДЕНИЕ

Важность развития института социального страхования подтвердилась в условиях наступления пандемии COVID-19. Возросшая нагрузка на фонды социального страхования требует повышения эффективности всей системы, цель которой — поддержание надлежащего качества жизни населения. Ключевыми проблемами систем социального страхования являются недостаток финансирования и низкая эффективность использования денежных средств [1]. Важный индикатор состояния системы социального страхования — уровень удовлетворенности потребителей услуг, зависящий во многом от применяемого механизма распределения денежных потоков.

Развитие системы социального страхования требует применения инструментов стратегического планирования, и в частности разработки стратегии развития социального страхования. Указанная стратегия должна определить цели системы социального страхования, выделить перспективные направления, оценить требуемые ресурсы, права и обязанности заинтересованных сторон. Разработку стратегии необходимо осуществлять в том числе с учетом опыта применения социального страхования в период пандемии COVID-19. Социальное страхование является системой, направленной на ослабление негативного влияния социальных рисков, возникающих в период трудовой деятельности [1]. Социальный риск связан с потерей дохода, невозможностью обеспечить требуемое качество жизни. В задачи государства входит обеспечение устойчивости системы, организация взаимодействия между основными заинтересованными сторонами.

В Российской Федерации функционирует государственная и частная системы социального страхования. Применение государственного социального страхования позволяет обеспечить исполнение ст. 7 Конституции Российской Федерации, устанавливающей статус социального государства. Граждане России имеют право также получить услуги частного социального страхования, однако такая практика развита недостаточно. Последнее в большей степени связано с низким уровнем доверия к страховщикам со стороны граждан, а также с высокой стоимостью страховых услуг [2]. Для развития систем социального страхования необходимо внедрить новые методологические подходы, позволяющие решить проблемы, связанные с формированием и распределением денежных средств, в рамках системы социального страхования.

Представленное исследование включает несколько основных разделов. В первой части представлен литературный обзор, раскрывающий основные направления исследований в сфере социального страхования. Во второй рассматриваются основные ограничения, связанные с формированием и распределением денежных потоков в рамках социального страхования. В третьей представлены основные рекомендации по формированию отдельных элементов стратегии, описывающей основные элементы развития системы социального страхования. Результаты исследования могут быть использованы на практике Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации в части развития подходов социального страхования.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Можно выделить следующие основные направления, изучающие особенности развития систем социального страхования: формулировка целей социального страхования, факторы эффективности системы социального страхования, определение оптимального размера страховых взносов, перспективные направления развития систем социального страхования (табл. 1).

Формулировка целей социального страхования. При осуществлении социального страхования происходит перераспределение денежных потоков от одних слоев населения к другим. Косвенным эффектом от применения эффективной системы социального страхования является создание условий для устойчивого экономического развития, так как граждане с низким уровнем дохода склонны потреблять товары отечественного производства. Исследователи отмечают, что для того чтобы социальное страхование было эффективным, размер страховки должен покрывать расходы работника и членов его семьи [3]. Также одной из целей системы социального страхования должно являться стимулирование личной заинтересованности работника в развитии институтов социального страхования за счет повышения роли и предоставления возможности активного участия в указанной системе [4].

Факторы эффективности системы социального страхования. К ключевым факторам эффективности социального страхования относятся состояние экономики, демографическая ситуация, уровень развития теневого сектора [5]. Существенным фактором является форма собственности фондов социального страхования, осуществляющих выплаты. Эффективность деятельности фондов во

Таблица 1 / Table 1

**Основные направления исследований в сфере социального страхования /
Main research areas in the field of social insurance**

Направление	Характеристика
Формулировка целей социального страхования	Для развития системы социального страхования необходимо четко определить основные цели. В частности, исследователи выдвигают предположение, что страховые выплаты должны покрывать потребности всех членов семьи работника
Факторы эффективности системы социального страхования	Данное направление изучает основные факторы, влияющие на устойчивость системы социального страхования. К таким факторам относятся экономическая ситуация, демографическое состояние, уровень развития трудовых отношений и т.д.
Определение оптимального размера страховых взносов	Данное направление изучает вопрос, какие категории заинтересованных сторон должны платить взносы в систему социального страхования и в какой пропорции. Решение данного вопроса во много зависит от особенностей развития конкретной страны
Перспективные направления развития систем социального страхования	Данное направление рассматривают возможности повышения объема формируемых страховых фондов, а также развитие механизмов их распределения. Повышение результативности зависит во многом от развития механизмов предупреждения наступления страховых случаев

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

многим определяется степенью их открытости, подотчетности гражданам. Помимо макроэкономических и институциональных факторов, на состояние социального страхования оказывает воздействие размер заработной платы. В ситуации высокой неравномерности получаемых доходов сложно создать необходимый объем средств, достаточный для исполнения обязательств по социальному страхованию [6]. Указанная проблема усиливается из-за повышения гибкости трудовых отношений (развития прекаризации) [7]. Постоянная занятость является обязательным условием для устойчивости системы социального страхования. Отсутствие постоянной занятости снижает возможности формирования фондов социального страхования [8]. Одним из решений данной проблемы является повышение доли формальной занятости, а также минимального уровня заработной платы.

Определение оптимального размера страховых взносов. При определении оптимального размера страховых взносов необходимо учитывать потребности граждан. Существующие размеры выплат могут не учитывать индивидуальные потребности гражданина, в частности связанные с удовлетворением образовательных и культурных потребностей [9]. Социальное страхование тесно связано с размерами прожиточного минимума и минимальной оплаты труда. В случае некорректного установле-

ния пороговых значений для показателей оценки происходит увеличение уровня бедности. Помимо определения размера страховых взносов, а также ответственных сторон, вносящих взносы, важным аспектом является открытость формируемых денежных потоков [10]. Граждане должны иметь возможность оценить размер потенциальных пособий в случае наступления страхового случая.

Перспективные направления развития систем социального страхования. Данный класс исследований раскрывает возможные направления повышения эффективности и результативности системы социального страхования. К примеру, в Великобритании повышается активность частных организаций, создающих системы корпоративных социальных пенсий (также существуют государственные пенсии). Перспективность направления развития системы социального страхования связана со снижением объема потенциальных потребителей. В частности, в сфере обязательного медицинского страхования необходимо создавать условия для предотвращения заболеваний, с тем чтобы избегать затрат на их лечение [11]. В контексте обеспечения трудовых доходов необходимо внедрять различные механизмы, позволяющие повысить устойчивость организаций [12]. Отсутствие наступления страховых случаев будет приводить к снижению нагрузки на систему социального страхования из-за уменьшения количества потребителей.

В конечном счете необходимо отметить, что вопросы социального страхования являются значимыми в разных странах. Устойчивость системы возможно обеспечить за счет повышения эффективности формирования фондов социального страхования, а также их распределения между потенциальными потребителями. Пандемия COVID-19 продемонстрировала возросшую потребность во внедрении новых методологических подходов к развитию систем социального страхования.

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕХАНИЗМОВ ФОРМИРОВАНИЯ И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ДЕНЕЖНЫХ ПОТОКОВ В РАМКАХ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ

Формирование денежных потоков в рамках социального страхования может осуществляться всеми заинтересованными сторонами: государством, работниками и работодателями. Для формирования достаточного объема денежных средств в рамках социального страхования работник должен иметь постоянную работу и высокую заработную плату. Необходимо отметить, что заработная плата должна быть постоянной и не формироваться с помощью нерегулярных крупных выплат. Каждый из указанных параметров имеет значительный уровень дифференциации в зависимости от региона России. Соответственно, для обеспечения устойчивости системы социального страхования государство должно реализовывать мероприятия, позволяющие обеспечить выполнение описанных выше условий.

Формирование денежных потоков возможно посредством применения услуг частного социального страхования, однако подобная схема требует достаточного уровня объема доходов. Потребитель распределяет доход непропорционально между потреблением и сбережением [13]. Страхование от возможных рисков не является обязательным условием, в связи с чем увеличение спроса на услуги частного социального страхования требует увеличения доходов населения.

Основной проблемой для развития частного социального страхования в России выступает ограничение в доходах населения (*табл. 2*). Люди с доходом ниже прожиточного минимума не имеют финансовой возможности потреблять услуги частного социального страхования. Доля таких людей составляла в 2019 г. 12,3%. В этой связи, в будущем, возможно, у государства сохранится решающая роль

в формировании фондов социального страхования в России.

Необходимо отметить, что еще одним ограничением для развития частного социального страхования является устойчивость страховых компаний. В частности, в России в настоящий период времени наблюдается значительное сокращение количества страховых организаций [14]. При применении услуг частного социального страхования государство должно гарантировать сохранность средств, перечисленных в указанные фонды, с тем, чтобы повысить полезность от их применения [15].

С учетом низкого уровня заработной платы основной вклад в систему социальной защиты должны вносить работодатели, рассматривая указанные затраты в качестве дополнительных издержек при использовании ресурса — труда. В настоящий период времени в составе структуры расходов организаций затраты на социальную защиту являются второй по значимости категорией издержек, связанных с привлечением работников (*табл. 3*).

Государство должно создавать условия для компаний, повышающих затраты на страховую защиту посредством внедрения различных стимулирующих механизмов в части снижения уплаты налогов, уменьшения уровня административной нагрузки и т.д. В России доля расходов на социальную защиту в 2017 г. выросла, по сравнению с 2009 г., однако она значительно ниже уровня 2000 г. В свою очередь, директивное увеличение объема нагрузки на работодателей может привести к переложению возрастающих издержек на работников. Необходимо создавать условия для повышения уровня заработной платы с одновременным увеличением объема выплат в фонды социального страхования. Формирование денежных средств в фондах социального страхования определяется также уровнем развития внутренней служебной культуры. Работодатели, создающие условия для социальной защиты работников, демонстрируют, что им не безразличен их социальный статус. Последнее стимулирует работников качественно выполнять свою работу [16].

В конечном счете формирование средств в рамках социального страхования определяется государственной политикой за счет определения сфер деятельности, покрываемых социальным страхованием. К примеру, в Венгрии в систему социального страхования входит пенсионное обеспечение, медицинское страхование, страхование на случай

Таблица 2 / Table 2

**Количество населения с уровнем дохода ниже прожиточного минимума, % /
Number of people with an income level below the subsistence level, %**

Год	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Численность населения с денежным доходом ниже прожиточного минимума, млн чел.	25,4	17,7	17,9	15,4	15,5	16,3	19,6	19,4	18,9	18,4	18,1
Доля населения с денежным доходом ниже прожиточного минимума, %	17,8	12,5	12,7	10,7	10,8	11,3	13,4	13,2	12,9	12,6	12,3

Источник / Source: составлено авторами на основе данных Росстата / compiled by the authors based on Rosstat data.

Таблица 3 / Table 3

Распределение затрат организации на рабочую силу, % / Distribution of the organization's labour costs, %

Год	Заработная плата	Расходы по обеспечению работников жильем	Расходы на социальную защиту	Расходы на профессиональное обучение	Расходы на культурно-бытовое обслуживание	Прочие расходы
1995	60,5	4,6	28,3	0,3	3,3	3
2000	65,8	0,7	29,4	0,3	1,1	2,7
2005	76,6	0,4	19,6	0,3	0,7	2,4
2009	78,1	0,3	18,4	0,3	0,4	2,5
2017	75	0,1	22,1	0,3	0,3	2,2

Источник / Source: составлено авторами на основе данных Росстата / compiled by the authors based on Rosstat data.

безработицы, семейное страхование и страхование для оказания социальной помощи¹. Финансирование каждого направления осуществляется индивидуально. В частности, в рамках медицинского страхования предусмотрена возможность одновременного финансирования со стороны работников и работодателей. В то же самое время, пенсионное страхование может финансироваться за счет обязательного страхования, формируемого на основе выплат в течение всей жизни, и добровольного страхования. При применении добровольного страхования необходимо развитие практик надзора за фондами. В частности, в Венгрии надзор за фондами осуществляет Центральный банк Венгрии. В финансировании социального страхования в Венг-

рии также применяются средства государственных бюджетов.

Таким образом, в механизме формирования фондов социального страхования могут применяться различные подходы и практики взаимодействия, в зависимости от сферы. В то же время, прямое воздействие на процесс формирования доступных фондов оказывает заработная плата и экономическое развитие страны.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДЕНЕЖНЫХ ПОТОКОВ В РАМКАХ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ

Согласно положениям Федерального закона от 16.07.1999 № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования», обязательное социальное страхование является элементом социальной защиты населения, предполагающей страхование

¹ Информация взята с сайта Европейской комиссии. URL: <https://ec.europa.eu/>.

Таблица 4 / Table 4

Категории ущерба для физических лиц / Categories of damage in the case of individuals

Категории ущерба	Определение
Допустимый ущерб физическому лицу	Ущерб, вследствие которого не происходит снижения уровня жизни
Недопустимый ущерб физическому лицу	Ущерб, снижающий уровень жизни менее приемлемого уровня
Критический ущерб физическому лицу	Ущерб, снижающий уровень жизни менее критического уровня
Катастрофический ущерб физическому лицу	Ущерб, вследствие которого происходит утрата дееспособности физического лица или его смерть

Источник / Source: составлено авторами на основе ГОСТ Р 22.10.01–2001 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Оценка ущерба. Термины и определения» / compiled by the authors based on GOST R 22.10.01–2001 “Safety in emergencies. Damage assessment. Terms and definitions”.

работающих граждан от изменений материального или социального положения. Компенсация ущерба происходит в случае наступления пенсионного возраста, инвалидности, беременности и т.д. Распределение денежных средств в рамках социального страхования должно быть направлено на уменьшение потенциального ущерба, связанного с невозможностью осуществления человеком трудовой деятельности.

На основе определений, изложенных в ГОСТ Р 22.10.01–2001 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Оценка ущерба. Термины и определения», можно выделить несколько категорий ущерба: допустимый ущерб, недопустимый ущерб, критический ущерб, катастрофический ущерб (табл. 4).

Механизмы распределения в рамках социального страхования должны создавать условия для поддержания требуемого качества жизни. Под качеством жизни понимается «совокупность свойств или характеристик жизни человека, относящихся к их способности удовлетворять его существующие и предполагаемые потребности»². Социальное страхование должно быть направлено не на недопущение снижения качества жизни гражданина ниже критического уровня. Одним из показателей результативности системы социального страхования является доля населения с доходом ниже прожиточного минимума³. Институты социального страхования должны контролировать недопущение критического снижения доходов населения. Для этого, в том числе,

необходимо учитывать потребности всех членов семьи гражданина в совокупности.

Распределение денежных средств, накопленных в системе социального страхования, зависит, в том числе, от осведомленности граждан о возможностях при использовании системы социального страхования. В России по некоторым направлениям был продемонстрирован недостаточный уровень осведомленности граждан. В частности, согласно опросу Всероссийского центра изучения общественного мнения, большая часть респондентов на вопрос о знании прав, предусмотренных Федеральным законом от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации», ответили, что они имеют лишь общее представление о системе обязательного медицинского страхования (табл. 5).

Часть опрошенных, которые никогда не пользовались ОМС, вообще ничего не знают о своих правах. В этой связи перспективным направлением является повышение уровня осведомленности граждан. В конечном счете повысить эффективность распределения денежных потоков можно посредством создания индивидуальных продуктов социального страхования, предоставляемых посредством адресной поддержки [17].

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПОДГОТОВКЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ В РОССИИ

Формализация и проведение государственной политики в области социального страхования должны осуществляться посредством принятия стратегии развития системы социального страхования.

² ГОСТ Р 22.10.01–2001 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Оценка ущерба. Термины и определения».

³ Guide to key performance indicators, PwC, 2007.

Таблица 5 / Table 5

Ответы на вопрос ВЦИОМ о знании прав по обязательному медицинскому страхованию на 2015 г., % /
Answers to VCIOM's questionnaire about knowledge of the rights to compulsory health insurance for 2015, %

Ответы	Все опрошенные	Пользовались полисом ОМС	Не пользовались полисом ОМС
Знаю свои права хорошо	15	16	10
Имею общее представление без каких-либо подробностей	54	56	50
Ничего не знаю о своих правах	29	26	35
Отказ от ответа	2	2	5

Источник / Source: Russian Public Opinion Research Center (JSC VCIOM). URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115326>.

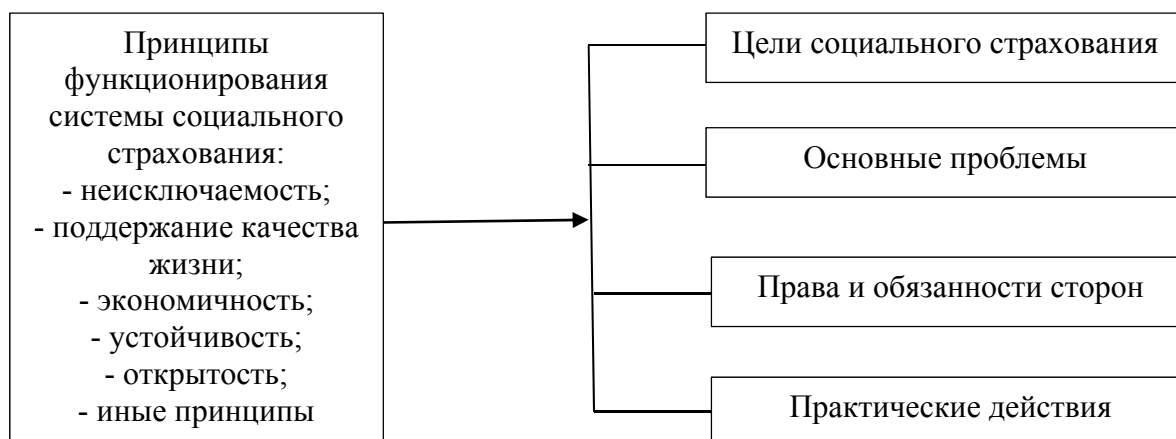

Рис. / Fig. Основные элементы стратегии развития системы социального страхования /
Main elements of the social insurance system development strategy

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Указанная стратегия должна включать несколько основных элементов:

- раскрытие принципов функционирования элементов системы социального страхования, позволяющих принять решение об уровне их эффективности;
- определение целей системы социального страхования, прав и обязанностей работодателей, работников и государства;
- описание применения механизмов, позволяющих достичь целей, установленных в рамках социального страхования (см. рисунок).

Элементы стратегии социального страхования могут быть расширены в зависимости от установленных потребностей. В частности, необходимо включить раздел, описывающий показатели эф-

фективности реализации стратегии социального страхования.

Принципы функционирования системы социального страхования выступают базовыми качественными характеристиками, позволяющими оценить эффективность элементов стратегии⁴. Оценка элементов стратегии и практических действий на предмет соответствия принципам позволяет повысить результативность реализации стратегии. Основой для формирования принципов может являться Федеральный закон от 03.10.2018 № 349-ФЗ

⁴ Enterprise Risk Management — Integrated Framework / Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission (COSO). 2014. URL: <http://ehss.moe.gov.ir/getattachment/2b57139a-e934-4f59-84f9-c9b46e385241>.

«О ратификации Конвенции о минимальных нормах социального обеспечения (Конвенции № 102)». На основании ратифицированных положений Конвенции можно установить границы социального страхования, которые должны предусматривать обеспечение доступности лечебных мер, установление обязательных выплат при наступлении болезни, выплат по старости и т.д. Помимо этого, система социального страхования должна характеризоваться следующими принципами:

- *неисключаемости* — застрахованные граждане должны иметь доступ к услугам социального страхования;
- *обеспечения качества жизни* — должен быть обеспечен достаточный размер покрытия для сохранения требуемого уровня жизни;
- *эффективности* — необходимость эффективного и результативного использования средств, накопленных в фондах социального страхования;
- *устойчивости* — доступность денежных средств на протяжении всей жизни гражданина;
- *открытости* — доступность информации о средствах и возможностях социального страхования.

Также в стратегии социального страхования должны быть определены базовые принципы, формулировка которых зависит от уровня развития государственного и частного социального страхования. Для государственного страхования будет характерен принцип солидарности, предполагающий формирование равных страховых взносов и выплат в пользу конкретного субъекта, для которого наступил страховой случай. При развитии частного страхования будут применяться принципы эквивалентного и субсидиарного страхования. Особое развитие получит субсидиарная модель, предполагающая выплату заранее определенной суммы при наступлении страхового случая. Правильный выбор принципов развития систем социального страхования определит дальнейшее развитие всей системы.

Цели системы социального страхования должны формулироваться с позиции достижения требуемого качества жизни граждан. Для этого страховое покрытие должно учитывать не только потребности застрахованного лица, но и потребности членов его семьи. Объем предоставляемых средств тесно связан с размером прожиточного минимума.

Основные проблемы системы социального страхования должны также быть систематизированы с тем, чтобы под каждое направление был

сформирован набор действий, реализация которых позволит повысить эффективность и результативность системы социального страхования в России.

Права и обязанности заинтересованных сторон должны определить практики взаимодействия между основными заинтересованными сторонами: государством, работниками, а также работодателями. Работодатели должны поощряться за повышение социальной защищенности своих сотрудников путем снижения административной нагрузки, предоставления налоговых льгот и т.д. В свою очередь, работники также должны иметь возможность защищать свои права. В частности, чтобы не увеличивать издержки, работодатели могут сознательно снижать уровень заработной платы, что негативно сказывается на уровне отчислений в фонды социального страхования. Для нейтрализации указанной ситуации государство должно стимулировать развитие профсоюзов.

Развитие социального страхования напрямую связано с деятельностью государства, которое должно создать условия для эффективного формирования и распределения денежных средств. Необходимо рассмотреть возможность усиления государственной политики по одновременному развитию институтов частного и государственного социального страхования. Подобная практика, в частности, существует в Германии, когда гражданин имеет право самостоятельно принять решение о приобретении типа страховки после достижения определенного уровня дохода. В Германии около 85% жителей активно используют государственное социальное страхование⁵. В то же время частное социальное страхование обладает рядом преимуществ, связанных с расчетом индивидуальных страховых пакетов [18]. Затраты на оплату расходов по социальному страхованию распределяются между работниками и работодателями. Ограничение по доходам позволяет гарантировать гражданам получение поддержки через систему обязательного социального страхования.

В Германии, помимо развития институтов социального страхования, также активно применяется система надзорных мер за организациями социального страхования. Надзорные функции выполняет Федеральное страховое управление Германии. Применяется риск-ориентированный надзор, позволяющий контролировать институты, демонстрирующие наибольший риск.

⁵ Fact Sheet Social security system in Germany, 14–15.

Практические действия для реализации стратегии социального страхования могут предусматривать конкретные механизмы, позволяющие облегчить процесс взаимодействия заинтересованных сторон в рамках социального страхования. В частности, существует потребность в создании отдельной государственной цифровой платформы, нацеленной на предоставление максимально полной информации о размере накоплений граждан. Внедрение информационных технологий позволит сократить объем административных издержек, связанных с взаимодействием в рамках социального страхования [19]. Работник и работодатель должны понимать, как расходуются средства, предоставленные ими при социальном страховании. За счет этого может повыситься заинтересованность в увеличении объемов средств, направляемых в фонды социального страхования. Перспективным направлением выступает также развитие инвестирования собираемых страховых средств. Очевидно, что часть страховых средств не используется, соответственно, с учетом наличия гарантий государства, указанные средства могут направляться на инвестирование.

Необходимо повысить эффективность расходования средств в рамках социального страхования. В частности, в 2018 г. государственные внебюджетные фонды потратили около 11 трлн руб., что сопоставимо с затратами федерального бюджета (16,7 трлн руб.) [20]. Значительная часть внебюджетных фондов формируется благодаря использованию денежных средств федерального бюджета. В результате в системе не применяются основные принципы социального страхования. Граждане не имеют возможности самостоятельного управлять средствами, передаваемыми при уплате взносов на социальное страхование, и, в частности, не могут внести дополнительные денежные средства на основе двусторонних соглашений между ними и внебюджетными государственными фондами [20].

Развитие институтов, обеспечивающих выполнение функций в рамках социального страхования

(к примеру, медицинских учреждений), предполагает повышение качества услуг, оказываемых в рамках обязательного социального страхования. Для России значительную актуальность будет иметь развитие обязательного социального страхования, так как оно позволяет снизить негативное воздействие от поведенческого фактора, связанного с нежеланием людей платить за страховку для компенсации возможных потерь в будущем. Актуальность развития системы обязательного социального страхования в России также подтверждается текущей нагрузкой, связанной с пандемией COVID-19.

ВЫВОДЫ

Представленное исследование раскрывает концептуальные основы развития системы социального страхования в России. Рассмотрение указанного аспекта возможно с позиции двух основных направлений: формирования и распределения денежных потоков в социальном страховании. При формировании фондов социального страхования ключевым ограничением выступает уровень заработной платы. Увеличение заработной платы позволит повысить вовлеченность работника и работодателя в процесс формирования фондов социального страхования. Часть неиспользуемых денежных средств должна применяться в инвестировании с тем, чтобы повысить объем доступных денежных средств. В свою очередь, государство должно выполнять функции гаранта сохранности денежных средств, сформированных в рамках социального страхования.

При распределении денежных средств необходимо гарантировать сохранение требуемого качества жизни граждан. Для этого надо учитывать, в том числе, потребности членов семьи работника. Эффективность распределения средств можно повысить за счет увеличения уровня открытости процессов финансирования социального страхования путем создания специализированной государственной цифровой платформы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Роик В.Д. Социальное страхование в меняющемся мире. СПб.: Питер; 2014. 352 с.
2. Сплетунов Ю.А. Отношение граждан России к страховым услугам: аналитический обзор. *Финансовый журнал*. 2019;(1):66–75.
3. Семенов И.В. Социальное страхование: сущность, виды. *Социально-политические науки*. 2014;(1):53–58.
4. Задаянчук О.М., Гареева И.А. Социальное страхование в России: место в социальной политике и пути развития. *Ученые записки ТОГУ*. 2018;(1):491–496.
5. Узденова, Ф.Э. Проблемы реформирования системы обязательного социального страхования. *Молодой ученый*. 2018;(21):402–405.

6. Мигранова Л. А., Роик В. Д. Заработная плата и социальное страхование. *Народонаселение*. 2019;(2):64–77.
7. Druck G. The Social Precarisation of Labour in Brazil. *Journal für Entwicklungspolitik*. 2014:46–68.
8. Роик В. Д. Меняющийся мир труда и будущее социального страхования. *Научные исследования экономического факультета*. 2013;(2):25–31.
9. Роик В. Д. Минимальная заработная плата — геном социально-трудовых отношений. *Социально-трудовые исследования*. 2019;(3): 55–62.
10. Роик В. Д. Социальный бюджет России: от патерналистской к страховой парадигме. *Народонаселение*. 2017;(1):4–13.
11. Новгородова А. В. Здоровье и трудоспособность в координатах качества жизни населения. М.: Экон-Информ; 2016. 138 с.
12. Betz F., Oprică S., Peltonen T., Sarlin P. Predicting distress in European banks. *Journal of Banking & Finance*. 2014;(45):225–241.
13. Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money. London: Macmillan; 2007.
14. Ларионов А. В., Салина Е. С. Мониторинг рисков деятельности страховых компаний Банком России на основе финансовых показателей. *Страховое дело*. 2019;(7):28–32.
15. Microeconomic Theory / Andreu Mas-Colell, Michael D. Whinston and Jerry R. Green. Oxford University Press; 1995. 1008 p.
16. Valizadeh A., Ghahremani J. The relationship between organizational culture and quality of working life of employees. *European Journal of Experimental Biology*. 2012;(2):1722–1727.
17. Овчарова Л. Н. Развитие адресной социальной поддержки нуждающихся в России: барьеры и возможности. *Вопросы экономики*. 2017;(3):5–21.
18. Grunow M. Public and Private Health Insurance in Germany: The Ignored Risk Selection Problem. *Health Economics*. 2014;(23):670–687.
19. Klimenko A. V. Russian Governance Changes and Performance. *Chinese Political Science Review*. 2017;(2):22–39.
20. Синявская О. В., Ворон О. В. Политика активного долголетия и пенсионные реформы. Российский и международный опыт. М.: ИД Высшей школы экономики; 2020.

REFERENCES

1. Roik V.D. Social insurance in a changing world. St. Petersburg: Peter; 2014. 352 p. (In Russ.).
2. Platonov Y.A. Attitude of Russian citizens towards insurance services: an analytical review. *Finansovyi zhurnal*. 2019;(1):66–75. (In Russ.).
3. Semenov I.V. Social insurance: essence, types. *Sotsial'no-politicheskie nauki*. 2014;(1):53–58. (In Russ.).
4. Zadayanchuk O.M., Gareeva I.A. Social insurance in Russia: place in social policy and ways of development. *Uchenye zapiski TOGU*. 2018;(1):491–496. (In Russ.).
5. Uzdenova F.E. Problems of reforming the mandatory social insurance system. *Molodoy ucheny*. 2018;(21):402–405. (In Russ.).
6. Migranova L.A., Roik V.D. Wages and social insurance. *Narodonaselenie*. 2019;(2):64–77. (In Russ.).
7. Druck G. The Social Precarisation of Labour in Brazil. *Journal für Entwicklungspolitik*. 2014:46–68.
8. Roik V. D. the Changing world of labour and the future of social insurance. *Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta*. 2013;(2):25–31. (In Russ.).
9. Roik V. D. Minimum wage-the genome of social and labour relations. *Sotsial' no-trudovye issledovaniya*. 2019;(3):55–62. (In Russ.).
10. Roik V.D. Social budget of Russia: from paternalistic to insurance paradigm. *Narodonaselenie*. 2017;(1):4–13. (In Russ.).
11. Novgorodova A. V. Health and working capacity in the coordinates of the quality of life of the population. Moscow: Econ-inform; 2016. (In Russ.).
12. Betz F., Oprică S., Peltonen T., Sarlin P. Predicting distress in European banks. *Journal of Banking & Finance*. 2014;(45):225–241.
13. Keynes John Maynard. The General Theory of Employment, Interest and Money. London: Macmillan; 2007.

14. Larionov A. V., Salina E. S. Monitoring of risks of insurance companies by the Bank of Russia based on financial indicators. *Strakhovoe delo*. 2019;(7):28–32. (In Russ.).
15. Microeconomic Theory. Andreu Mas-Colell, Michael D. Whinston and Jerry R. Green, (Eds). Oxford University Press; 1995.
16. Valizadeh A., Ghahremani J. The relationship between organizational culture and quality of working life of employees. *European Journal of Experimental Biology*. 2012;(2):1722–1727.
17. Ovcharova L.N. Development of targeted social support for those in need in Russia: barriers and opportunities. *Voprosy ekonomiki*. 2017;(3):5–21. (In Russ.).
18. Grunow M. Public and Private Health Insurance in Germany: The Ignored Risk Selection Problem. *Health Economics*. 2014;(23):670–687.
19. Klimenko A. V. Russian Governance Changes and Performance. *Chinese Political Science Review*. 2017;(2):22–39.
20. Sinyavskaya O. V., Raven O. V. Policy of active longevity and pension reforms. Russian and international experience. Moscow: Higher School of Economics; 2020. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Глеб Львович Подвойский — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра проблем занятости и трудовых отношений, Институт экономики РАН, Москва, Россия
glpodvoyskiy@fa.ru

Александр Витальевич Ларионов — кандидат наук о государственном и муниципальном управлении, ведущий научный сотрудник Центра стратегического прогнозирования и планирования, Институт экономической политики и проблем экономической безопасности; Финансовый университет, Москва, Россия
alarionov@hse.ru

ABOUT THE AUTHORS

Gleb L. Podvoysky — Cand. Sci. (Econ.), Leading researcher at the Centre for Employment and Labour Relations, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
glpodvoyskiy@fa.ru

Alexander V. Larionov — Cand. Sci. (Management), Leading researcher at the Centre for Strategic Forecasting and Planning, Institute of Economic Policy and Economic Security Problems, Financial University, Moscow, Russia
alarionov@hse.ru

Статья поступила 20.12.2019; принята к публикации 15.03.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 20.12.2019; accepted for publication on 15.03.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-75-82
УДК 33(045)
JEL O10

Актуальные проблемы устойчивого развития и их решение в России

Е.Ю. Кочемасова

Информационно-аналитический центр «Наука» РАН, Москва, Россия
<http://orcid.org/0000-0002-4732-9298>

АННОТАЦИЯ

В постиндустриальный период, начавшийся в развитых странах в 1970–1980-х гг., процессы глобализации, конкуренции на мировых рынках вышли на первый план. В результате интенсивного развития промышленности и роста внутреннего потребления многие страны в значительной степени исчерпали хозяйственную емкость своих территорий и испытывают дефицит сырьевых ресурсов. Последние 60 лет мировые страны-лидеры реализуют социо-эколого-экономическую модель общественного развития, что позволяет им рационально использовать финансовые, трудовые и природные ресурсы. Переход России к устойчивому развитию может придать дополнительный импульс социально-экономическому развитию страны, обеспечить прорывное научно-технологическое развитие, повысить конкурентоспособность национальной экономики, создать дополнительные возможности для более эффективной реализации документов стратегического планирования и национальных проектов.

Ключевые слова: устойчивое развитие; стратегическое планирование; экологическое развитие; социально-экономическое развитие; национальный проект

Для цитирования: Кочемасова Е.Ю. Актуальные проблемы устойчивого развития и их решение в России. *Мир новой экономики*. 2020;14(3):75-82. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-75-82

ORIGINAL PAPER

Actual Problems of Sustainable Development and their Solution in Russia

E. Yu. Kochemasova

Information and Analytical Center “Nauka” of RAS, Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0002-4732-9298>

ABSTRACT

In the post-industrial period, which began in developed countries in the 1970s–1980s, the processes of globalization and competition in world markets came to the fore. As a result of the intensive development of industry and the growth of domestic consumption, many countries have largely exhausted the economic capacity of their territories. They are experiencing a shortage of raw materials. Over the past sixty years, the world's leading countries have been implementing a socio-ecological and economic model of social development, which allows them to use financial, labour and natural resources rationally. Russia's transition to sustainable development can give an additional impetus to the country's socio-economic development. It also ensures breakthrough scientific and technological progress, increases the competitiveness of the national economy, creates other opportunities for more effective implementation of strategic planning documents and national projects.

Keywords: sustainable development; strategic planning; ecological development; socio-economic development; national project

For citation: Kochemasova E. Yu. Actual problems of sustainable development and their solution in Russia. *Mir novoi ekonomiki = The World of the New Economy*. 2020;14(3):75-82. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-75-82

Забота о людях занимает центральное место
в усилиях по обеспечению устойчивого развития.
Декларация ООН от 3–14 июня 1992 г.

Мы изменили свое окружение так радикально, что теперь
должны изменять себя, чтобы жить в этом новом окружении.

Н. Винер

По оценкам Программы ООН по окружающей среде, экологический императив (или количество земли, необходимой для обеспечения продуктами одного человека) составляет 21,9 га, сейчас этот показатель равен 15,7 га на человека. Во многих странах Западной Европы критической проблемой является дефицит плодородных земель и энергоресурсов, в Африке и на Ближнем Востоке — недостаток водных ресурсов. В США чрезмерное загрязнение окружающей среды ограничило развитие промышленного производства и стимулировало перевод «грязных» производств в другие страны. Политика глобализации ориентирована на создание и сохранение конкурентных преимуществ наиболее развитых стран и транснациональных корпораций. С этой целью страны — импортеры ресурсов реализуют специальные программы по предоставлению кредитов, грантов, образовательных и исследовательских проектов, оказанию экономической и гуманитарной помощи развивающимся и отсталым странам, в том числе по линии неправительственных фондов, международных организаций и финансовых институтов. Тем самым они стремятся создать условия для реализации своих политических и экономических интересов, одновременно получить доступ к ресурсам и рынкам других стран.

Характерно также объединение усилий разных стран в решении общих проблем в так называемых «интегральных районах». Примером образования межстранового производственно-территориального кластера является «интегральный район» бассейна Северного моря. Здесь осуществляется разработка нефтегазовых месторождений на основе вложения крупных капиталовложений (22 месторождения у побережья Великобритании, 9 — у Норвегии, 8 — у Нидерландов, 1 месторождение — у берегов Дании). Сотрудничество в разработке североморских ресурсов привело к сдвигам во внешней политике и экономике прибрежных государств. Стали развиваться общие сервисные услуги, координироваться рыболовство и судоходство. Были предприняты совместные усилия по снижению уровня загрязнения

и улучшению экологического состояния сухопутных и морских экосистем, в том числе стали внедряться протоколы безопасности и реализовываться совместные экологические проекты¹. Другим примером планирования решения трансграничных проблем в интересах общего развития является деятельность приарктических стран в составе Арктического совета, членами которого являются Россия, США, Канада и др. В условиях военного противостояния и территориальных притязаний в Арктике эти страны успешно сотрудничают в реализации совместной программы устойчивого развития [1].

С 1970-х гг. по настоящее время потребление основных энергетических ресурсов (угля, нефти, газа) увеличилось более чем в 2,5 раза. Рост энерго- и ресурсопотребления становится основной причиной истощения природного потенциала в старопромышленных регионах мира [2]. Эта закономерность сохранится в текущем столетии с замещением угля и нефти природным газом и увеличением потребления редких минеральных компонентов, использованием искусственных материалов в условиях перехода развитых стран к шестому технологическому укладу. К началу 2010-х гг. доля производительных сил пятого технологического уклада в США, Германии и других развитых странах составила до 60%, шестого — до 5% и более. Шестой технологический уклад фактически уже наступил [3]. По мнению многих экспертов, полномасштабный переход к шестому технологическому укладу, который будет сопровождаться ростом и изменением баланса энерго- и ресурсопотребления, развернется во второй четверти текущего столетия. Следствием этого являются растущие экологические деформации и климатические изменения, которые угрожают социально-экономическому благополучию. Климат и экология стали фактором мирового развития, проблемой, чреватой масштабными потрясениями (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/60707>). Корневые причины глобальных процессов являются предметом научных дискуссий. Однако видимые признаки масштабных трансформаций в биосфере очевидны — это повышение уровня Мирового океана, изменение количества и характера атмосферных осадков; загрязнение водных объектов; сокращение биологического разнообразия; подтопление и опустынивание территорий.

¹ Отчет ГОИН «Разработка методологии морского пространственного планирования и плана комплексного (интегрированного) управления морским природопользованием»: исполнители — И.В. Землянов, Ю.В. Кочемасов и др. Шифр темы: 2001–07–13. 2013.

Соответственно в ближайшей перспективе будут доминировать две тенденции. Во-первых, будет возрастать соперничество стран-лидеров в развитии технологической базы и рост политической и военной напряженности между ними в регионах, где сохраняется природно-сырьевой потенциал для будущего развития. Во-вторых, будет усиливаться противопоставление социо-эколого-экономических моделей общественного развития в целях повышения конкуренции национальных экономик, создания более выгодных условий для увеличения мобильности труда и капиталов. Для Российской Федерации эти две тенденции являются стратегическими вызовами с позиции реализации сценария инновационного развития и в части сохранения и развития человеческого потенциала.

В условиях перехода стран-лидеров к новому технологическому укладу усиливается соперничество между ними в интеллектуально-технологической сфере. Практические меры и реальные условия, улучшающие качество жизни населения, качество окружающей среды, становятся мощным конкурентным преимуществом. В США, Великобритании, Канаде и других странах реализуются проекты, призванные значительно облегчить иммиграцию на постоянное место жительства высококвалифицированных специалистов и ученых, востребованных высокотехнологичными отраслями экономики (<https://ac.gov.ru/files/publication/a/1711.pdf>). Россия, не имея таких проектов, является донором высококвалифицированных научных и инженерных кадров для других стран — российские «государственные инвестиции в человеческий капитал фактически обеспечивают рост конкурентоспособности других экономик»².

В условиях прогрессирующего развития процессов глобализации в мировом сообществе, в том числе в рамках деятельности Римского клуба, велось осмысление и формулирование новой парадигмы общественного развития, основанной на гармонизации взаимодействия общества, природы, сферы материального производства (техносферы). В ООН была сформирована комиссия по окружающей среде и развитию, которая предложила термин «устойчивое развитие», предусматривающий «удовлетворение потребностей нынешнего поколения, без ущерба для возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [4].

² Стратегия научно-технического развития Российской Федерации. Утв. Указом Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642.

В национальных стратегиях многих стран социальное, экономическое и экологическое измерения устойчивого развития стали рассматриваться в комплексе. Во многих странах эколого-ориентированную модель развития и экологические факторы стали учитывать во внешней политике для продвижения передовых технологий, новых продуктов и услуг на мировых рынках. Страны-лидеры, реализующие модель сбалансированного социального, экономического и экологического развития, приобретают сравнительно больше возможностей для доминирования в мировой политике и экономике, чем страны, богатые ресурсами и ориентирующиеся на развитие отраслей, связанных с экстенсивным развитием естественных производительных сил.

В нашей стране проблемой перехода к устойчивому развитию стали заниматься позже, чем в развитых странах — после Конференции ООН по окружающей среде и развитию (г. Рио-де-Жанейро, Бразилия, 1992 г.). В результате была принята концепция, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 01.04.1996 № 440, в которой было определено три этапа перехода к устойчивому развитию: 1) решение острых экономических и социальных проблем; 2) структурные преобразования в экономике на основе технологического обновления; 3) гармонизация взаимодействия общества с природой. Все составляющие устойчивого развития являются актуальными в российских условиях — это обеспечение экономического роста, повышение качества жизни российских граждан, улучшение состояния окружающей среды. Актуальность последней проблемы связана с тяжелым экологическим наследием прошлой индустриализации. В России изучению и развитию естественных производительных сил всегда уделялось первостепенное значение. Это направление имело определяющее значение для развития национальной экономики в советский период. Природно-ресурсный потенциал России позволяет ей в текущий период полностью удовлетворять внутренний спрос и развивать экспорт сырьевых ресурсов. Однако в современных условиях развитие производительных сил осуществляется преимущественно на основе привлечения частного, в том числе, иностранного капитала. Такое развитие обуславливает увеличение техногенной нагрузки на природные территории, накопление экологического вреда, рост рисков для здоровья населения в результате загрязнения окружающей среды.

Предусматривалось, что проблему рационального природопользования в указанной концепции перехода России к устойчивому развитию будут

решать путем организации экологически обоснованного размещения производительных сил, осуществления хозяйственной деятельности в пределах ассимиляционной емкости естественных экосистем. Однако реализация этого приоритета была отложена на неопределенный срок в связи с бюджетными ограничениями и необходимостью решения неотложных социально-экономических задач.

Во второй половине 1990-х гг. была организована разработка Государственной стратегии устойчивого развития Российской Федерации. Проект стратегии рассматривался на заседании Правительства Российской Федерации 11 декабря 1997 г. и трижды (октябрь 2000, июнь и октябрь 2001 гг.) — на парламентских слушаниях в Государственной думе Российской Федерации. Однако разработка стратегии не была завершена в условиях финансового кризиса (дефолта) в Российской Федерации, реформирования органов исполнительной власти и последующего изменения приоритетов в общественном развитии. Разработанные в 2000 г. Основные направления социально-экономической политики Российской Федерации на долгосрочную перспективу предусматривали реформирование социальной политики, модернизацию национальной экономики, но не учитывали экологические условия и факторы. Государственная политика в области экологического развития была разработана значительно позже, в 2012 г.³

В итоге проблематика устойчивого развития была исключена из документов стратегического планирования, реализуемых в 2000–2010-х гг. Вместо термина «устойчивое развитие», под которым изначально понималось «сбалансированное решение социально-экономических задач и экологических проблем в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей», в документах стратегического планирования стали применяться термины «устойчивое социально-экономическое развитие», «экологическое развитие». Следует отметить, что термин «экологическое развитие» не является синонимом термина «устойчивое развитие». Характерные атрибуты устойчивого развития, как отмечено выше, — три взаимосвязанные составляющие: социальное, экономическое и экологическое развитие. Экологическое развитие является одним из компонентов

устойчивого развития. Основные критерии экологического развития: сохранение и восстановление средо- и ресурсообразующих функций естественных экосистем, снижение антропогенной нагрузки на окружающую среду, внедрение безопасных и безотходных технологий и др.

В основах государственной политики в области экологического развития была задекларирована необходимость формирования «экологически ориентированной модели развития экономики», но параметры этой модели и алгоритм ее реализации не определены. Отсутствие экологически ориентированной модели развития экономики обуславливает доминирование экстенсивного развития производительных сил без учета экологической емкости уязвимых к техногенным воздействиям естественных экосистем. Эта проблема в наибольшей степени проявляется в области управления и планирования пространственного развития. В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. не определено, что сохранение естественных экосистем первично по отношению к развитию территориально-производственных комплексов, функционирование которых зависит от средо- и ресурсообразующих функций этих экосистем⁴. По причине отсутствия эколого-ориентированного подхода к пространственному развитию, в Российской Федерации практика экологического зонирования вновь осваиваемых территорий (акваторий) не получила обязательного применения, а стратегическая экологическая оценка трансграничных последствий крупных инфраструктурных проектов, широко применяемая в других странах, не регламентирована российскими нормативными актами.

Актуальная государственная политика в области устойчивого развития в настоящее время в России отсутствует. В системе стратегического планирования доминирует отраслевой подход, характеризующийся автономной реализацией приоритетов социально-экономического и экологического развития. В обосновывающих материалах и самих документах стратегического планирования отсутствует сопряженный комплексный анализ социальных, экономических и экологических факторов. Эти факторы рассматриваются изолированно. Не учитывается их взаимодействие (синергия) в рамках реализации

³ Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года. Утв. Президентом РФ 30.04.2012.

⁴ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р.

стратегических национальных приоритетов. Не определяется их интегральное воздействие на условия жизнедеятельности, состояние безопасности, качество жизни. Например, в составе стратегического национального приоритета «Экология живых систем и рациональное природопользование» анализируются только экологические проблемы природопользования, и не рассматриваются социально-экономические последствия, связанные с нерациональным природопользованием и загрязнением окружающей среды⁵. Известно, что истощение запасов природных ресурсов приводит к серьезным экономическим последствиям; экологически неблагоприятные территории представляют критическую опасность для жизнедеятельности местных общин, а загрязнение окружающей среды создает серьезную угрозу здоровью и жизни конкретных людей. Указанные факторы могли бы быть учтены в характеристиках угроз экономической и общественной безопасности, а также безопасности личности. Однако в соответствующих стратегических приоритетах они не рассматриваются.

Такой подход не согласуется с общемировоззренческими представлениями о переходе биосферы под воздействием деятельности человечества в новое состояние — «ноосферу» (термин предложен В.И. Вернадским в первой половине XX столетия), а также с общепризнанной парадигмой устойчивого развития, в которой факторы экономического роста, экологического императива и развития человеческого потенциала рассматриваются во взаимосвязи и определяются в качестве равноактуальных атрибутов.

По данным доклада Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, действующая модель экономического роста исчерпала свои возможности [5]. В докладе отмечена необходимость разработки Стратегии устойчивого развития Российской Федерации, Целей устойчивого развития России до 2030 г. и новых государственных программ в соответствии с целями устойчивого развития. Необходимость формирования государственной стратегии в области устойчивого развития обусловлена следующими обстоятельствами: в 2015 г. в ООН был принят новый программный документ «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». В этом документе были уточнены гло-

бальные цели устойчивого развития в современных условиях. Эти цели охватывают четыре компонента устойчивого развития: социальное, экономическое, экологическое развитие и институциональную среду устойчивого развития.

Многие базовые и отраслевые стратегии Российской Федерации были определены в начале 2010-х гг.; аналогично были разработаны государственные программы, которые в дальнейшем были пролонгированы до 2030 г.

В действующих стратегиях и программах внешние и внутренние факторы, влияющие на формирование и функционирование социально-экономических, природно-технических систем, территориально-производственных комплексов, а также систем безопасности рассматриваются неполно, избирательно, исходя из ведомственных приоритетов.

Развитие российского общества происходит в условиях периодически повторяющихся кризисных процессов и усиливающегося внешнего давления; реализуемая модель экономического развития, как отмечено выше, не обеспечивает устойчивый рост и не мотивирует к повышению эффективности общественного труда.

По данным Стратегии научно-технического развития Российской Федерации [7], для России «проблема невосприимчивости экономики и общества к инновациям» является актуальной. Инвестиции в нематериальные активы в России в 3–10 раз ниже, чем в ведущих государствах; доля экспорта российской высокотехнологичной продукции в мировом объеме экспорта составляет всего около 0,4%; характерна «разомкнутость инновационного цикла».

В настоящее время в рамках нового политического цикла в период с 2018 по 2024 г. были приняты директивные решения, предусматривающие «осуществление прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации» путем реализации национальных проектов, определенных Указом Президента Российской Федерации 07.05.2018 № 204.

В условиях непредсказуемости глобальных трансформаций и с учетом неустойчивого тренда социально-экономического развития реализация национальных проектов зависит от множества внешних и внутренних факторов. В этих условиях возможны различные состояния социально-экономических и иных систем.

А.А. Богданов еще в начале прошлого века рассматривал динамику сложных систем под дейст-

⁵ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утв. Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683.

вием множества внутренних и внешних факторов [6]. Быструю перестройку систем он обозначил термином «кризис». В работе Ю. С. Маленкова [7] отмечены три разновидности кризисов: полная потеря управляемости, переход в неуправляемую фазу социально-экономической катастрофы, в хаос; крупные скачкообразные изменения, при которых социально-экономическая система сохраняют свою целостность, но главные векторы развития могут радикально менять направление; прерывается траектория развития, но социально-экономическая система возвращается к устойчивому развитию.

Катастрофическое состояние в России наблюдалось дважды в XX столетии (в 1910-х и 1990-х гг.). Во время этих переломных этапов происходило кардинальное изменение политической и социально-экономической систем, менялся вектор развития. В настоящее время предпосылки для реализации такого сценария отсутствуют.

Ретроспективный анализ показывает, что в разные этапы российское государство успешно решало масштабные задачи в области промышленной деятельности, обороны, инфраструктурного развития. По многим направлениям наша страна занимала и продолжает сохранять лидирующие позиции в мировом хозяйстве. Однако в развитии социальной сферы и в экологическом развитии отмечались серьезные отставания от других стран. Не всегда объективно и полно учитывались глобальные трансформации и их последствия для общественного развития. В результате часто «неожиданно» возникали кризисные ситуации. Для современного состояния России также характерны регулярно повторяющиеся разрывы в социально-экономическом развитии и периодическая корректировка ранее принятых стратегий, планов и программ. Эти особенности являются признаками неустойчивого, кризисного состояния социально-экономической системы России.

Устойчивое состояние социально-экономической системы может определяться по критерию стабильности параметров динамики ее структурно-функциональных свойств в «допустимых» пределах. Эти два признака (устойчивость и стабильность) следует рассматривать в рамках конкретного исторического этапа и доминирующего технологического уклада. В последнее время относительно стабильное состояние было характерно для наиболее развитых стран — США, Германии, Франции, Англии, Японии, где эконо-

мика и планово-управленческая деятельность адаптировались к условиям шестого технологического уклада (стабильность цен и инвестиций, поддержание высокого качества жизни). На основе устойчивости и стабильности эти страны успешно конкурируют в сфере обеспечения мобильности труда, образования, капитала, технологий и товаров.

Содержание реализуемых в России национальных проектов показывает, что в основном они ориентированы на решение накопленных в последние десятилетия ретроспективных социально-экономических и экологических проблем, что, безусловно, является критически важным условием для повышения уровня жизни российских граждан и закрепления позитивных тенденций в развитии национальной экономики в условиях усиливающейся глобальной конкуренции. Однако решения этих ретроспективных проблем недостаточно для исключения возможных разрывов в социально-экономическом развитии и сохранения паритета в глобальной конкуренции. В течение периода, когда Россия решала внутренние социально-экономические проблемы и адаптировалась к условиям глобального рынка, страны-лидеры (США и Китай) значительно упрочили свои позиции в мировой экономике и осуществили значительный отрыв от России и других стран по уровню промышленного и технологического развития. Одновременно другие страны достигли более высокого, чем в России, уровня социально-экономического и экологического развития, а также развития человеческого потенциала. В этих условиях для обеспечения лидирующих позиций на Евразийском пространстве России требуется осуществление экстраординарных мер. Актуальным является тезис из прошлой истории: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [8].

С учетом внешних и внутренних трансформаций реализация национальных проектов в России объективно может быть успешной только на основе комплексного решения системных проблем устойчивого развития и устранения множества причин (факторов), которые в совокупности обуславливают разрывы в социально-экономическом развитии.

Для устранения последствий кризиса 1990-х гг. потребовалось более двух десятилетий. Очевид-

но, что для перехода к устойчивому развитию, исключая периодические разрывы в социально-экономическом развитии, потребуется не менее продолжительный период. В этот период целесообразна реализация следующих этапов: 1) разработка национальной модели устойчивого развития; 2) создание институциональных и иных условий для ее реализации; 3) перестройка системы государственного управления; 4) адаптация населения и хозяйства к условиям устойчивого развития.

Основные характеристики этих этапов могут быть определены в государственной политике в области устойчивого развития, формулирование которой в современных условиях является объективной необходимостью.

В контексте рассмотрения системных проблем перехода к устойчивому развитию (Указ Президента РФ от 01.04.1996 № 440) актуальными не реализованными стратегическими приоритетами остаются: а) «структурные преобразования в экономике»; б) «гармонизация взаимодействия общества с природой». Они выходят за рамки осуществляемых национальных проектов и имеют ключевое значение для устойчивого развития российского

общества в условиях глобальных и внутренних трансформаций.

Приоритетное значение также имеет усиление государственной поддержки научно-технической деятельности (в связи с упразднением государственных научно-технических программ в наукоемких отраслях, ранее обеспечивавших лидирующие позиции в мире по многим направлениям), а также совершенствование государственно-частного партнерства в области экологического развития (в связи ослаблением роли государства в комплексном управлении, изучении и регулировании использования производительных сил).

Ключевым приоритетом является внедрение модели стратегического планирования, обеспечивающей комплексное сбалансированное решение социальных, экономических и экологических задач (проблем) для достижения общественно значимых результатов — улучшения качества жизни граждан и обеспечения их безопасной жизнедеятельности. Решение этой задачи возможно на основе стратегической оценки множества факторов, влияющих на устойчивое развитие [9], и использования методологии комплексного адаптивного стратегического планирования [10, 11].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Данилов А.И., Дмитриев В.Г., Кочемасов Ю.В., Моргунов Б.А., Фролов И.Е. Стратегическая оценка окружающей среды как основа формирования плана действий по устойчивому развитию Арктики. СПб.: Изд-во ААНИИ; 2005.
2. Скайнер Л. Стратегия энергетической безопасности США. *Экономика управления в зарубежных странах*. 2014;(1):10–16.
3. Авербух В.М. Шестой технологический уклад и перспективы России (краткий обзор). *Вестник Ставропольского государственного университета*. 2010;(71):159–166.
4. Наше общее будущее: Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). С.А. Евтеев и Р.А. Перелет, ред. Пер. с англ. М.: Прогресс; 1989.
5. Цели устойчивого развития ООН и Россия. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год. С.Н. Бобылева и Л.М. Григорьева, ред. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации; 2016.
6. Богданов А.А. Тектология (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн. М.: Экономика; 1989.
7. Маленков Ю.А. Причинно-следственные модели в стратегическом планировании. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия. 5*. 2011;(2):116–129.
8. Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. М.: Государственное издательство политической литературы; 1951.
9. Кочемасова Е.Ю. Причинно-следственный анализ как инструмент стратегического планирования. *Инновации*. 2018;4(234):36–42.
10. Кочемасова Е.Ю. Алгоритм совершенствования стратегического планирования в сфере устойчивого развития и мер национальной безопасности. Экономическая безопасность России: проблемы и перспективы: материалы VI Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород. Гостехн. ун-т им. Р.Е. Алексеева. Нижний Новгород; 2018.
11. Кочемасова Е.Ю. Стратегическое планирование России в условиях глобальных трансформаций. М.: ЛЕНАНД; 2020.

REFERENCES

1. Danilov A. I., Dmitriev V. G., Kochemasov Yu.V., Morgunov B. A., Frolov I. E. Strategic environmental assessment as the basis for the formation of an action plan for the sustainable development of the Arctic. St. Petersburg: AANII; 2005. (In Russ.).
2. Skyner L. The U.S. Energy Security Strategy. *Ekonomika upravleniya v zarubezhnykh stranakh*. 2014;(1):10–16. (In Russ.).
3. Averbukh V.M. The sixth technological order and Russia's prospects (brief overview). *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*. 2010;(71):159–166. (In Russ.).
4. Our Common Future. Report of the International Commission on Environment and Development (ICEDD). S.A. Evteev and R.A. Flight, eds. Transl. from Eng. Moscow: Progress; 1989. (In Russ.).
5. UN Sustainable Development Goals and Russia. Russian Federation Human Development Report 2016. S.N. Bobylev and L. M. Grigoriev, eds. Moscow: Analytical Center under the Government of the Russian Federation; 2016. (In Russ.).
6. Bogdanov A.A. Tectology: (General Organizational Science). In 2 books. Moscow: Economics; 1989. (In Russ.).
7. Malenkov Yu.A. Causal models in strategic planning. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya. 5*. 2011;(2):116–129. (In Russ.).
8. Stalin I.V. Works. Vol. 13. Moscow: State publishing house of political literature; 1951. (In Russ.).
9. Kochemasova E. Yu. Causal analysis as a strategic planning tool. *Innovatsii*. 2018;4(234):36–42. (In Russ.).
10. Kochemasova E. Yu. Algorithm for improving strategic planning in the field of sustainable development and national security measures. Economic security of Russia: problems and prospects. Materials of the VI International scientific and practical conference. Nizhny Novgorod State Technical University. Nizhny Novgorod; 2018. (In Russ.).
11. Kochemasova E. Yu. Strategic planning of Russia in the context of global transformations. Moscow: LENAND; 2020. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Екатерина Юрьевна Кочемасова — кандидат экономических наук, главный специалист Информационно-аналитического центра «Наука» РАН, Москва, Россия
hakone-@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina Yu. Kochemasova — Cand. Sci. (Econ.), Chief Specialist at the Information and Analytical Center “Nauka” of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
hakone-@yandex.ru

Статья поступила 24.04.2020; принята к публикации 15.05.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 24.04.2020; accepted for publication on 15.05.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-83-96
УДК 338.22.021.1(045)
JEL B41, E23, E32, N64, N22

Качество экономического роста как предпосылка повышения эффективности управления социально-экономическим развитием России

Л.А. Стрижкова^а, Г.О. Куранов^б

^а Центр макроэкономического прогнозирования и структурных исследований ИМЭИ-ВВАТ, Москва, Россия

^б Минэкономразвития России, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-0608-1652>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-7209-7823>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросам разработки индикаторов качества экономического роста. Основное практическое значение системы индикаторов качества экономического роста авторы связывают с улучшением информационного и научно-методического обеспечения процесса разработки и реализации решений экономической политики государства. Рассматриваются методологические аспекты составления системы индикаторов качества экономического роста, описываются проблемы в этой области и предлагаются подходы к их решению, приводятся оценки факторов, определяющих динамику экономического роста. Важное место в статье отводится обсуждению дискуссионных вопросов в области оценки качества экономического роста, включая проблему совмещения идеи инклюзивного развития и модели эндогенного роста российской экономики, подходов к учету инновационного фактора в результатах развития, отражению регионального аспекта в системе индикаторов качества экономического развития. Авторы представляют и обосновывают свои взгляды по ряду дискуссионных вопросов, продолжая обсуждение этой темы, начатое в рамках Ефимовских чтений II (2019 г.).

Ключевые слова: качество роста; экономическая динамика; инклюзивный рост; индикаторы; устойчивость; эффективность; факторы; человеческий капитал; потенциальный ВВП

Для цитирования: Стрижкова Л.А., Куранов Г.О. Качество экономического роста как предпосылка повышения эффективности управления социально-экономическим развитием России. *Мир новой экономики*. 2020;14(3):83-96. DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-83-96

ORIGINAL PAPER

Quality of Economic Growth as a Prerequisite for Improving the Efficiency of Management of Socio-Economic Development in Russia

L.A. Strizhkova^а, G.O. Kuranov^б

^а Center for Macroeconomic Forecasting and Structural Research of Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russia

^б Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-0608-1652>; ^б <https://orcid.org/0000-0001-7209-7823>

ABSTRACT

The article is devoted to the development of indicators of the quality of economic growth. The authors associate the primary practical purpose of the system of indicators of the quality of economic growth with improving information and scientific and methodological support for the process of developing and implementing decisions of the state's economic policy. We considered methodological aspects of compiling a system of indicators of the quality of economic growth,

© Стрижкова Л.А., Куранов Г.О., 2020

described problems in this area, and proposed approaches to their solution. Further, we gave estimates of factors that determine the dynamics of economic growth. We have provided a special place to the discussion of controversial issues in the field of assessing the quality of economic growth, including the problem of reconciling the idea of inclusive development and endogenous growth model of the Russian economy. It also includes approaches to the innovative factor in development outcomes that reflect the regional dimension in the system of quality indicators of economic development. The authors present and justify their views on several controversial issues, continuing the discussion of this topic that began in the framework of the Efimov Readings II (2019).

Keywords: quality of growth; economic dynamics; inclusive growth; indicators; sustainability; efficiency; factors; human capital; potential GDP

For citation: Strizhkova L.A., Kuranov G.O. Quality of economic growth as a prerequisite for improving the efficiency of management of socio-economic development in Russia. *Mir novoi ekonomiki = The World of the New Economy*. 2020;14(3):83-96. (In Russ.). DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-3-83-96

О ТРАКТОВКЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА И ЕГО КАЧЕСТВА

Экономический рост в классическом понимании — *наращивание производственных возможностей* экономики, сопровождающееся повышением уровня жизни населения.

Производственный потенциал экономики может оцениваться различными показателями в силу его многокомпонентности. В качестве ведущей сводной характеристики применяется показатель «потенциальный ВВП» и динамическая характеристика экономического роста — темп роста потенциального ВВП. Их оценка требует специальных расчетных процедур и всегда носит ориентировочный характер.

Наблюдаемые в статистическом учете фактический объем и темп роста ВВП определяются как сложившимся производственным потенциалом страны, так и множеством других условий, влияющих на полноту его реализации.

Объем фактического ВВП при нормальном уровне использования мощностей и затрат труда приближается к объему потенциального ВВП, и возможности сохранения положительной фактической динамики зависят от факторов, определяющих расширение производственного потенциала.

Факторы экономического роста (технологический и технический прогресс, дополнительное привлечение труда и инвестирование капитала, расширение ресурсной базы, институциональные изменения) становятся одновременно теми инструментами управления, использование которых расширяет производственные возможности страны как составной части процесса экономического и социального развития.

Более широкое понятие, используемое для характеристики функционирования экономи-

ки, — экономическое развитие. Оно охватывает процессы в производственной, социальной, технико-экономической, эколого-экономической и институциональной сферах, определяющие количественные и качественные изменения в экономике, в условиях жизни населения. Результаты, полученные на каждом этапе развития, в значимой мере определяют условия для его последующего этапа.

Ключевая задача государственного управления — формирование условий устойчивого экономического развития, под которым понимается развитие с высоким иммунитетом к колебаниям внешнеэкономической конъюнктуры, базирующееся на повышении совокупной производительности факторов, восприятию мировых тенденций технологического развития, гибком реагировании на внешние и внутренние импульсы, соблюдении экологических стандартов и бережном отношении к экосистемам. Устойчивость экономического развития предполагает наличие позитивных изменений в качестве жизни населения.

Наблюдаемые экономические процессы могут быть охарактеризованы со стороны их качества, под которым мы понимаем *соответствие результатов процесса, оцененных за определенный промежуток времени, задаче формирования условий долговременного устойчивого экономического развития страны*.

Поэтому высокую актуальность для государственного управления приобретает задача разработки системы **индикаторов для оценки качественных характеристик экономического роста (далее — ИКЭР) и их мониторинг** в целях выработки эффективных мер по обеспечению условий долговременной устойчивости развития страны.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И ИНКЛЮЗИВНОСТЬ РАЗВИТИЯ

В ходе обсуждения приоритетов государственной политики и путей развития российской экономики рассматриваются **модель эндогенного роста и модель инклюзивного развития**. От выбора модели зависит и состав индикаторов, которые могут рекомендоваться в качестве ключевых качественных характеристик различных аспектов экономического роста на современном этапе развития страны.

В идее **эндогенного экономического роста**¹ главным является вопрос об обеспечении темпов экономической динамики в решающей мере за счет внутренних факторов роста: повышения эффективности использования ресурсов экономики, реализации достижений НТР и обеспечения условий для развития человеческого капитала, способного индуцировать инновационные идеи и активизировать темпы НТР.

Концепция, развиваемая ООН (<https://undocs.org/ru/A/RES/70/1>), базируется **на идее инклюзивного устойчивого роста**².

Ключевые особенности концепции инклюзивного роста состоят в более широкой постановке целей развития, смещении их акцента с собственно темпов экономической динамики на человеческий фактор: развитие человеческого капитала, сокращение неравенства, бедности, активное участие в экономической жизни всех слоев населения с получением ими выгод от экономического роста, бережное использование природных ресурсов. При этом человеческий фактор в большинстве трактовок понимается не как фактор экономического развития, а как результат последнего, выраженный в указанных характеристиках.

Существуют и другие определения инклюзивного роста (с сохранением в целом его содержатель-

ного значения). В частности, в ЕАЭС³ используется следующая формулировка: *«Инклюзивный рост — конвергенция качества жизни всех групп населения, достигаемая не только путем перераспределения результатов экономической деятельности через бюджетную систему, но и в значительной степени формированием в экономике недискриминационных благоприятных условий, позволяющих каждой группе населения самостоятельно обеспечить себе сопоставимое с другими группами качество жизни при повышении уровня жизни населения страны в целом»*.

Характеристику инклюзивности развития ведущие международные организации предлагают рассматривать в качестве основной для оценки уровня развития стран, а ее повышение — как признак повышения устойчивости экономического развития.

Для измерения и сопоставления уровня инклюзивности стран организацией «Всемирный экономический форум» был предложен «индекс инклюзивного развития» (IDI — Inclusive Development Index). Он сформирован из 12 характеристик развития экономики, объединенных в три группы: «рост и развитие» (душевое производство ВВП, производительность труда, занятость, ожидаемая продолжительность здоровой жизни); «инклюзивность» (коэффициент Джини по доходам, по богатству, уровень бедности, медианный расход домохозяйств) и «межпоколенческая справедливость и устойчивость» (скорректированные чистые сбережения, выбросы углекислого газа, уровень госдолга, демографическая нагрузка).

Оценки IDI по странам были впервые представлены ВЭФ широкой общественности в 2017 и 2018 гг. (<http://reports.weforum.org/inclusive-growth-and-development-report-2017>; <http://reports.weforum.org/inclusive-growth-and-development-report-2018/>). Россия по индексу IDI в рейтинге ВЭФ-2018 для развивающихся стран находится на позиции между Алжиром и Парагваем (19-е место из 78).

Россия присоединилась к программе ООН, содержащей 17 целей устойчивого развития, направленных на ликвидацию нищеты, сохранение ресурсов планеты и обеспечение благополучия для всех. Но при решении этих задач важно обеспечить

¹ Эндогенность — комплекс внутренних факторов среды, существенно влияющих на эволюцию явлений, производственно-технические, коммерческие и другие хозяйственные структуры. Эндогенность характерна для научно-технического прогресса (Большой экономический словарь. М.: Институт новой экономики. А.Н. Азрилян; 1997).

² Инклюзивность развития понимается как распространение результатов и условий экономического развития на все группы населения регионов (стран) в противоположность эксклюзивности развития, при которой беднейшие группы населения ограничиваются в доступе к участию в производстве и получению справедливого дохода и благ от наращивания объемов ВВП.

³ Экономическое развитие Евразийского экономического союза и государств-членов в 2019 году: международные рейтинги. Аналитический доклад. Евразийская экономическая комиссия. Декабрь 2019.

во внутренней экономической политике тонкий баланс между мерами по ускорению темпов роста ВВП (исходя из закономерностей эндогенного роста) и мерами в области повышения инклюзивности развития, учитывая взаимосвязанность этих характеристик. Очевидно, что создание недискриминационных условий для развития всех групп населения является важным стимулом для активизации человеческого капитала как важнейшего фактора экономического роста.

РОССИЯ НА ФОНЕ ДРУГИХ СТРАН: ЧТО ВАЖНО УЧЕСТЬ В СИСТЕМЕ ИКЭР

Для оценки остроты и первоочередности макроэкономических проблем, требующих своего решения в целях обеспечения устойчивого развития нашей страны, проанализированы данные традиционных и тематически ориентированных международных рейтингов, обнародованные в 2018 г.⁴

В рейтинге стран по степени их **могущественности**⁵ Россия в 2019 г. заняла 2-е место (после США). В основу рейтинга легла оценка масштабов экономики, влияния на политической арене, военной мощи, лидерства в мире и участия в международных альянсах. За Россией следует Китай и далее Германия, Великобритания, Франция, Япония, Израиль, Саудовская Аравия и Южная Корея (Республика Корея).

В оценке по масштабности производства (ВВП по ППС) Россия находится на 6-м месте.

Менее благополучно положение нашей страны в ряде традиционных международных рейтингов по уровню экономического, научно-технологического и социального развития, т.е. рейтингов с характеристиками **качества экономики**.

Россия по показателю **среднедушевого ВВП в оценке по ППС** находится на **56-е месте** (из 190 рейтинговых мест), отставая от США (11-е место) более чем в 2 раза. В рейтинге по **ин-**

дексу глобальной конкурентоспособности Россия занимает 43-е место в рейтинге из 141 позиции. Практически такая же картина наблюдается в рейтинге по **глобальному индексу инновационности**, где России отведено 46-е место (из 129 позиций) с 40%-ным отрывом значения индекса от лидеров рейтинга (Швейцария, Швеция, США).

В рейтинге по **индексу человеческого развития** (ИЧР) Россия входит в группу из 62 стран с очень высоким развитием человека (49-е место). ИЧР России выше среднемирового на 13% и ниже индексов стран — лидеров ИЧР (Норвегия, Швейцария, Ирландия) на 13–14%.

В международных рейтингах **качества жизни** Россия также заметно отстает от лидирующих стран. Например, в рейтинге по **индикатору процветания** (The Legatum Prosperity Index) ей отводят 74-е место (из 167), в рейтинге Numbeo по **качеству жизни** — 59-е место (из 71).

Анализ рейтингов свидетельствует, что Россия при высокой «могущественности» отстает от многих развитых стран по эффективности использования своего ресурсного потенциала и ряду характеристик качества жизни населения, находясь ближе к середине соответствующих рейтинговых списков. Во многих случаях страны с более высокой инновационностью и конкурентоспособностью экономики характеризуются и относительно лучшими показателями качества жизни населения.

ПОДХОД К СОСТАВЛЕНИЮ СИСТЕМЫ ИКЭР И ЕЕ СТАТИСТИЧЕСКАЯ БАЗА

Исследование качественных характеристик экономического роста с применением системы ИКЭР предполагает охват следующих аспектов социально-экономического развития: производство, эффективность, прогрессивность и инновационность экономики, государственная политика и условия ведения бизнеса, социальный и эколого-экономический аспект развития.

Учет социального аспекта экономического развития включает оценку результатов в области изменения качества социального развития, уровня жизни и бедности, снижения межрегиональных разрывов, улучшения экологии жизни, последовательного решения проблемы инклюзивного развития. Особую значимость для оценок качества экономического роста имеют характеристики сдвигов в оценках качества социального (человеческого) капитала, развития экономики знаний —

⁴ Использована информация Всемирного Банка (<https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD>), интернет-порталов Rambler, Гуманитарная энциклопедия, Banki-v.ru: https://news.rambler.ru/middleeast/43353331/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink; <https://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index/info#russia>; <https://gtmarket.ru/ratings/global-innovation-index/info#russia>; <https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index#russia>; <https://gtmarket.ru/ratings/legatum-prosperity-index/info#russia>; <https://banki-v.ru/economics/rejting-stran-mira-2019/>.

⁵ Рейтинг составлен аналитиками BAV Group и Wharton School Университета Пенсильвании.

они во многом определяют потенциал будущего развития страны.

Можно предложить следующий подход к конструированию ИКЭР.

А. Построение ИКЭР как двухуровневой системы, где индикаторы составляются как на уровне страны в целом, так и на уровне ее регионов (субъектов федерации), что представляется важным для выработки решений в области региональной политики.

Б. Учитывая, что в составе индикаторов могут присутствовать не только публикуемые статистические показатели, но и показатели, формируемые на их основе, в системе обеспечения ИКЭР целесообразно предусмотреть три блока: информационный, содержащий статистическое обеспечение для расчетов ИКЭР; инструментально-методический, включающий модельный аппарат и прочие счетные инструменты для составления индикаторов; и собственно блок «ИКЭР», включающий сами индикаторы с численными значениями по выделенным направлениям анализа. Показатели в системе ИКЭР должны иметь прозрачный экономический смысл и в основной массе легко считаться.

При составлении системы ИКЭР на первый план выходит вопрос о составе начальной выборки статистических показателей, наиболее значимых для исследования качества экономического роста. Представляется, что за основу можно принять перечень показателей, приведенный в документах Росстата «Информация для анализа показателей состояния экономической безопасности Российской Федерации», «Система показателей Росстата для статистической оценки уровня технологического развития отраслей экономики», а также некоторые показатели из списков «Официальная статистическая информация по показателям, содержащимся в указах Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 596–606» и «Официальная статистическая информация по показателям социально-экономического развития Российской Федерации, необходимым для мониторинга достижения показателей национальных проектов». Перечень показателей из указанных списков должен быть дополнен важнейшими показателями экологической статистики, а также рядом показателей СНС (включая таблицы «затраты-выпуск»), Банка России и показателей, характеризующих условия ведения бизнеса.

В. Представляется целесообразным выделить в составе ИКЭР группировки индикаторов по основным направлениям макроанализа экономики

(табл. 1), предусмотрев по каждому из них критерии оценки для выявления признаков повышения/снижения качества.

Таким образом, в системе ИКЭР экономика найдет отражение в трех планах измерения качества: качество **результата** функционирования системы (структуры и пропорции, душевые показатели); качество **процесса** ее функционирования (технологические и воспроизводственные характеристики системы — темпы прироста, показатели эффективности) и качество **условий** ее функционирования (ценовые и налоговые условия, доступность заемных средств, инфраструктуры и проч.). Этот подход, обеспечивая достаточную комплексность в охвате направлений, создает возможность факторного исследования параметров ИКЭР.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ СИСТЕМЫ ИКЭР

Разработка системы ИКЭР потребует решения методологических проблем, ряд из которых рассмотрен ниже.

Устойчивость, состоятельность, эффективность экономики

При углубленном анализе фактической динамики экономического роста [1,2] важна оценка его устойчивости и состоятельности. Наличие этих характеристик — необходимый признак качества экономического роста.

Под устойчивостью экономического роста обычно понимается низкая вариабельность макроэкономических параметров, характеризующих экономическую динамику. Наблюдаемые характеристики вариабельности желательно препарировать, выделяя меру влияния естественных причин — циклической компоненты и конъюнктуры, и оценивая наличие иных причин, вызывающих колебания в экономической динамике [3].

С рациональностью структуры распределения и использования доходов тесно связаны вопросы *состоятельности экономического роста* как способности экономики к устойчивому росту в условиях изменяющейся конъюнктуры и возмущающих факторов. Его основой является рост экономического потенциала за счет внутренних факторов, их качества и производительности. Решение сложного класса задач по разграничению влияния факторов на потенциальный рост важно для адекватного представления о качественных сдвигах в экономике, ее эффективности, выражающейся, в частности, в обобщенном пока-

Таблица 1 / Table 1

Основные направления макроанализа в системе ИКЭР / The main directions of macroeconomic analysis in the system of Indicators for Assessing the Qualitative Characteristics of Economic Growth

Макро: ВВП, ВНП, отрасли регионы	Динамика цен	Ситуация		Внешняя торговля, ввоз/ вывоз капитала	Государственный бюджет	Условия		Регионы межрегиональ- ные разрывы
		на рынке труда	на денежном рынке			в биз- нес- среде	у насе- ле- ния	

Источник / Source: составлено авторами / the authors.

зателе совокупной производительности факторов. В этом направлении у отечественных экономистов получены серьезные научные результаты [4–7].

Прогрессивность и инновационность производства

Прогрессивность экономики означает ускоренное развитие технологических направлений и производств, которые оцениваются как наиболее эффективные для каждого предстоящего этапа развития. В некоторых аспектах они отражают мировые тенденции технологического развития. Составление полноценного индикатора прогрессивности экономики (как нацеленности ее отраслевой структуры в будущее) пока затруднено в силу статистических ограничений. Тем не менее можно рассмотреть два возможных подхода.

Первый состоит в оценке насыщенности экономики компонентами пятого и шестого технологических укладов. По оценке, приведенной на Международном форуме «Технопром-2013», на 2010 г. доля производительных сил пятого технологического уклада в наиболее развитых странах составляла примерно 60%, четвертого — 20%, а шестого — около 5%. Наша страна пока существенно отстает по этим показателям (<https://www.nkj.ru/archive/articles/17800/>).

Второй подход — компромиссный, с опорой на показатели инновационности и технологичности.

В статистике представляется порядка двух десятков индикаторов, характеризующих инновационный потенциал страны и восприимчивость экономики к инновациям. К наиболее значимым индикаторам наукоёмкости относится коэффициент, показывающий соотношение внутренних затрат на исследования и разработки с ВВП; к показателям инновационной активности и восприимчивости — доля организаций, осуществлявших инновационную деятельность в общем количестве обследованных организаций, доля инновацион-

ной продукции в объеме отгруженной продукции предприятий различных отраслей.

Значение российских показателей наукоёмкости экономики (1–1,1%) пока заметно (в 2–3 раза) ниже, чем во многих индустриально развитых странах, это же относится и к показателям инновационной активности.

Методически крайне сложным остается учет инновационности различных технических и производственных решений и их вклада в рост эффективности экономики. По действующей методике, к инновационной продукции относят товары и услуги новые или подвергавшиеся в течение последних 3 лет технологическим улучшениям. Будучи удовлетворительным измерителем степени новизны товара для конечного потребителя, данный показатель сложно применим для оценки реальной инновационности экономики с учетом оптимальных сроков обновления технологий и продуктов, а также его связи с эффективностью производств.

Предлагается учитывать также полную **инновационноёмкость** отрасли с учетом инновационности товаров и услуг всех сопряженных отраслей — поставщиков товаров и услуг в данную отрасль. Общая схема расчета коэффициентов полной инновационноёмкости практически аналогична методике расчета полной ресурсоёмкости. Полная инновационность оказывается более значимой, по сравнению с прямой, для ряда традиционных отраслей, например для электроэнергетики, выпускающей относительно низкоинновационную продукцию, но использующей сложное технологичное оборудование (атомные реакторы, паровые турбины и т.д.) и предъявляющей спрос на новые современные технологии.

Реализация инновационных технологий, как правило, требует технических средств, материалов с соответствующими свойствами. Импорт высокотехнологичной продукции понижает народ-

нохозяйственный эффект, поскольку эти затраты сокращают ВДС отечественного производства. С другой стороны, дополнительные затраты на высокотехнологичную импортную продукцию могут повысить производительность конечного инвестиционного продукта. Эффект в этом случае может быть оценен на основе инструмента импортных матриц и метода межотраслевого баланса [8, 9].

Региональный аспект экономического развития

Особенности территориальной структуры России и высокая дифференциация ее регионов по уровню развития, условиям жизни определяют важность регионального аспекта в системе ИКЭР [10], особенно с позиций инклюзивного развития. Приведенные в *табл. 2* данные позволяют составить самое общее представление о региональной структуре страны в разрезе ее федеральных округов. Уже на этом уровне просматриваются аспекты, которые должны быть учтены в ИКЭР: связь между эффективностью использования пространственного потенциала, человеческого ресурса и параметров уровня жизни.

Оценка ПМ по ФО в статистике не приводится. При ее экспертном построении авторами использован подход, основанный на взвешивании по численности населения значений ПМ по субъектам федерации. Допустимость подхода обоснована незначительностью (менее 4%) отклонения расчетной оценки ПМ по России в целом от опубликованного Росстатом ее значения.

Данные по Республике Бурятия и Забайкальскому краю включены в показатели Дальневосточного ФО.

Ключевой аспект инклюзивности — снижение дифференциации, достижение равномерности. Данный аспект входит в противоречие с рядом факторов, обеспечивающих динамичный рост, поскольку динамичность требует локализации усилий и концентрации ресурсов на наиболее эффективных направлениях и не предполагает равномерности ни в их распределении, ни в динамике развития сегментов экономики и регионов страны.

В вопросе о практической совместимости двух моделей экономического развития (модели, ориентированной на экономический рост, и модели инклюзивного развития) многие аналитики дают отрицательный ответ. В частности, на основе эмпирического анализа инклюзивности развития российской экономики авторы двух независимых работ

[11, 12] сделали вывод о том, что экономический рост часто противоречит инклюзивному развитию и распространение его позитивных эффектов крайне неравномерно. Такая картина, к примеру, наблюдается в ресурсных регионах, где производственные показатели растут, но на параметрах качества жизни в регионе это практически не отражается. Показатели инклюзивности не увеличиваются.

Сводный индикатор инклюзивности больше ориентирован на оценку накопленного результата развития. Задача же состоит в том, чтобы оценить сдвиги в производстве и условиях жизни в текущий период с позиции их соответствия целям долговременного устойчивого развития. С этой позиции и надо подходить к формированию ИКЭР, в том числе, к заимствованию части показателей из состава IDI — индекса инклюзивного развития.

В вопросе оценки качества роста в регионах, как и в целом в постановке проблемы инклюзивности с позиции справедливости, много моментов, связанных с аспектами внутренней политики, в том числе с согласованием общенациональных и региональных интересов, включая более справедливое распределение доходов от производственной деятельности, учет влияния внешнего фактора и экспортной ориентации регионов на их дифференциацию по показателям развития.

Выход из сложной ситуации, связанной с потребностью совмещения задач по ускорению динамики экономического роста с задачами в области повышения инклюзивности регионального развития, видится в политике, ориентированной на использование преимуществ дифференцированного технологического роста при одновременном резком увеличении количества точек экономического роста (зон опережающего развития) на территории страны с распространением их на все субъекты федерации. Территориальное пространство Российской Федерации — важнейший стратегический ресурс. Вместе с тем полномасштабная реализация этого преимущества при решении задач устойчивого развития в заметной степени будет связана с успешностью программ по улучшению условий жизни в обширных малонаселенных регионах страны.

Таким образом, в системе ИКЭР (на уровне субъектов федерации) должны, в числе прочего, найти отражение такие характеристики, как наличие зон опережающего развития, результативность технологического роста, эффективность использования ресурсного потенциала и параметры качества жизни. А в качестве критериев (один из возможных

Таблица 2 / Table 2

Характеристики региональных пропорций России в 2018 г. /
Characteristics of Russia's regional proportions in 2018

Регион	Соотношение со среднероссийскими показателями, %							ФКП на душу Кол-во ПМ1	ПМрег (оценка) к ПМрос (отчет) %
	ПЛ	ЧН	ЧЗ	ВРП	ВРП на душу	ВРП на 1 занятого	ФКП на душу		
Россия	100	100	100	100	100	100	100	2,8	100
Центральный	4	27	30	35	129	117	130	3,1	117
Северо-Западный	10	10	10	11	112	107	106	2,7	110
Южный	3	11	10	7	61	66	90	2,7	95
Северо-Кавказский	1	7	5	2	34	42	71	2,2	91
Приволжский	6	20	19	15	73	77	83	2,6	89
Уральский	11	8	9	15	178	169	104	2,8	106
Сибирский	25	12	11	10	84	89	76	2,2	99
Дальневосточный	41	6	6	6	110	109	108	2,4	127
Москва	0,02	9	12	21	246	170	199	3,6	157
С.-Петербург	0,01	4	4	5	135	112	132	3,5	107
Центральный без Москвы	4	18	17	14	74	79	97	2,8	98
Северо-Западный без С.-Петербурга	10	6	5	6	97	103	89	2,2	111

Обозначения: ПЛ – площадь территории; ЧН – среднегодовая численность населения; ЧЗ – среднегодовая численность занятых; ВРП – валовой региональный продукт; ФКП – фактическое конечное потребление; ПМ – прожиточный минимум.

Источник / Source: рассчитано авторами на основе данных Росстата / calculated by the authors based on Rosstat data.

подходов) можно использовать установки о связи производственных результатов региона с рядом параметров, характеризующих условия жизни на его территории.

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ФАКТОРНОЙ МАКРОМОДЕЛИ ДЛЯ ОЦЕНКИ РЯДА ПОКАЗАТЕЛЕЙ СИСТЕМЫ ИКЭР: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Общая характеристика тренда экономической динамики с позиции состоятельности и устойчивости

Визуальное представление экономической динамики с характеристикой относительного роста

ВВП в логарифмической шкале (рис. 1), где одинаковый кратный рост выражается одинаковыми отрезками по вертикали, наглядно отражает сложную историю экономического развития России.

Послевоенный рост экономики, характеризовавшийся быстрым восстановлением военных потерь, ускоренным наращиванием экономического потенциала, во многом определялся активной государственной политикой использования достижений IV технологической волны. Ее возможности были практически исчерпаны к середине 70-х гг. Последующая перестройка экономики и упущенные возможности вхождения в V волну в 90-е гг. сочетались с падением темпов экономического роста.

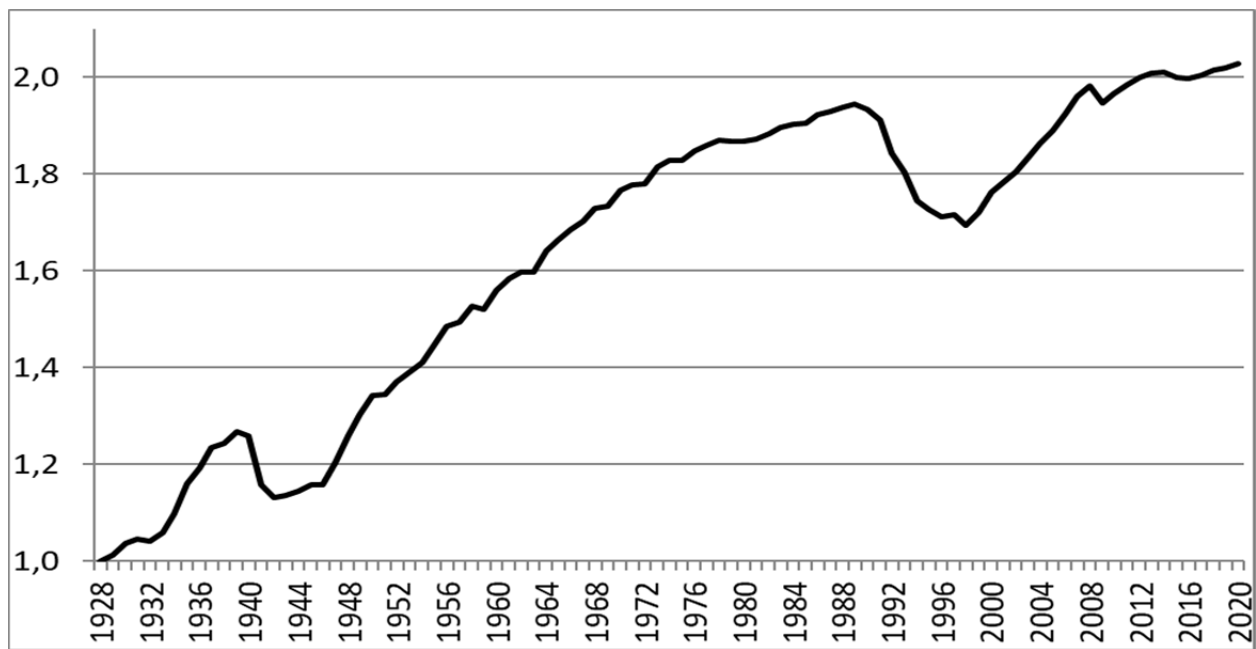

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика ВВП в логарифмической шкале. 1928 = 1,00 /
GDP dynamics on a logarithmic scale. 1928 = 1.00

Источник / Source: рассчитано по данным Росстата; индексы роста ВВП за 1928–1991 гг. рассчитаны по [13, 14] / calculated from Rosstat data; GDP growth indices for 1928–1991 were calculated from [13, 14].

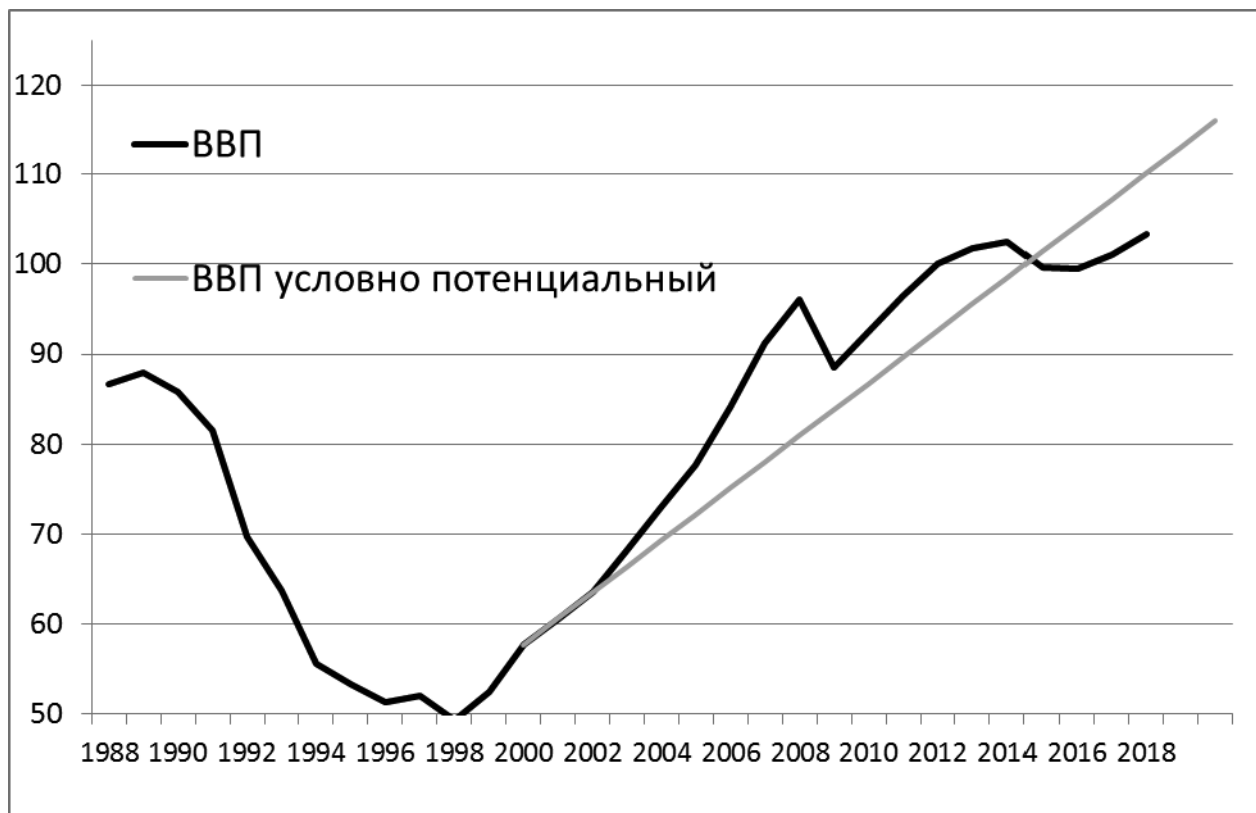

Рис. 2 / Fig. 2. Динамика ВВП в 1988–2018 гг., 2012 = 100 /
Dynamics of GDP in the years 1988–2018, 2012 = 100

Источник / Source: рассчитано по данным Росстата / calculated according to Rosstat data.

Переход от экономического спада 1992–1998 гг. к экономическому росту в 1999–2003 гг. основывался на расчистке почвы для формирования условий, инициировавших рост экономики, сдерживавшихся (отчасти искусственно) перед кризисом 1998 г. После реализации посткризисного импульса в 1999–2000 гг. в последующие два года (2001–2002 гг.) темпы роста экономики составляли 4,7–5,1% и были весьма близки к темпу роста потенциального ВВП (рис. 2).

В период 2003–2008 гг. темпы прироста ВВП увеличились более чем на 7% в год. В основном благодаря конъюнктурному фактору [4]: высокой динамике и уровню цен на нефть, спросу на российские энергетические ресурсы. Но это был конъюнктурный рост, его нельзя назвать состоятельным.

Однако доходы, полученные от циклического и конъюнктурного роста в этот период, позволили заметно улучшить условия жизни населения и частично стали источником состоятельного роста через их вложение в расширение производственных мощностей несырьевых отраслей, в технологии и человеческий капитал.

Это объясняет тот факт, что из 28%-ного конъюнктурного роста (превышение над трендом условно потенциального роста) в 2003–2008 гг. в период кризиса 2008–2009 гг. было потеряно лишь 12%, остальная часть обеспечила формирование состоятельной компоненты роста.

В первые годы (2010–2012 гг.) после кризиса динамика ВВП характеризовалась восстановительными темпами прироста (в среднегодовом выражении порядка 4,1%). Торможение фактической динамики ВВП в последующий период (2014–2019 гг.) определилось влиянием как внешних, так и внутренних факторов (влиянием санкций западных стран, падением нефтяных цен, сокращением инвестиций в основной капитал, прежде всего в инновационные сектора экономики).

Макроэкономическая модель потенциального роста ВВП и его факторов и результаты расчетов с ее применением

Для анализа факторов экономического роста в период с 2000 г. (в том числе — анализа совокупной производительности факторов) используется аппарат производственной функции. Производственные функции позволяют оценить динамику потенциального ВВП, которая зависит от роста основного капитала, затрат труда и со-

вокупной производительности факторов. Понятие потенциального ВВП сформулировано в теории эндогенного роста, но остается центральным и в теории качества роста в силу своей фундаментальности.

Неоклассические модели эндогенного роста разработаны в трудах Солоу [15] и Купменс [16]. В последующие годы они развивались путем расширения системы факторов роста на основе включения человеческого капитала в работах Лукаса [17], Кабалье и Сантос [18] и Барро и Сала-и-Мартин [19, 20] и фактора технологического прогресса в трудах Эрроу [21], Ромера [22]. Обобщение исследований условий и факторов роста на основе выборки примерно по 100 странам можно найти в основополагающей работе Р. Барро [19]. Там же содержатся оценки влияния состояния человеческого капитала на экономический рост.

Указанные работы обеспечили теоретическую основу предположениям [4, 6] по оценке факторов роста и потенциального ВВП на основе включения инновационного фактора для России. Построенная с их учетом российская производственная функция сегодня имеет вид (1):

$$Y_t = B_t K_t^\alpha L_t^\beta U_t^\gamma Ex_t^\delta P_t, \quad (1)$$

где Y_t — индекс роста валового внутреннего продукта; L_t — фактор труда, представляемый динамикой численности занятых в экономике; K_t — фактор капитала, представляемый динамикой основного капитала; U_t — изменение мировых цен на нефть; Ex_t — рост физического объема экспорта; P_t — фактор технологического прогресса (инновационный фактор); B_t — коэффициент, учитывающий прочие факторы.

Факторы цен на нефть и роста физического объема экспорта добавлены для отражения специфики российской экономики в этот период. Их введение значительно улучшило аппроксимацию ее динамики.

Повышение совокупной производительности факторов как индикатор качества труда является конечным результатом деятельности отраслей инновационного сектора: наука, информатика, образование, здравоохранение, культура. Поэтому основными инструментами ее роста выступают увеличение инновационного фонда $W(t)$, определяемого как накопленные вложения в этот сектор за период времени, не превышающий срок сохранения свойства их инновационности, а также

Таблица 3 / Table 3

**Факторное разложение темпа прироста ВВП в 2001–2019 гг., % /
Factor decomposition of the GDP growth rate in 2001–2019, %**

Вклады факторов (п.п)	Годы																		
	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
1. Численность занятых	0,4	0,5	0,4	0,4	0,4	0,4	0,6	0,5	-0,7	-0,1	0,1	0,2	0,0	-0,1	0,0	-0,2	0,1	0,2	-0,3
2. Основной капитал, из него:	1,9	2,3	2,9	2,9	3,0	3,3	3,3	3,4	3,2	2,9	2,8	3,3	3,2	2,8	2,2	1,4	0,6	0,9	1,2
2.1. Экспорт потенциальный	0,8	1,0	1,1	1,0	0,8	0,5	0,3	0,1	0,0	0,2	0,1	0,2	0,3	0,3	0,5	0,5	0,4	0,3	0,1
3. Инновационный фактор (TFP1)	0,6	0,5	0,6	0,6	0,7	0,9	1,0	1,0	0,7	0,8	0,8	0,8	0,7	0,6	0,5	0,3	0,3	0,4	0,4
4. TFP совокупная производительность (3 + 2.1)	1,4	1,6	1,7	1,6	1,5	1,4	1,3	1,1	0,7	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9	0,8	0,7	0,7	0,5
5. ВВП потенциальный (1 + 2 + 3)	3,0	3,4	3,8	3,9	4,1	4,6	5,0	4,8	3,3	3,6	3,7	4,2	3,9	3,3	2,7	1,5	1,0	1,5	1,3
6. Конъюнктурные и циклические факторы	2,1	1,3	3,5	3,2	2,3	3,6	3,6	0,4	-11,1	0,9	0,6	-0,5	-2,1	-2,6	-5,5	-1,7	0,6	0,8	0,0
7. ВВП фактический (5 + 6)	5,1	4,7	7,3	7,2	6,4	8,2	8,5	5,2	-7,8	4,5	4,3	3,7	1,8	0,7	-2,8	-0,2	1,6	2,3	1,3
Экспорт фактический	0,8	2,0	2,4	1,9	0,9	1,1	0,9	-0,5	-0,6	1,4	-0,3	0,1	0,7	0,2	1,2	0,8	0,7	0,8	-0,7

Источник / Source: рассчитано по данным Росстата / calculated according to Rosstat data

эффективность использования фонда, выражаемая через коэффициент эластичности μ : вклад 1% роста этого фонда в прирост ВВП. Величина инновационного фонда рассчитывается по формуле (2):

$$W(t) = V(t) - V(t - n), n = 7-10 \text{ лет}, \quad (2)$$

где $W(t)$ — инновационный фонд на момент t ; $V(t)$, $V(t - n)$ — накопления в инновационные сектора на моменты t и $t - n$.

Показатель инновационного фонда, учтенный в производственной функции с определенной эластичностью μ , используется в ней в качестве прокси-переменной для отражения технологического (инновационного) фактора (3):

$$P(t) = W(t)^\mu. \quad (3)$$

Для значений параметров функции по данным за 1997–2019 гг. получены следующие оценки:

$$\alpha = 0,41, \beta = 0,59, \gamma = 0,20, \delta = 0,20, \mu = 0,11.$$

К конъюнктурным факторам отнесены влияние цен на нефть, а также часть экспортного фактора, обусловленная ростом цен на нефть.

Рост совокупной производительности факторов (TFP) определяется суммой инновационного фактора (TFP1) и фактора роста физического объема экспорта, обусловленного ростом инвестиций в основной капитал.

Оценки вклада основных факторов в рост производства, рассчитанные в соответствии с моделью (1), представлены в табл. 3.

Наиболее высокие темпы инвестиций в инновационный сектор экономики отмечались в 2001–2007 гг., а наибольший относительный рост накопленного инновационного фонда приходился на 2006–2011 гг. с учетом лага накопления фонда и его отдачи. Фактически на этот же период (2006–2012 гг.), как видно из данных табл. 3, приходится и наиболее высокий вклад его в динамику экономического роста. Период 2000–2008 гг. был наиболее прогрессивным и в снижении уровня бедности: с 29% в 2000 г. до 13,4% к концу периода.

В следующий период вклад инновационного фактора начинает замедляться: с 0,8 п. п. в 2011–2012 гг. до 0,3 п. п. в 2017 г. Это связано как с падением инвестиций в основной капитал и, соответственно, замедлением роста основного капитала, так и со снижением инвестиций в инновационные сектора экономики, что особенно важно. Ухудшается и ряд других характеристик качества роста.

При оценке возможностей инновационного фактора необходимо учесть, что проявление его результатов носит лаговый характер. Оценки показывают, что даже при опережающем росте инвестиций в инновационные сектора экономики его влияние начнет заметно возрастать только к концу периода, достигнув к 2025–2030 гг. докризисного уровня 2007 г.

Конечно, таких агрегированных оценок и выводов о необходимости увеличения вложений в инновационную сферу недостаточно для формирования конкретных предложений по повышению вклада человеческого капитала в экономический рост. Они могут строиться только на более детальном анализе факторов, формирующих качество человеческого капитала.

ВЫВОДЫ

Анализ качества экономического роста выступает важнейшей предпосылкой для принятия обоснованных решений в области государственной политики, направленной на обеспечение долговременного устойчивого развития страны и социального прогресса. Информационную основу такого анализа дает построение системы численно определенных индикаторов, значения которых сигнализируют о сдвигах в качестве результатов экономического роста и внутренних условий развития исходя из задачи обеспечения долговременного устойчивого развития страны.

Состав системы индикаторов качества экономического роста (ИКЭР) должен обеспечивать необходимую комплексность анализа, отражая такие характеристики экономического роста, как динамичность, устойчивость, состоятельность экономического роста, эффективность, прогрессивность и инновационность экономики, а также социальные аспекты и инклюзивность развития. Система ИКЭР должна обеспечивать возможность учета вклада условий и факторов развития в экономический рост и его инклюзивность.

Сложность анализа качества роста определяется его многоаспектностью, сложностью гармонизации всех сторон качества развития. Это, в частности, относится к дилемме — темпы роста или инклюзивность. В этом плане нахождение оптимального сочетания всех факторов и условий развития — сложнейшая задача, стоящая перед экономической наукой и политикой.

Россия, находясь на высоких позициях в международных рейтингах по уровню могущественности и масштабности экономики, проигрывает многим странам по важнейшим направлениям качества — глобальной конкурентоспособности и качеству условий жизни основной массы населения. Ускорение экономической динамики страны на основе повышения эффективности факторов производства, развития человеческого капитала, рационализации структуры распределения и использования ресурсов — фундаментальная основа улучшения качества жизни населения.

Система индикаторов качества роста еще не построена, требуется решение многих методологических проблем. Необходимо предусмотреть дополнительные характеристики, адекватно отражающие инновационность развития, учесть совокупную факторную производительность, динамику потенциального роста и т. д.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Куранов Г. О. Об измерении качества роста. *Вопросы статистики*. 2019;(7):5–19.
2. Стрижкова Л. А., Куранов Г. О., Кузнецова Г. Ю., Блохин А. А. Система индикаторов качества экономического роста. Научный доклад на Ефимовских чтениях — II. М.: ВАВТ Минэкономразвития; 2019. 80 с.
3. Клепач А. Н., Куранов Г. О. О циклических волнах в развитии экономики США и России. *Вопросы Экономике*. 2013;(11):4–33.
4. Куранов Г. О., Лукьяненко Р. Ф. Исследование экономической динамики и обоснование факторов роста. *Вопросы статистики*. 2017;(11):3–20.
5. Суворов А. В., Суворов Н. В., Балашова Е. Е., Болдов О. Н., Бондаренко Н. В., Гребенников В. Г., Иванов В. Н., Красильникова М. Д., Трещина С. В. Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития России (коллективная монография). СПб.: Нестор-История; 2016. 264 с.

6. Куранов Г.О. Об исследованиях экономической динамики для целей прогнозирования. *Вопросы статистики*. 2014;(6):8–19.
7. Садовничий В.А., Акаев А.А., Коротаев А.В., Малков С.Ю. Комплексное моделирование и прогнозирование развития стран БРИКС в контексте мировой динамики. Научный совет по Программе фундамент. исслед. Президиума Российской академии наук «Экономика и социология науки и образования». М.: Издательский Дом «Наука»; 2014. 382 с.
8. Стрижкова Л.А. Использование таблиц «затраты-выпуск» при оценке зависимости российской экономики от импорта и процессов импортозамещения. *Вопросы статистики*. 2016;(5):3–22.
9. Стрижкова Л.А. О структуре стоимости конечной отечественной продукции на основе межотраслевого метода. *Экономист*. 2013;(6):61–71.
10. Стрижкова Л.А., Златоверховникова Т.В. Интегральный индикатор качества жизни населения — ИИКЖ (сравнительная характеристика регионов России). URL: http://www.umc.gu-unprk.ru/umc/arhiv/2012/2/strizkova_zlatoverhova.doc.
11. Баринаева В.А., Земцов С.П. Интенсивный рост устойчивости регионов в России. *Регион: экономика и социология*. 2019;1(101):23–46.
12. Севастьянова А.Е., Токарев А.Н., Шмат В.В. Особенности применения концепции инклюзивного развития к регионам ресурсного типа. *Регион: экономика и социология*. 2017;1(93):213–236.
13. Barro, Robert J. and Xavier Sala-i-Martin (1995a). “Economic Growth,” New York, McGraw Hill.
14. Maddison A. Statistics on World Population, GDP and Per Capita GDP, 1–2008 AD. URL: <https://www.scirop.org/reference/referencespapers.aspx?referenceid=467913>.
15. Solow, Robert M. (1956). “A Contribution to the Theory of Economic Growth,” *Quarterly Journal of Economics*, 70, 1 (February), 65–94.
16. Koopmans, Tjalling C. (1965). “On the Concept of Optimal Economic Growth,” in *The Econometric Approach to Development Planning*, Amsterdam, North Holland.
17. Lucas, Robert E., Jr. (1988). On the Mechanics of Economic Development. *Journal of Monetary Economics*. 22, 1 (July), 3–42.
18. Caballe, Jordi and Manuel S. Santos (1993). On Endogenous Growth with Physical and Human Capital. *Journal of Political Economy*. 101, 6 (December), 1042–1067.
19. Barro R.J. (1996). “Determinants of Economic Growth: A Cross-Country Empirical Study”, National Bureau of Economic Research, Cambridge, № w5698 (August).
20. Barro, Robert J. and Xavier Sala-i-Martin (1995b). “Technological Diffusion, Convergence, and Growth,” National Bureau of Economic Research, working paper no. 5151, June.
21. Arrow K.J. The Economic Implications of Learning-by-doing, *Review of Economic Studies*, 1962.
22. Romer P.M. Endogenous Technological Change. 1989.

REFERENCES

1. Kuranov G. O. On measuring the quality of growth. *Voprosy statistiki*. 2019;(7):5–19. (In Russ.).
2. Strizhkova L.A., Kuranov G. O., Kuznetsova G. Yu., Blokhin A. A. System of indicators of the quality of economic growth. Scientific report on Efimov Readings-II. Moscow: VAVT of the Ministry of Economic Development; 2019. (In Russ.).
3. Klepach A.N., Kuranov G. O. On cyclical waves in the development of the US and Russian economy. *Voprosy Ekonomiki*. 2013;(11):4–33. (In Russ.).
4. Kuranov G. O., Lukyanenko R.F. Research of economic dynamics and justification of growth factors. *Voprosy statistiki*. 2017;(11):3–20. (In Russ.).
5. Suvorov A.V., Suvorov N.V., Balashova E.E., Boldov O.N., Bondarenko N.V., Grebennikov V.G., Ivanov V.N., Krasilnikova M. D., Crack S. V. Human capital as a factor of socio-economic development of Russia. Collective monograph. St. Petersburg: Nestor-Istoriya; 2016. (In Russ.).
6. Kuranov G. O. On studies of economic dynamics for forecasting purposes. *Voprosy statistiki*. 2014;(6):8–19. (In Russ.).
7. Sadovnichy V.A., Akaev A.A., Korotaev A.V., Malkov S. Yu. Complex modelling and forecasting of BRICS countries' development in the context of global dynamics. Moscow: Nauka Publishing House; 2014. (In Russ.).

8. Strizhkova L.A. Use of input-output tables in assessing the dependence of the Russian economy on imports and import substitution processes. *Voprosy statistiki*. 2016;(5):3–22. (In Russ.).
9. Strizhkova L.A. On the structure of the cost of final domestic products based on the inter-sectoral method. *Economist*. 2013;(6):61–71. (In Russ.).
10. Strizhkova L.A., Zlatoverhognikova T.V. The Integral Indicator of Life Quality of population (comparative characteristics of the regions of Russia). URL: http://www.umc.gu-unpk.ru/umc/arhiv/2012/2/strizhkova_zlatoverhova.doc. (In Russ.).
11. Barinova V.A., Zemtsov S.P. Intensive growth of regional stability in Russia. Region: *Economics and sociology*. 2019;1(101):23–46. (In Russ.).
12. Sevastyanova A.E., Tokarev A.N., Shmat V.V. Features of applying the concept of inclusive development to resource-type regions. *Region: Economics and sociology*. 2017;1(93):213–236. (In Russ.).
13. Barro, Robert J., Sala-i-Martin Xavier. *Economic Growth*. New York: McGraw Hill; 1995.
14. Maddison A. *Statistics on World Population. GDP and Per Capita GDP, 1–2008 AD*. URL: <https://www.scrip.org/reference/referencespapers.aspx?referenceid=467913>.
15. Solow, Robert M. A Contribution to the Theory of Economic Growth. *Quarterly Journal of Economics*. 1956;70(1): 65–94.
16. Koopmans, Tjalling C. On the Concept of Optimal Economic Growth. In: *The Econometric Approach to Development Planning*. Amsterdam: North Holland; 1965.
17. Lucas, Robert E., Jr. On the Mechanics of Economic Development. *Journal of Monetary Economics*. 1988;22(1):3–42.
18. Caballe, Jordi, Santos Manuel S. On Endogenous Growth with Physical and Human Capital. *Journal of Political Economy*. 1993;101(6):1042–1067.
19. Barro, R. J. Determinants of Economic Growth: A Cross-Country Empirical Study. National Bureau of Economic Research. Working Paper No. w5698; August 1996.
20. Barro, Robert J., Sala-i-Martin Xavier. Technological Diffusion, Convergence, and Growth. National Bureau of Economic Research. Working Paper No. 5151; June 1995.
21. Arrow, K.J. The Economic Implications of Learning-by-doing. *Review of Economic Studies*. 1962;29(3):155–173.
22. Romer, P.M. Endogenous Technological Change. National Bureau of Economic Research. Working Paper No. 3210; 1989.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Любовь Аркадьевна Стрижкова — доктор экономических наук, руководитель Центра макроэкономического прогнозирования и структурных исследований ИМЭИ-ВЭИТ, Москва, Россия
l.strizhkowa@yandex.ru

Геннадий Оразович Куранов — кандидат экономических наук, ведущий эксперт Минэкономразвития России, Москва, Россия
kuranov@economy.gov.ru

ABOUT THE AUTHORS

Lyubov A. Strizhkova — Doctor of Economics, Head of the Center for Macroeconomic Forecasting and Structural Research, Russian Foreign Trade Academy, Moscow, Russia
l.strizhkowa@yandex.ru

Gennady O. Kuranov — Cand. Sci. (Economics), Leading expert of the Ministry of Economic Development of Russia, Moscow, Russia
kuranov@economy.gov.ru

Статья поступила 15.04.2020; принята к публикации 15.07.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.04.2020; accepted for publication on 15.07.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.